

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра редакционно-издательского дела
и информатики

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Продолжающийся сборник

Выпуск второй

Москва - 2011

Татьянин день: продолж. сб. / ответственный редактор
М. И. Алексеева. М.: Факультет журналистики МГУ
имени М.В. Ломоносова, 2011.
288 с.: ил.

В этом выпуске «Татьянина дня» мы отдаем дань памяти основателю Московского университета Михаилу Васильевичу Ломоносову в связи с 300-летием со дня его рождения.

Авторов и составителей сборника интересуют еще не прочитанные страницы истории Московского университета, малоизвестные подробности и факты жизни, научного творчества, общественной деятельности профессоров, преподавателей и выпускников его, студенческая жизнь во всех ее проявлениях, традиции и обычаи студенческого братства.

Публикуемые материалы могут представлять интерес не только для профессоров, преподавателей, студентов и выпускников Московского университета, но и для всей читающей публики.

© Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

© М. И. Алексеева, Н. В. Фролова (сост.)

К читателю

Исполнилось 300 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова. Мы почитаем его как человека, открывшего «собственное время» Московского университета. Первый русский большой ученый, выдающаяся личность, он внес неоценимый вклад в историю России. Вослед Ломоносову развивались и множились университетские научные школы, а земля русская наполнилась просвещенными людьми. Удивительным образом переплетались судьбы этих людей, и столь же удивительно проявлялась их, как принято сейчас говорить, корпоративная солидарность. Обо всем этом речь идет в новом выпуске сборника «Татьянин день».

Обычно принято отмечать вклад Московского университета в науку. И это справедливо. Но сейчас, когда человечество по многим позициям поставило себя на грань глобальной, общемировой катастрофы, не пора ли вспомнить о нравственном воспитании людей, которое могло бы удержать мир от нее? А ведь именно это нравственное воспитание всегда было воздухом, атмосферой Московского университета!

Во всякой жизни можно оставаться хорошим человеком, вспоминая пророческие слова Л. Н. Толстого И. А. Бунин^{*}. Правда, если существует шкала ценностей, определяющая сами понятия добра и зла. И во многом содержание этих понятий обусловлено временем их существования, но, главное, людьми, которые означенное время создают. Зачастую эти фигуры не очень яркие, но они «проявляют» атмосферу высокой нравственности и духовности, без которой невозможно говорить об университете.

Согласуясь со своими личными представлениями о чести и человеческом достоинстве, один за другим покинули университет его лучшие профессора и преподаватели в 1911 году в ответ на оскорбительные действия властей. Покинули, несмотря на то,

* И. А. Бунин. Освобождение Толстого. Париж. YVCA-PRESS, 1937. С. 83.

что для многих из них это было равносильно смерти. Они теряли лаборатории, любимую педагогическую практику. Данью памяти таким людям, являются воспоминания М. Е. Осипова. Интересно, что воспоминания эти написаны в эмиграции и являются для автора прочной нитью, связывающей его с Университетом, а значит – с Россией.

Совсем в другое время жил декан биологического факультета МГУ С. Д. Юдинцев (1901–1960). В сложнейшей жизненной ситуации он мужественно исполнял свой долг ученого и педагога, являя пример порядочности и чувства собственного достоинства.

Следуя намеченному плану, мы стремимся сохранить подробности университетской жизни. Нам интересно все, что связано с Московским университетом. Надеемся, что это будет интересно и нашим читателям. Приглашаем к сотрудничеству всех желающих.

М.В. Ломоносов
1711–1765

*«Мое единственное желание
состоит в том, чтобы привести
в возделанное течение гимназию
и университет, откуда могут
произойти многочисленные Ломоносовы.»*

М. В. Ломоносов

Московский университет, его время и люди

«Гений есть самое торжественное проявление силы человеческого духа. Ниспосылаемый на землю как решитель препятствий, затрудняющих ход человечества и народов, он есть как бы фокус сознания современного ему человечества или своего народа...»

«Не есть ли Ломоносов одна из самых ярких народных слав? Ученый, поэт и литератор, не по случаю, а по призванию, он преодолел тысячи препятствий и во всю жизнь остался человеком, ученым тружеником, а не сделался, когда улыбнулось ему мирское счастье, вельможею, знатным баринном...»

*В.Г. Белинский
«Михаил Васильевич Ломоносов.
Сочинение Ксенофонта
Полевого».*

**Из лекции В. А. Садовниченко на
Международном конгрессе «Ломоносов – 94»
19 октября 1994 г.**

Существование у Московского университета собственного времени, конечно, не составляет какой-то национальной особенности университетов только в России. Оно есть у всех университетов мира. Вспомним хотя бы Кембриджский университет и его воспитанника лорда-канцлера Френсиса Бэкона, время которого и имя которого Англия поставила «в ряду с самыми чистыми и благородными именами своей истории» за то, что «ему первому пришла мысль о построении всех знаний наших в одну органическую науку».

Мир науки и по сей день стремится к воплощению в жизнь этого идеала Бэкона. Достаточно назвать идею единой теории поля Альберта Эйнштейна или 26 знаменитых проблем математики Давида Гильберта.

Итак, я начинаю с утверждения о том, что история Просвещенной России открывается именами и временем Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) и Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797) – основателей Московского университета, первыми утвердившихся в убеждении, что все высшие достижения мировой культуры и науки вполне доступны русскому народу, что в России, как и в других странах, также «довольно будет национальных достойных людей в науках...» и ей по плечу «рождать собственных Платонов и Невтонов».

Нередко иностранные гости Московского университета задают мне вопрос: «Почему Ваш университет носит имя человека, никогда не преподававшего и, более того, не бывавшего в нем?»

Я обычно отвечаю – за идею, ибо нет ничего более мощного, чем идея, время которой пришло.

Чтобы уловить этот момент, мало было быть гениальным ученым-энциклопедистом, каковым являлся Михаил Васильевич Ломоносов. Мало иметь самое современное европейское образование, а Ломоносов, как известно, получил его в Германии, в университете города Марбурга (1736–1739 гг.). Надо было еще быть при всем этом глубоко русским человеком и патриотом, чтобы не столько разумом, сколько душой и сердцем почувствовать – время пришло, собственное время Московского университета начинает свой отсчет.

Наконец, надо было быть тонким психологом и политиком, чтобы понять – идея создания общенационального, русского университета в чиновном Петербурге не осуществима. Об этом более чем красноречиво свидетельствовала судьба университета и гимназии при Петербургской Академии наук, созданных в 1725 году. За первые 30 лет существования академическая гимназия не дала своему университету ни одного студента. Отсюда и предложение Ломоносова – «установление онаго университета в Москве тем способнее будет», поскольку Москва расположена «среди Российского государства». Центральное положение Москвы как исторического и культурного средоточия России впервые выяснено было также Ломоносовым. Вспомним хотя бы «его взгляд на основы русского литературного языка: в основе его, по мнению Ломоносова, отныне должен лежать говор московский, не только, как понятный во всех концах Русского государства, не только, как срединный по своему географическому положению, но центральный и в силу исторического значения Москвы»*.

Но трудно, да и бессмысленно гадать, что случилось бы с идеей Ломоносова об учреждении Московского университета, если бы она не овладела полностью и без остатка мыслями и делами другого великого гражданина и просветителя России, самого близкого к императрице Елизавете Петровне человека, ее фаворита Ивана Ивановича Шувалова. О его личности красноречиво свидетель-

ствует мнение Вольтера. «Узнав, – писал он Шувалову, – что вам всего двадцать пять лет, не мог не надивиться глубине и разнообразию ваших познаний»*.

Его заслуга перед Россией состоит прежде всего в том, что как опытный царедворец и государственный деятель он мгновенно оценил план Ломоносова об учреждении университета именно в Москве и провел соответствующее решение – указ императрицы Елизаветы Петровны через Сенат – высший правительственный орган. Одно это потребовало от Шувалова прозорливости и огромного мужества в борьбе с противниками идеи Ломоносова, коих у нее было немало как внутри страны, так и за ее пределами. Однако, в еще большей мере мы обязаны воздать должное Шувалову за то, что он отстоял в самых высших эшелонах власти России главное – демократическую сущность Московского университета, его открытость для «разночинцев, по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются». Только на этой почве могла стать плодотворной концепция университетской автономии. В реальных условиях тогдашней России внесловный характер обучения в Московском университете с неизбежностью должен был быть дополнен и его независимостью от всякого рода бюрократического, политического и полицейского вмешательства государства.

И Шувалову удалось этого добиться. Московский университет был взят непосредственно под протекцию императрицы, которая управляла им через назначенного ею куратора. Университет был подчинен только Правительственному Сенату, и ни от каких иных государственных структур «повеления принимать не был обязан». Он освобождался от всякого рода налогов и иных поборов. Профессора, преподаватели, студенты и служащие университета не могли «без ведома и позволения» его куратора и директора преследоваться в судебном порядке никаким иным судом, «кроме университетского»**.

* Сперанский М. Н. Московский университет XVIII столетия и Ломоносов // Празднование двухсотлетней годовщины рождения М. В. Ломоносова Императорским Московским университетом. – М., 1912. – С. 29.

* Московский университет в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 7.

** Там же. – С. 31.

Из Слова о Московском университете, произнесенного В.А. Садовничим на торжественном заседании Совета Ученых советов в Татьянин день 2010 года

«Татьянин день проходит в Москве особенно весело», – отмечал в конце XIX века Антон Павлович Чехов. Если бы Чехов смог увидеть, как сегодня празднуют этот день студенты, я думаю, он порадовался бы вместе с нами.

Я не случайно вспомнил Чехова. 29 января исполняется сто пятьдесят лет со дня его рождения, и Московский университет отмечает эту дату с особым чувством. Чехов – один из самых известных русских писателей в мире. Его пьесы, прославившие русскую литературу и русскую театральную школу, идут на театральных подмостках многих стран на самых разных языках.

Для нас Чехов – не только писатель, прославивший русскую литературу, но и наш выпускник. Он успешно закончил медицинский факультет Московского университета, получив звание уездного врача. На его дипломе стоит подпись декана факультета Н.В. Склифосовского. И врачом Чехов был всю жизнь. Его отличало особое – душевное, заботливое отношение к пациентам, причем многих он лечил бесплатно.

Как будто наперекор своей литературной славе он в шуточной форме сам расставлял свои приоритеты, говоря, что медицина – его законная жена, а литература – любовница.

Об успехах Чехова в области медицины знают гораздо меньше, но и о них тоже можно сказать немало интересного. Например, о том, как Чехов по библейским текстам определил, от какой болезни умер царь Ирод.

Чехов давал в литературе настолько точные медицинские описания, что некоторые его рассказы входят в обязательную программу обучения студентов медицинских факультетов американских университетов.

В России немало памятников писателю Антону Павловичу Чехову. Я думаю, что мы можем поставить памятник студенту-медику XIX века Антону Чехову. Сегодня рядом с Университетским медицинским центром мы заложили камень в основание этого па-

мятника. Это будет хорошим символом единства науки и искусства, которое олицетворяет Московский университет.

Именно этой теме – «Московский университет и культура России» – я бы хотел посвятить свою Актовую речь на Татьянин день в этом году.

Слово культура имеет широкий смысл. Культура – это совокупный духовный опыт народа с его культурно-историческим наследием, включающим достижения науки, образования и искусства, мировоззренческие и этические ценности. Именно этот смысл вкладывал в слово культура и Почетный доктор Московского университета Александр Исаевич Солженицын в своем известном выступлении в Российской академии наук.

Всей своей историей Московский университет убедительно демонстрирует свою выдающуюся, уникальную роль в развитии культуры нашей страны. Уже само его учреждение в 1755 году явилось прорывом практически во всех сферах, совокупность которых и составляет культуру народа.

Прежде всего – это, конечно, создание системы университетского образования в России, начало которой было положено первым российским университетом. По его образу и подобию и с участием его профессоров по всей стране открывались университеты: Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Киевский и другие.

Московский университет создавался вместе с гимназией и этому примеру последовали и другие университеты. И сегодня Московский университет делает много для укрепления связи высшей и средней школы. Мы совершенствуем педагогическое образование в стране, пишем учебники для школ, возглавляем школьное олимпиадное движение.

Московский университет – не только признанный лидер высшего образования, но и крупнейший научный центр, в котором успешно работают многочисленные научные школы, признанные в нашей стране и за рубежом. В основе этого – тесная, органичная связь с Российской академией наук. У многих наших научных школ, если можно так сказать, «двойная прописка» – Московский университет и Академия наук. И в этом тоже – уникальность университета и залог его научных успехов.

Образованием и наукой миссия университета, конечно, не ограничивается.

Практически сразу после своего учреждения Московский университет стал больше, чем просто университетом. Уже через год при нем были открыты типография и издательство, которые печатали труды университетских профессоров, русские и переводные учебники. Открывшаяся в это же время университетская библиотека была публичной, то есть открытой, как тогда говорили, для «любителей наук и охотников до чтения книг». Тогда же университет начал выпускать газету «Московские ведомости»; это была первая и в течение пятидесяти лет единственная газета в Москве.

Университетская атмосфера, столь благоприятная для научного поиска, оказалась не менее плодотворной и для художественного творчества, вдохновляя многих мастеров культуры: архитекторов и художников, писателей и поэтов, музыкантов и актеров. Альма матер стала не только храмом науки, но и питомником муз.

Ломоносов как поэт и реформатор русского стихосложения словно передал в наследство своему детищу – Московскому университету – свой поэтический дар. Он зажег тот огонь поэтического творчества, тот Вечный огонь поэзии, который освещает и согревает Альма матер.

Творчество поэтов-питомцев Московского университета – важнейшая часть поэтического наследия России. И каждое поколение студентов рождает своих поэтов. Каждый раз называю эти имена с чувством гордости. Поэты Золотого века русской литературы – Жуковский, Грибоедов, Лермонтов, Тютчев, Фет... Серебряный век дал нам Бальмонта, Брюсова, Волошина, Андрея Белого, Пастернака...

Основатель нашего университета, первый российский академик Михаил Васильевич Ломоносов был необычайно разносторонней творческой личностью, ярко проявившей себя не только в науке, но и в искусстве. Я уже говорил о его вкладе в русскую поэзию. Как художник, он известен своими выразительными мозаичными полотнами, наиболее впечатляющее из которых – «Полтавская баталия» в здании Санкт-Петербургской академии наук.

Практически с самого начала существования университета в нем были открыты художественные классы. А через два года Шу-

валов, как куратор университета, обратился в Сенат с предложением об учреждении Академии художеств (цитирую): «*Науки в Москве приняли свое начало, и тем ожидается желанная польза от их успехов. Но чтоб оные в совершенство приведены были, то необходимо должно установить Академию художеств*». В этом обращении мы видим влияние Ломоносова, его идеи, его узнаваемый авторский стиль.

Первые годы Академия художеств числилась при Московском университете, который и составил ее ядро, передав ей свои художественные классы. Среди учеников, переведенных из университета в академию, был и знаменитый в будущем архитектор Василий Иванович Баженов, создатель таких известных творений, как дом Пашкова и Царицынский ансамбль.

С самого начала в Московском университете учили разным искусствам, в том числе и музыке: игре на скрипке, флейте, пению. Университетские праздники не обходились без студенческого хорового пения. Университетский хор завоевал репутацию первоклассного музыкального коллектива. Его концерты в Благородном собрании всегда шли с аншлагом.

С хором Московского университета сотрудничал Петр Ильич Чайковский, который специально для него переложил старинный студенческий гимн «Гаудеамус». Именно в этой обработке мы слышим его на наших праздниках. Для университетского хора Чайковский написал песню «Блажен, кто улыбается».

В хоре Московского университета состоялось рождение певца Леонида Собинова – студента юридического факультета. Много лет он пел в университетском хоре. А став известным певцом, давал благотворительные концерты, все сборы от которых шли нуждающимся студентам. Более десяти лет Собиновские концерты были одним из источников средств специального фонда, который содержал бесплатную столовую, выдавал пособия, оказывал дружную поддержку.

С хором московского университета пел и другой выдающийся тенор России – Иван Козловский.

На сцене Актового зала Московского университета выступают лучшие музыкальные коллективы нашей страны: оркестры под управлением Евгения Светланова, Владимира Федосеева, Юрия Башмета, Владимира Спивакова, Валерия Гергиева.

Все эти дирижёры – Почетные профессора Московского университета. Среди тех, кто удостоен этого звания, и другие выдающиеся мастера культуры – Екатерина Максимова и Владимир Васильев, Мстислав Ростропович и Галина Вишневская, Майя Плисецкая и Родион Щедрин, Ирина Архипова, Владислав Пьявко, Дмитрий Хворостовский.

Свой подарок Московскому университету – «Татьянин вальс» – сделал Тихон Хренников.

Московский университет не мог остаться в стороне и от театрального искусства. Практически сразу после основания здесь сложилась своя театральная труппа, которая дала первое публичное театральное представление в Москве в январе 1756 года.

Театральная труппа Московского университета стала позднее основой Малого театра. И в дальнейшем, уже после того как Малый театр занял своё ведущее место в театральной жизни Москвы, его тесная связь с Московским университетом не прерывалась. Тогда даже возникла поговорка: «В Москве два университета: один – на Моховой, другой – на Театральной».

Великий русский актер, создатель реалистической школы актерской игры Михаил Семёнович Щепкин писал: «С гордостью скажу, что я много обязан Московскому университету в лице его преподавателей; одни научили меня мыслить, другие – глубоко понимать искусство».

Московский университет дал Малому театру и главного драматурга – Александра Николаевича Островского.

Профессора Московского университета входили в состав Театрально-литературного комитета, ведавшего репертуаром Малого театра.

Было и неформальное взаимодействие. В Москве того времени, недалеко и от университета, и от Малого театра, примерно на месте гостиницы «Москва», существовала литературная кофейня Печкина – пристанище артистов, учёных и литераторов. Говорили, что это самое умное и острословное место в Москве. Туда заходили выпить чашку кофе актёры Малого театра, после дневных лекций в кофейне отдыхали профессора Московского университета, забегали студенты. Конечно, была гитара, были романсы...

В своих воспоминаниях Афанасий Фет писал: «Кто знает, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству».

Связь с Малым театром не слабеет и в наши дни. Сегодня Московский университет возглавляет Попечительский совет Малого театра.

И как бы продолжая наши традиции и отвечая на новые вызовы дня сегодняшнего, университет создал в своем составе факультет искусств, который уже радует нас своими талантливыми студентами, да и расположен он там же, на Моховой.

Недавно в культурной жизни России отмечалась важная дата: двухсотпятидесятилетие учебно-научных музеев страны. Первым таким музеем стал Минеральный кабинет Демидовых, созданный семейством знаменитых горнопромышленников. Из Минералогического кабинета вырос Зоологический музей Московского университета – один из лучших естественнонаучных музеев Москвы.

По инициативе профессоров университета и, прежде всего, ректора, историка Сергея Михайловича Соловьева, в Москве был создан Исторический музей.

Отдельной страницей в просветительской деятельности Московского университета является создание Музея изящных искусств. Главным действующим лицом этой выдающейся культурной инициативы стал профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев. Уже в 1894 году на Первом Всероссийском съезде художников он выступил с докладом «Устройство музея античного искусства при Московском университете». Правление Московского университета выбрало проект московского архитектора Клейна.

Многолетняя подвижническая деятельность Цветаева по строительству Музея, поиску необходимых средств, собиранию музейных коллекций увенчалась успехом в 1912 году, когда Музей был торжественно открыт в присутствии императорской семьи.

Все эти годы незаменимой была помощь крупного предпринимателя, мецената Юрия Степановича Нечаева-Мальцева, кстати, тоже выпускника Московского университета. Он вложил в строительство Музея все свое состояние, колоссальные по тому времени деньги – два миллиона рублей – и остался без средств.

Музею были отданы практически все жизненные силы его создателей. Иван Владимирович Цветаев умер вскоре после его открытия, а еще через 40 дней скончался и Нечаев-Мальцев.

Подвижники ушли, а их детище, детище Московского университета превратилось в один из крупнейших художественных музеев мира, который готовится отметить своё столетие. Сейчас музей возглавляет выпускница Московского университета Антонова.

Говоря о музейной деятельности Московского университета, нельзя не сказать о Планетарии. Его первый директор Константин Николаевич Шестовский и большинство первых лекторов, в том числе профессора Шевляков и Шишов, были выпускниками Московского университета. Из их фамилий получилась шутка: «Земля стоит на трёх китах, а Планетарий – на трех Шишах».

Открытие Планетария имело огромный резонанс. Москвичи активно откликнулись на призыв Маяковского: «Пролетарка, пролетарий, посетите Планетарий!» Очередь за билетами в первые дни растягивалась от площади Восстания до Триумфальной площади.

В ноябре 2011 года весь мир услышит позывные спутника Московского университета «Михайло Ломоносов». Поразительно, как далеко вперед смотрел этот гений! Зарегистрированные нашими спутниками «Татьяна-1» и «Татьяна-2» так называемые транзитные свечения очень похожи на то, что Ломоносов описал в своем трактате «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». Цитирую: *«Немало с сим согласуется искусством произведенное электрическое сияние, различными цветами, по разности тел, играющее; откуда не без вероятности заключается, что на самой поверхности атмосферы движением разных паров разноцветные в эфире рождаются столпы и сияния».*

Сравните гравюру из его книги со снимками наших спутников.

Мы уверены, что новый спутник не только обогатит новыми результатами науку в той области, где

*Открыта «бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна»,*

но и покажет из космоса всему миру, где сегодня рождаются современные Платоны и Невтоны, современные Ломоносовы.

Благословим же теперь, празднуя день основания Московского университета, день, может быть, равный дню рождения Петра Великого, благословим, почтенные посетители и почтенные посетительницы, память великих самодержцев России, посредственно и непосредственно содействовавших к водворению и распространению просвещения в нашем любезном отечестве:

Рюрика, которому судьба назначила славный жребий поставить на первую ступень гражданского образования то дикое общество, почти семейство, которое ныне разродилось в обширнейшую на свете империю, где никогда не заходит солнце.

Владимира I, озарившего нас светом христианской религии, первым источником европейского счастья и просвещения.

Иоанна III, соединившего рассеянные части России в одно политическое целое и упрочившего нашу безопасность внешнюю, условие внутреннего благосостояния.

Бориса Годунова, в 1606 году замыслившего основать университет в Москве.

Федора, основателя Заиконоспасской академии.

Божественного Петра, который в глухой стене России прорубил широкое окно в Европу, Петербург; кланялся Лейбницу за его наставления и советы; привлек иностранцев; посылал своих подданных учиться в чужие края; учился сам; завел многие школы в городах; умирающей рукою уже писал устав Академии Наук; – который смело, по выражению поэта, самодержавною рукою сеял просвещение.

Елизавету, основавшую в 1755 году университет московский на краеугольной мысли Ломоносова, по ходатайству Шувалова.

Екатерину II, учредительницу гимназий и народных училищ.

Александра I, в 1805 году даровавшего университету устав, коего двадцатипятилетие мы ныне празднуем; в 1809 году издавшего бессмертный указ о праве получать высшие чины только кончившим курс университетского учения; в 1819 году облекшего нас новыми правами и преимуществами.

Из «Слова о назначении университетов вообще, и в особенности русских» М. П. Погодина
(Слово о Московском университете. М., 1997. С. 38–39)

М. И. Алексеева

Сохранить для потомков

Известны слова Ломоносова: «Хотя голова моя и много зачинает, да руки одни». Однако многие его замыслы находили реальное воплощение. Большого труда стоило ему получить разрешение на открытие фабрики для производства бисера, цветного стекла и смальты, необходимой для мозаичных работ. Указом Сената от 14 декабря 1752 года такое разрешение было дано. При этом Ломоносов получил землю и крестьян «за Ранинбаумом в двадцати четырех верстах, где строится помянутая фабрика». Наладил производство, организовал школу при фабрике.

Первые мозаичные работы, выполненные им и его учениками, были небольших размеров. В 1758 году граф Петр Иванович Шувалов предложил Сенату «приказать советнику и профессору Ломоносову сделать на его привилегированных фабриках мозаичные украшения и изобразить то, что пристойно будет для увековечения памяти Петра Великого, для спроектированного монумента внутри Санкт-Петербургской крепости» (Петропавловская крепость).

По проекту предполагалось создать восемь мозаичных картин. Единственной законченной работой оказалась «Полтавская баталия». И только она сохранилась до наших дней. Понадобилось четыре с лишним года, чтобы закончить ее вчерне. «Теперь она на месте отшлифовывается», – пишет 9 мая 1764 года Ломоносов графу М. Л. Воронцову.

Известно описание «Петровской баталии», данное самим Ломоносовым. В нем содержатся конкретные указания по поводу изображения участников Полтавской битвы и отдельных деталей картины*.

1. *Наперед изображен Петр Великий на могучей лошади верхом, лицом в половину профиля, облик нарисован с гипсовой головы, отлитой с формы, снятой с самого лица блаженных памяти Великого*

* Описание составленной мозаичной картины Полтавской победы к монументу блаженных памяти государя императора Петра Великого (приложено Ломоносовым к очередному доношению в сенат в декабре 1764 г.) sinsam.kirsoft.com.u>KSNews_560htm

Полтавская баталия. Мозаика мастерской М.В. Ломоносова.

Мозаичный портрет Петра I.
Репродукция с мозаики М. В. Ломоносова 1750-х гг.

*10 октября 1763 г. за достижения в мозаичном деле
М. В. Ломоносов был избран в члены российской
Академии художеств.*

Императрица Елизавета Петровна.
1758–1760 гг.
С мозаики М.В. Ломоносова

Государя, каков есть восковой портрет в Кунсткамере, а красками писан с лутчих портретов, каковы нашлись в Санкт-Петербурге, по выбору, величиною сидящей в сажень, и прочие по пропорции.

2. За Государем бывшие тогда знатнейшие генералы: Шереметев, Миньшиков, Голицын, коих портреты взяты с имеющихся оригиналов.
3. Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению, при наклонении в бегство Карла Второго надесять, наперед и назад генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятелей.
4. Близко впереди гренадер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на Монарха, якобы негодуя, что так далеке отваживается.
5. Позади лежит куча разных опровержений: шведская пушка с разломанным лафетом, лошадь и мертвый швед: изображаются тем следы побежденного неприятеля...
8. Еще подальше от переду представлен пленный шведский генерал, которого поднимают, дряхлого и унылого, окружившие Российские солдаты.
9. В некотором отдалении изображен Карл Второй надесять в простой коляске, кругом его трабанты, из коих некоторые, поворачивая коляску назад, уговаривают спастись бегством, но он, протягивая пистолет рукою вперед, еще к бою порывается, перед ним жестокое сражение Россиян со шведскими трабантами.
10. На горизонте представляется город Полтава с дымом от пушечной пальбы...

Судьба мозаики после смерти Ломоносова была печальной. 23 июня 1769 года президент Академии художеств И. И. Бецкий отдал распоряжение перенести картину в надежное место. Хранить ее в разрушающемся здании было опасно. Распоряжение по каким-то причинам не выполнили, и зять Ломоносова А. А. Константинов ходатайствовал о том, чтобы мозаику вынесли из здания под навес. Под этим навесом она находилась до 31 августа 1786 года, а затем была направлена в распоряжение Академии художеств. Но там для нее не нашлось достойного места, и многие годы мозаика находилась в полном небрежении. Только в 1900 году на плачевное состояние картины обратило внимание Российское общество поощрения художеств, и она оказалась в его музее.

По случаю 200-летнего юбилея Академии наук было решено установить мозаику Ломоносова в вестибюле парадной лестницы Санкт-Петербургской академии наук (где она находится поныне). Это был очень сложный процесс. Картину переносили по частям, с величайшей осторожностью. Руководил работами потомственный мозаичист, великолепный художник и удивительный человек Владимир Александрович Фролов. Ему же была поручена реставрация мозаики. Он, как никто другой, понимал, как важно сохранить для потомков представляющее особую ценность самое значительное художественное произведение Ломоносова.

Владимир Александрович Фролов (1874-1942) – потомственный мозаичист, кавалер орденов Св. Станислава 3 ст. – за реставрацию мозаики Ломоносова «Полтавская баталия», Св. Анны 3 ст. – за мозаики Храма Спаса на крови, Св. Станислава 2 ст. – за Варшавский собор. Является автором множества мозаичных работ, среди которых особое место занимают мозаичные панно для московского метро: мозаики на станции метро «Маяковская» (эскизы А. А. Дейнеки, тема – «Сутки советского неба»); восемь смальтовых мозаичных панно на путевых стенах станции метро «Автозаводская»; мозаики на станции метро «Новокузнецкая» (предназначались для «Павелецкой») – они примечательны тем, что работа велась В. А. Фроловым в блокадном Ленинграде, практически в одиночку. В 1942 году художник умер от голода. В 1943 году мозаики чудом удалось вывезти в Москву по «Дороге жизни».

Я. Н. Засурский

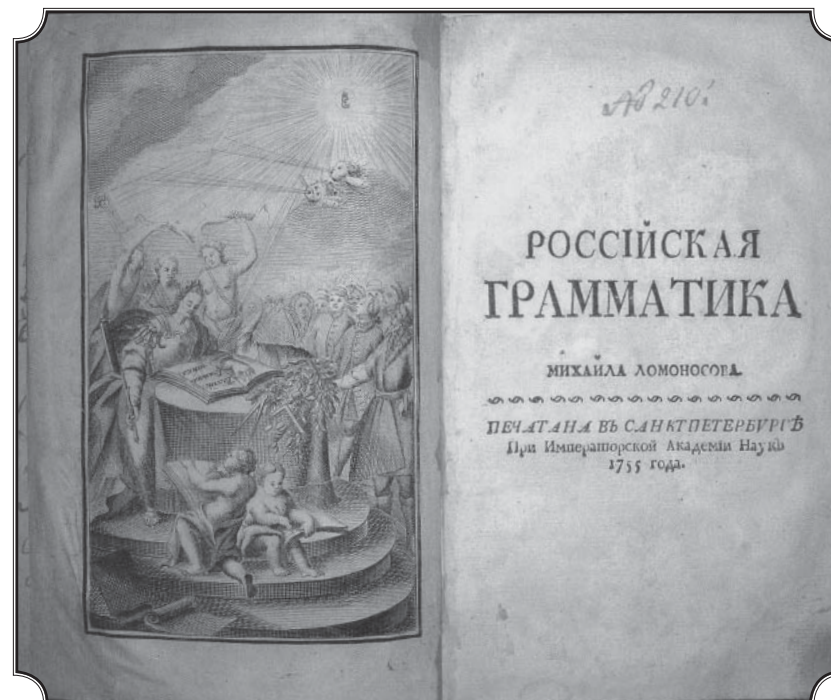
М. В. Ломоносов и риторика в современной журналистике

Имя Михаила Васильевича Ломоносова для нас неразрывно связано с Московским университетом, хотя он, как бы парадоксально это ни звучало, никогда не входил в университетские аудитории. Тем не менее его проект об учреждении университета жидился на идее свободы философии, просветительства в широком смысле слова. В XVIII веке это подразумевало борьбу с рабством, притекающим от отсталости и незнания.

Ломоносовское филологическое учение основано на риторике. Это, бесспорно, самостоятельная отрасль науки, поскольку она основана на определенных законах порождения речи, которые реализуются в совокупности норм, диктующих особенности речевого поведения. Если задуматься над тем, какие требования должно предъявлять к журналистам с этой точки зрения, то, естественно, следует начать с владения этими нормами, с их знания. И даже если журналист от них отстает, он должен четко представлять себе механизм их действия, должен понимать, во имя чего он от них отстает.

Но риторика как наука включает в себя не только собственно лингвистические моменты. Она тесно связана с развитием общества, с его традициями, с его авторитетами. На современном этапе мы часто встречаем риторику «от авторитета», и к дискуссии относятся как к общению с предсказуемым результатом. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что очень важно существование риторики, опирающейся на личный взгляд человека, на индивидуальную свободу. И это постепенно меняет структуру нашей публичной речи. Когда человек пишет «я считаю», это не значит, что это «я» против «мы». Каждый человек как часть «мы» имеет право на свою частичку общего суждения. Мне кажется, мы, по-прежнему оставаясь «мы», все больше переходим к личностному началу. Воспитание уважения к личности и к самому себе все больше проявляется в современной риторике, и это очень важно.

Риторика также должна рассматриваться (и в этом мы видим многовековую традицию) как искусство, имеющее несомненную

Российская грамматика Михаила Ломоносова

эстетическую ценность. Было время, когда риторика не занимала достойного ее предназначения места. Само это слово имело негативный оттенок, как и слово «фразеология». Красноречие приравнивалось к краснобайству. Дискуссия в советский период (в основном в политической сфере) обычно сводилась к изложению своей позиции, но не к сопоставлению доводов, резонов. Очень часто ее результативность обуславливалась авторитетом того или иного лидера, а не умением внимательно рассмотреть аргументы оппонента. Поэтому необходимо обращаться к подлинным образцам риторического искусства, в том числе, конечно, и к творчеству М. В. Ломоносова.

Еще один аспект связан с риторикой как речевой коммуникацией. В этом плане она близка имиджологии, которая, конечно, опирается не только на языковую материю, но и на устойчивые представления, которые очень трудно разрушить. Новый образ наслаивается на тот, который у нас был. Искусство имиджологии состоит именно в том, чтобы найти новое содержание старых понятий. Взятый партией «Единая Россия» образ медведя оживляет в памяти представления о медлительности, неповоротливости, и весьма трудно уйти от таких представлений. В то же время этот образ имеется в менталитете и других народов (например, немцев, финнов).

Сказанное выше в значительной степени касается и такой стремительно развивающейся сферы, как рекламная коммуникация. Реклама эффективна, когда есть выбор. Но ее эффективность связана и с образами, представлениями, которые могут быть созданы на основании имеющих богатую историю риторических приемов.

Наконец, следует сказать о риторике как университетской дисциплине. Журналистское образование основывается на формировании теоретических знаний и практических навыков, и риторика может рассматриваться как важный компонент обучения будущих журналистов науке, искусству и правилам речевого общения.

Г. В. Прутиков

Живой Ломоносов

Михаил Васильевич Ломоносов, как ни парадоксально, до сих пор остаётся не до конца изученным и понятным нами. Многочисленные книги о нём, выходящие в советские времена, создавали елейный образ уж слишком правильного и безгрешного человека, который всё делал как нужно, многое предвидел и никогда не ошибался. Между тем, он был на самом деле совсем другим: живым, страстным, не лишённым простых человеческих слабостей и недостатков.

Что интересного и поучительного можем извлечь мы из биографии первого русского учёного спустя триста лет после его рождения?

Прежде всего, опыт Ломоносова учит нас не сдаваться перед непреодолимыми, на первый взгляд, препятствиями. Отрок Михайло рос далеко не в бедной, а, скорее, в зажиточной семье: так, например, у его отца был собственный корабль «Чайка», на котором он регулярно выходил рыбачить в море, возил из Архангельска в Колу зерно и съестные припасы. Но у представителя крестьянского сословия из далёкой северной провинции не было никаких шансов изменить судьбу. Рыболовецким промыслом истари занимались и прадед, и дед, и отец Ломоносова. Рыбачил с отцом и сам Михайло. Рыбаками предназначено было быть и его потомкам.

И вот в девятнадцать лет Ломоносов дерзко разорвал эту цепь и, отказавшись от предложения отца жениться, тайно ушёл в Москву начинать жизнь заново – в полную неизвестность, где у него не было не только высоких покровителей, но даже, по-видимому, знакомых и друзей. Более того, он не имел даже денег на жизнь в большом городе. Девятнадцать лет для крестьянина XVIII века – возраст семейного человека. А Ломоносов в эти годы сел в Славяно-греко-латинской академии за одну парту с детьми едва ли не своих ровесников, которые, конечно, насмехались над ним. Легко представить себе, как переживал самолюбивый юноша эти насмешки: ведь у себя в деревне он слыл самым грамотным человеком, рас-

писывался за неграмотных односельчан в деловых бумагах, был чтецом в сельской церкви. Даже спустя много лет, в зените своей славы, Ломоносов помнил о перенесённых обидах и писал о них своему покровителю Ивану Ивановичу Шувалову: «... школьники, малые ребята, кричат и перстами указуют: смотри де, какой болван пришёл лет в двадцать латыне учиться»*.

Впрочем, и сесть за парту молодому помору было не так-то просто: крестьянских детей в академию учиться не принимали. Тогда Ломоносов проявил смекалку: на «допросе» (то есть на вступительном собеседовании) он представился дворянским сыном из города Холмогоры. Ему поверили и приняли учиться: вряд ли академическому начальству могло прийти в голову, что юноша, столь безупречно знающий грамоту и математику, читающий наизусть Псалтирь, – сын безграмотного крестьянина-рыбака.

В Москве Ломоносов-студент жил впроголодь: трёх копеек в день ему едва хватало на хлеб и квас. «... Бедность несказанная: имея один алтын ** жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку *** хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды»****. Заметим, что из этих денег он ухитрялся оплачивать и жильё: общежития при академии не было.

Занятия в академии длились по пять часов в день. У Ломоносова наверняка была возможность в свободные часы и даже дни и подзаработать, и повеселиться. Но он предпочёл учёбу. Когда Святейший Патриарх Кирилл, обращаясь с амвона Татьянинского храма к студентам и преподавателям, размышлял о связи подвига святой мученицы Татианы с сегодняшним студенчеством, мне так и виделся в словах его проповеди образ молодого Ломоносова. «Настоящий научный подвиг тоже требует колоссального самоограничения, начиная со студенческой скамьи, – сказал тогда Патриарх. – Все веселятся, и музыка за окном гремит, а ты сидишь и работаешь. И тебе хочется пойти и повеселиться, провести время хорошо и без

забот, но сидишь над книгами, работаешь, готовишься к экзаменам или делаешь ещё что-то более существенное. Ты налагаешь на себя самоограничение, без которого не может быть интеллектуального роста, не может быть никаких научных прозрений»*.

Есть золотое университетское правило: *alma mater* даст тебе ровно столько, сколько ты от неё захочешь получить. Захочешь выучить пять иностранных языков – пожалуйста, захочешь толком не знать ни одного – тоже никаких проблем. Студенческая судьба Ломоносова убедительно показывает, что это правило существовало и тогда, в далёкие годы правления императрицы Анны Иоанновны. Во-первых, первые три курса он прошёл за один год, во-вторых, единственный из однокурсников выпросил себе стажировку в Киево-Могилыанскую академию, в-третьих, – и это кажется совершенно невероятным, – ради возможности отправиться в экспедицию на Южный Урал, в окрестности Оренбурга, решил принять священнический сан (для окормления участников экспедиции требовался грамотный священник).

Но Бог не попустил Ломоносову стать служителем Его алтаря. На učinённом ему по случаю рукоположения «допросе» он выдвинул новую версию своего происхождения: будто бы отец его «города Холмогорях церкви Введения Пресвятыя Богородицы поп Василей Дорофеев». Протокол «допроса» заканчивался словами: «а буде он [т.е. Ломоносов] в сем допросе сказал что ложно и за то священнаго чина будет лишен, и пострижен [в монахи], и сослан в жестокое подначальство в дальней монастырь»**.

Но Синодальная канцелярия решила проверить анкетные данные соискателя и послать запрос в Холмогоры. Тогда Ломоносову пришлось рассказать о себе всю правду. Ложные показания он объяснил так: «а что ... сказался поповичем, и то учинил с прототы своей...»***.

Тем не менее, открывшиеся обстоятельства и попытка обмана не помешали Ломоносову закончить учёбу. В числе лучших его

* Проповедь в храме святой мученицы Татианы 27 марта 2009 года. – <http://www.taday.ru/text/180582.html>.

** Цит. по: Меншуткин Б.Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. – СПб, Типография Императорской Академии наук, 1911. – С. 12.

*** Там же, с. 13.

* Из письма от 10 мая 1753 года. – Михайло Ломоносов. Избранная проза. – М., Советская Россия, 1986. С. 31. Тексты писем приводятся по старой орфографии.

** Алтын – три копейки.

*** Денежка – полкопейки.

**** Из письма И.И. Шувалову от 10 мая 1753 года. – Михайло Ломоносов. Избранная проза. – М., Советская Россия, 1986. – С. 31.

в самом конце 1735 года направили сначала в Петербург – слушать лекции академических профессоров, а оттуда в октябре 1736 года – на учёбу в Германию.

Четыре с половиной года, проведённые Ломоносовым в германских университетах – сначала в Марбурге, затем во Фрейберге, тоже весьма интересны и поучительны для нас. Там ему сразу же назначили стипендию – такую сумму, которую студент никогда прежде и в руках не держал, и предоставили полную свободу.

Вероятно, Ломоносов и два его товарища, посланные вместе с ним, умели не только напряжённо учиться. В результате они наделали долгов на фантастическую сумму (по три с лишним тысячи золотых рублей на брата). Петербургская Академия наук вернула потом эти деньги кредиторам.

На что же тратил такие суммы Ломоносов, если его распорядок дня почти целиком состоял из учебных и научных занятий? Доподлинно это неизвестно, хотя предположения сделать можно. В Марбурге он снимал квартиру в доме у вдовы члена городской думы, пивовара и по совместительству церковного старосты. Её дочь Елизавета Цильх приглянулась Ломоносову. Не мог же он, несколько лет ухаживая за молоденькой немкой из обедневшей семьи, не делать ей подарков!

Впрочем, русский Михель, судя по всему, не только ходил за ручку со своей избранницей. Елизавета забеременела. И здесь Ломоносов поступил как настоящий мужчина: он сразу же оформил с ней отношения. Вскоре после женитьбы Ломоносов вернулся обратно в Россию (срок его учёбы подошёл к концу). Позже жена с дочерью и братом приехали к нему в Петербург. И с тех пор никто из семьи Ломоносова ни разу в Германии не был.

Возвратясь после долгой отлучки, Ломоносов стал работать в Академии наук и сразу же столкнулся с полным произволом управлявших Академией немцев. Своих учёных в России пока не было: их приглашали из Европы и, в первую очередь, из Германии. Немцы чувствовали себя в Академии наук хозяевами положения: конкурентов у них не было, расход выделяемых средств никак не проверялся, особых научных достижений от них не требовали. И вот в общество околонуучных жуликов-иностранцев врывается молодой русский учёный, с большими способностями и весьма

высоким самомнением. Начинается война, которую Ломоносов практически безуспешно вёл на протяжении почти четверти века, до самой смерти.

Прежде всего, Ломоносов уличил коллег во взяточничестве и казнокрадстве, затем – в препятствии к возвращению учёных из числа этнических россиян. А ещё – в некомпетентности и даже профнепригодности: многие члены Академии наук даже не знали латыни – официального рабочего языка науки XVIII века, на котором читали лекции, делали доклады, печатали научные статьи.

По молодости Ломоносов страстно обличал коллег, писал на них жалобы во все инстанции. Но чем больше он горячился, тем теснее спланивались против него враги, которых становилось всё больше и больше. Дело дошло до того, что Ломоносову запретили присутствовать на заседаниях учёного совета. Можно себе представить его ярость: некомпетентные в науке жулики чужеземцы обсуждают научные вопросы, а его – единственного русского и лучше всех разбирающегося в предметах дискуссий, не пускают на порог. И Ломоносов пошёл на отчаянный шаг. Вот строки жалобы одного из его оппонентов:

*«26 апреля 1743 года Ломоносов под влиянием винных паров, сперва взошел, не снимая шляпы, в комнату академических заседаний и сделал находившемуся там академику Винцгейму непристойный знак из пальцев», а потом отправился в географический департамент, где между прочими работали бывшие его товарищи по Московской Духовной школе. Здесь Ломоносов стал бранить Винцгейма, говоря: «Я де календарь и сам сочиню не хуже его!». Когда адъютант Трюскотт останавливал его, то получил ответ: «Ты де что за человек? Ты де адъютант. Кто тебя сделал? Шумахер! Говори со мною по латыни!». Когда Трюскотт отказался отвечать, то Ломоносов продолжал: «Ты де дрянь, никуда не годишься и недостойно произведен!» и притом, по словам свидетелей, бранил Шумахера и вором называл, и прочих господ профессоров также бранил»**.*

Но и таким экстраординарным способом Ломоносов ничего не добился. Жалобе был дан ход, и он провёл несколько месяцев

* Т.е. показал кукиш.

** Избранные сочинения Ломоносова в стихах и прозе. – СПб, Издание А.С. Суворина, – 1882. – С. XLIII – XLIV.

под арестом, а потом прислал «пострадавшим» вынужденные письменные извинения за свою выходку.

Мы должны чётко понимать: такое дерзкое поведение Ломоносова было обусловлено, прежде всего, тем, что он был абсолютно уверен в своих силах и прекрасно знал себе цену. И это – ценнейшее качество для любого человека, кто хочет добиться сколько-нибудь заметных успехов какой бы то ни было сфере деятельности, именно в этом – залог успеха в любом деле. «*Моё единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение гимназию и университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы*», – писал он в 1760 году в письме к Шувалову. Так мог писать о себе только гений**.

Но Ломоносов никогда не добился бы никаких успехов, если бы боялся спорить с признанными авторитетами того времени. «Великие гиганты рушатся великим падением и многих стремглав увлекают с собой»***, – писал он в неоконченных заметках к «Системе всей физики» о вреде слепой веры в авторитеты. Уважая научные заслуги своих учителей и коллег, он, тем не менее, смело брал под сомнение те положения их трудов, которые казались ему спорными или недостаточно доказанными.

Во многом благодаря знанию себе цены и уверенности в себе Ломоносов никогда не унижался – даже перед теми, от кого могло зависеть его положение при дворе и в свете. Однажды, раздосадованный попыткой своего мецената графа Ивана Ивановича Шувалова помирить его с давним противником Сумароковым, он написал ему 19 января 1761 года такие дерзкие строки:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Никто в жизни меня больше не избидел, как Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! То есть сделай смех и позор... Не хотя вас оскорбить отказом

* Михайло Ломоносов. Избранная проза. – М., Советская Россия, 1986. – С. 182.

** В ответ на эти слова Ломоносова его противник, член Академической канцелярии Иоганн Тауберт написал: «Разве-де нам десять Ломоносовых надобно – и один нам в тягость». – Цит. по: Лебедев Е.Н. Ломоносов. – М., ОГИ, 2008. – С. 655.

*** Цит. по: Лебедев Е.Н. Ломоносов. – М., ОГИ, 2008. – С. 713.

*при многих кавалерах, показал я вам послушание, только вас уверяю, что в последний раз. И ежели, несмотря на моё усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь Всевышнего, Который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед Ним слезы в моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым...»**

Вот опыт Ломоносова – несмотря ни на что, не бояться никаких земных князей, кроме Небесного Царя!

Об актуальности наследия Ломоносова можно говорить часами. Своими трудами, открытиями и научными догадками он опередил не только свою эпоху, но и девятнадцатый, и даже двадцатый век. Когда читаешь ломоносовское «Рассуждение о размножении и сохранении российского народа», написанное в форме письма к Шувалову от 1 ноября 1761 года, поражаешься его злободневности.

В бумагах Ломоносова, оставшихся после его смерти, нашли статьи и наброски, предвосхитившие появление таких наук, как, например, биохимия, экономическая география, статистика, а ещё – чертежи вертолёта.

Именно Ломоносову принадлежит идея возрождения Олимпийских (или, как он писал, «олимпийских») игр. Об этом его проекте знала императрица Екатерина II: в 1766 году по её повелению прошли первые «Петербургские олимпийские игры». Их участники состязались в борьбе, кулачных боях, езде на лошадях. Олимпийцев награждали медалями**. «С алфеевых на невские берега», – было выгравировано на каждой из них.

Ломоносов последовательно ввёл в русский язык такие слова, как *опыт, материя, движение, электричество, наблюдения, градус, явление, атмосфера, частицы, термометр, насос, земная ось, преломление лучей, возгорание, негашеная известь, магнитная стрелка, кислота, обстоятельство*. Употребляя эти слова, мы даже не задумываемся о том, благодаря кому они появились на свет, – это ли не высшее признание заслуг учёного, оно неизмеримо выше любой Нобелевской премии!

И в заключение – несколько малоизвестных фактов из жизни первого русского большого учёного:

* Михайло Ломоносов. Избранная проза. – М., Советская Россия, 1986. – С. 428–429.

** Несколько таких медалей хранятся в Государственном Эрмитаже в Петербурге.

1. 7 декабря 1730 года Ломоносов тайно ушёл из дома – в Москву. Паспорт, который выдали ему в деревне, был действителен до сентября 1731 года. Когда срок действия паспорта истёк, Ломоносов стал говорить всем, что потерял его. Шестнадцать лет, вплоть до второй половины 1747 года, он числился крестьянином в бегах, за которого крестьяне земляки вносили ежегодный подушный оклад 1 рубль 20 копеек. До 1741 г. этот налог платил за него отец. А в 1753 году Ломоносов уже владел четырьмя деревнями в 60–80 верстах от Петербурга, подаренными императрицей Елизаветой Петровной, с 211 крестьянами, и был в чине коллежского советника.

2. 6 июня 1740 года в Марбурге Ломоносов женился на дочери умершего незадолго до этого члена городской думы и церковного старосты Елизавете Цильх. Об этом браке он никому в Петербурге не сообщал: женитьба студента во время стажировки была явно предосудительным поступком. В течение нескольких лет все считали его холостым. Жена Ломоносова, не получая в течение двух лет от него писем, написала письмо русскому послу в Гааге с просьбой найти мужа. Это письмо попало в Петербург. Прочитав его, Ломоносов сказал: «Боже мой! Я никогда не покидал её и никогда не покину; обстоятельства мешали мне писать ей и тем более вызвать к себе. Но пусть она придет, когда хочет; я завтра же пошлю ей письмо и сто рублёв денег!»*.

С тех пор, до самой смерти Ломоносова, жена была с ним. Она умерла в 46 лет, пережив мужа лишь на полтора года.

3. Известно о четырёх детях Ломоносова: сыне Иване и трёх дочерях: Екатерине, Софии**, Елене. Из детей до совершеннолетия дожила лишь Елена. Она, в свою очередь, родила четверых детей: сына и трёх дочерей и в 1772 году, в 23 года, умерла от родов. Ее дочь вышла замуж за генерала Николая Николаевича Раевского, в будущем прославленного героя Отечественной войны 1812 года. Их дочь, Мария Волконская, известная каждому жена декабриста, доводилась Ломоносову правнучкой.

4. Большинство своих официальных од Ломоносов написал не по зову сердца, а по долгу службы. В его академические обязанности

* Цит. по: Меншуткин Б.Н. Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. – СПб, Типография Императорской Академии наук, 1911. – С. 35–36.

** Об этом ребенке, также умершем, достоверных подтверждений нет.

сти входило, помимо прочего, составление од к высокотожественным дням. Ломоносов смотрел на свою поэтическую деятельность во многом как на обязанность. Такого же мнения придерживалась и императрица Елизавета Петровна. 29 сентября 1750 года она приказала Ломоносову и Тредиаковскому «с поспешением сочинить по трагедии». Спустя месяц Ломоносов преподнёс государыне готовую трагедию «Тамира и Селим», которую сразу же поставили в театре.

Тем не менее, несмотря на практическое отсутствие личного, интимного начала в поэзии Ломоносова, в его официальных стихах встречаются удивительные образцы его любовной лирики:

В любви со страхом тихо тайте,

*Покой моей надежде дайте**.

(«На праздник рождения императора Иоанна III 1741 года»)

5. Между Ломоносовым, Тредиаковским и особенно Сумароковым существовала давняя вражда. Тредиаковского Ломоносов не любил за хвастовство и непомерное, по его мнению, самолюбие. Сумароков досадовал, что его ставили ниже Ломоносова, и при каждом удобном случае старался как-нибудь уколоть своего удачливого соперника. Однажды, например, Сумароков с нескрываемым ехидством прилюдно поинтересовался у Ломоносова:

– Ходили ль на Парнас?

– Ходил, да не видал там вас! – моментально парировал Ломоносов**.

6. Как многие учёные, Ломоносов с годами стал очень рассеянным. Прислуживавшая ему в доме племянница Матрёна Евсеевна вспоминала, что, садясь обедать, Ломоносов снимал парик, чтобы не испачкать его едою. Часто вместо пера, которое по школьной привычке он любил засовывать за ухо, клал столовую ложку, которой хлебал суп. А потом вытирался париком, принимая его за салфетку.

7. Умер Ломоносов на Пасху, в Светлый понедельник, 4 апреля*** 1765 года. Накануне смерти он причастился и скончался во время совершения над ним таинства соборования.

* Сочинения М.В. Ломоносова. Издание Императорской Академии наук. Т.1. – СПб, 1891. – С. 24.

** Избранные сочинения Ломоносова в стихах и прозе. – СПб, Издание А.С. Суворина, – 1882. – С. XVII.

*** По новому стилю – 15 апреля 1765 года.

Виктор. Михаил Васильевич
Ломоносов. М., 1840.

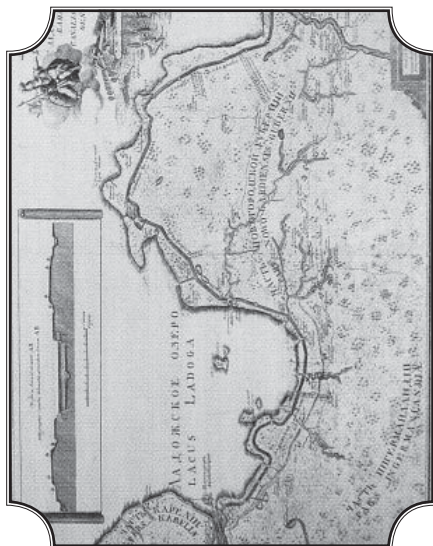
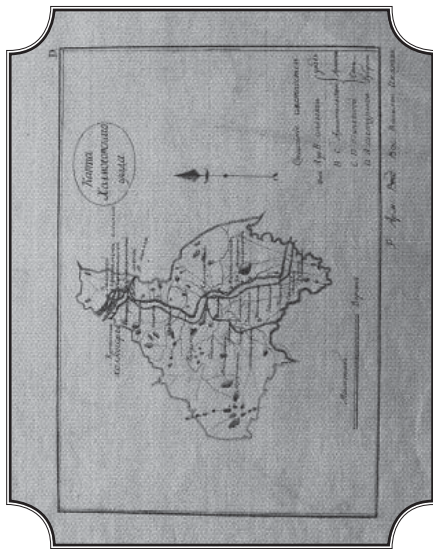

Деревня Денисовка.
Неизвестный художник конца XIX в. СПб., 1890.

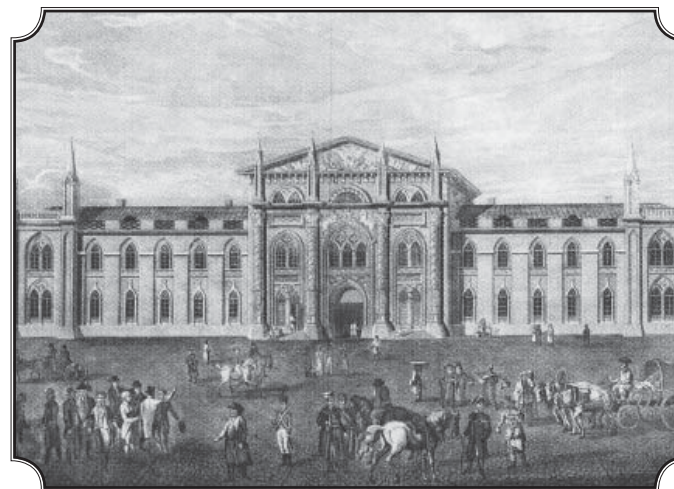

Место, где находился дом Ломоносова в деревне Денисовке.
Неизвестный художник.

Ломоносов много сделал для совершенствования географического изучения и картографирования России.

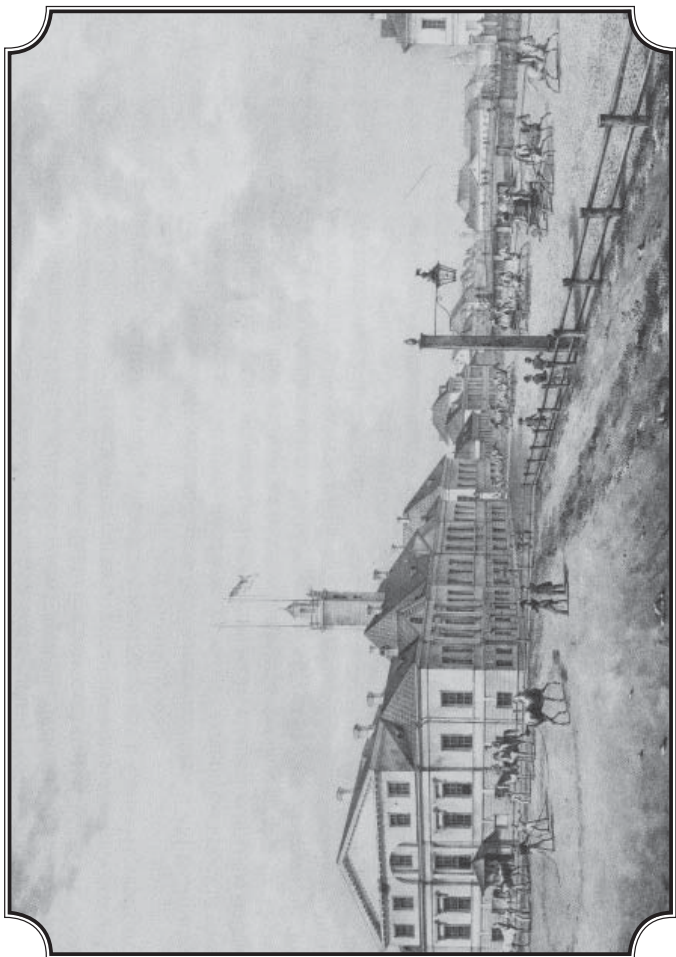
Карты Холмогорского уезда (1760-е) и Ладожского канала (СПб., до 1742).

Фролов А.А. Вид Московской синодальной типографии. М., 1810-1820-е.

Артемьев П.А. Вид Воскресенских триумфальных ворот со стороны моста через Неглинку. СПб., 1765.

Бегров К.П. Мойка. СПб, 1823-1826.

Sed ut jam socius sociam illi comoda dea operam
municis mei esse existimavi, exhibeo aliquod
grati animi atque studii mei specimen. Offera
igitur aufero jam libellum, quaedam communis
nostrae septentrionis phaenomena breviter
exponentes. Quae, quantum mihi quidem constat,
non ut merentur, in orbe literario sunt cognita.
Solidissimum veritatis erit argumentum.
De illis sententia Illustrissimae Regiae Aca-
demiae Scientiarum Sueciae, cujus beneficium
et favorem gratissimo animo colere nunquam
desistam. Dabam Petropoli die 15 Julii A.D. 1760

М.В. Ломоносов. Письмо к Варгентину Петру Вильгельму,
непременному секретарю Шведской академии наук
от 15 июля 1760 г. СПб.

Е. В. Скударь

Ещё один «взгляд на Вольный Благородный пансион» при Московском университете

Инициатива создания Благородного пансиона, предназначенного для воспитания и подготовки юношества к учёбе в университете, принадлежала М. В. Ломоносову, как и идея создания самого университета. Осуществлена она была лишь спустя 14 лет после его смерти.

В 1779 году при Московском Императорском университете был учреждён Вольный Благородный пансион для проживания детей провинциального дворянства на полном пансионе и обучения их по университетской программе. В Пансион принимали только мальчиков в возрасте от 9 до 14 лет. Проводилось предварительное испытание, и для каждого составлялась индивидуальная программа обучения.

Первоначально к учёбе допускались и дети разночинцев, а Пансион был скорее воспитательным учреждением, интернатом при гимназии.

В 1783 году куратор Пансиона М. М. Херасков открыл для воспитанников-дворян особые классы. Для их размещения в 1791 году была приобретена часть усадьбы Н. Ю. Трубецкого на углу Тверской улицы и Газетного переулка. Особняк до наших дней не сохранился. Сейчас на его месте находится Центральный телеграф.

Сначала не было и собственного штата учителей. Обучали воспитанников университетские профессора и преподаватели, а лекции пансионеры слушали в помещениях Университета. С появлением собственного здания Пансион смог обеспечить себя и собственным штатом, состоящим, впрочем, по большей части из тех же университетских профессоров.

Благородный пансион при Московском университете был учебным заведением очень высокого уровня. Позже отчасти по его образцу был создан Царскосельский лицей. Пансион имел те же права, что позже и Лицей, но не входил в систему военно-учебных заведений. Оба заведения считались привилегированными.

На протяжении всего существования Пансиона преподавание велось лучшими профессорами и педагогами. Давалось разностороннее и глубокое образование. Изучались богословие, исторические и юридические науки, география, естествознание, математика, физика, логика, риторика, древние языки и несколько иностранных языков. Особое внимание уделялось словесности. Кроме того, воспитанники обучались музыке, танцам, рисованию, занимались гимнастикой.

В Пансионе была собрана богатая библиотека, имелись хорошо оборудованные кабинеты для проведения физических и химических опытов, сад с каменной оранжереей и свой театр.

Кроме тех, кто постоянно жил в Пансионе, были «полупансионеры», которые приезжали каждый день к 8 часам утра и находились в Пансионе до 6 часов вечера, обедали здесь и выполняли задания, и «четвертьпансионеры». Последние на обед уезжали домой и занимались только теми дисциплинами, по которым не имели домашних учителей.

С основания Пансиона в нём преподавали: словесность – С.Е. Раич, А.Ф. Мерзляков, Д.Н. Дубенский; древние языки – А.М. Кубарев, А.З. Зиновьев, Д.Н. Дубенский. Занятия по другим предметам вели тоже высококвалифицированные педагоги.

Однако, как уже было отмечено, приоритетное место среди всех дисциплин отводилось русскому языку и литературе, что способствовало формированию у многих воспитанников не только литературных навыков, но и прогрессивного мировоззрения, отличающегося антикрепостническими настроениями*.

* Кстати, в том же здании, где и Пансион, с 1784 по 1791 год размещалась Типографическая компания Н. И. Новикова. До этого с 1779 года Новиков арендовал типографию Московского университета.

1 сентября 1784 года (на основании указа Екатерины II о вольных типографиях от 15 января 1783 года) Новиков совместно с братьями-масонами – членами Дружеского учёного общества – создаёт Типографическую компанию. Среди 14 самых активных учредителей особое внимание следует обратить на братьев князей Николая и Юрия Трубецких (дом под Пансион кушлен у Николая Трубецкого) и И.П. Тургенева – отца знаменитых братьев Тургеневых, которые позже все учились в Благородном пансионе.

Среди продукции типографии Новикова значительное место занимают издания, не вызывающие одобрения правительства, в частности сочинения Вольтера, пропагандистская масонская литература.

Представляет интерес относящаяся к 1804 году статья «Взгляд на Благородный Пансион при Императорском Московском Университете» (Вестник Европы. 1804. Часть XVI. № 19), принадлежащая Михаилу Трофимовичу Каченовскому (1775–1842), который известен нам как историк, педагог и довольно консервативный литературный критик. Но вместе с тем с 1805 по 1830 год он являлся главным редактором «Вестника Европы», а с 1837 года – ректором Московского университета.

По его мнению, богатые дворяне ничего не жалеют для своих отпрысков, давая им приличное воспитание и первоклассное образование. Люди же небогатые, желающие дать хорошее воспитание своим детям, зачастую не могут этого сделать, т. е. подготовить детей к поступлению в университет. Каченовский считает, что университеты должны не воспитывать, а принимать уже воспитанных юношей для усовершенствования их в высших науках: «... мне до Крезов нет дела – пусть они воспитывают детей своих как угодно: одни богачи не составляют общества». Мысль весьма актуальная и в наши дни. Благородный пансион Каченовский счёл самым подходящим местом для воспитания малоимущих дворян.

В своей статье он подробно рассказывает о Пансионе как бы с целью его пропаганды. Называет размер платы. Например, те, кто живёт постоянно, платят 275 рублей в год, а те, которые приходят и обедают, должны платить 175 рублей. Лечение бесплатное.

Членами Ордена розенкрейцеров, вольными каменщиками были и многие профессора Московского университета, т. е. существует очевидная связь между преподаванием в Университете и его Пансионе и идеями Н. И. Новикова, поплатившегося за них своей свободой (с 1792 – узник Шлиссельбургской крепости).

Позже, в начале XIX века, с Благородным пансионом была тесно связана деятельность Любомудров – литературно-философского кружка, получившего название «Общество Любомудрия» (1823–1825).

В него входили, например, Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, В. Ф. Одоевский, С. П. Шевырёв. Некоторые из них учились в Благородном пансионе. Их идеи, воспринятые у Спинозы, Канта, Фихте и в особенности Шеллинга, оказали значительное влияние на развитие русской философской мысли, литературы и культуры в целом.

Благодаря Каченовскому мы знаем, что количество обучающихся в Пансионе не было постоянным: начинали с 50 человек, а в иные годы число их достигало 300. Пансион подчинялся общему университетскому начальству. Надзиратели набирались главным образом из иностранцев.

По выходе из Пансиона окончившие его имели практически те же возможности поступления на службу, что и выпускники Университета (ведь далеко не все после Пансиона стремились продолжать образование либо не имели этой возможности). Со времени основания Вольного Благородного пансиона и до его реорганизации (сначала в 1830 году по распоряжению Николая I он был переименован в I Московскую Дворянскую гимназию, а в 1833 – в Дворянский институт) его выпускниками стали многие наши выдающиеся соотечественники.

В 1792 году это учебное заведение окончил А. А. Шаховской – известный драматург, театральный деятель, убеждённый классицист, член шишковской «Беседы любителей русского слова», соавтор Грибоедова. Ещё раньше – И. П. Пнин.

В 1789 году в пансион были приняты В. А. Жуковский и братья Андрей и Александр Тургеневы. Во время их пребывания здесь особенно расцвели занятия литературой. С 1799 года при Пансионе существовало литературное общество под названием «Собрание воспитанников университетского Благородного пансиона», где обсуждались опыты в сочинительстве входящих в него учеников, велись беседы на литературные темы.

Под руководством М. Г. Павлова выходили рукописные журналы и альманахи «Арион», «Маяк», «Пчёлка», «Улей», и это стало традицией на долгие годы.

В 1801 году Андрей Иванович Тургенев и Василий Андреевич Жуковский, окончившие Пансион в 1800 году, организуют «Дружеское литературное общество», куда вошли кроме них А. Ф. Мерзляков, Александр Тургенев, А. Ф. Воейков, С. Е. Родзянко и братья А. С. и М. С. Кайсаровы. В программе Общества на первом месте стояли эстетические задачи – очищение вкуса, развитие представлений об изящном, создание новой поэзии, но обсуждались и нравственно-философские и социальные проблемы. Литературе отводилась важнейшая роль. Фактически в недрах «Дру-

жеского общества» зарождается русский романтизм, идущий на смену классицизму.

С 1803 по 1806 год в Пансионе учился А. С. Грибоедов. В следующем году будущий великий драматург и выдающийся дипломат был принят в Университет.

В здании Благородного пансиона некоторое время проходили заседания «Общества любителей российской словесности» (1811 год), которые посещали Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, К.Н. Батюшков. Конечно же, учащиеся Пансиона не могли не проявлять к этому интереса.

Перед поступлением в Университет отдельные курсы лекций в Пансионе посещал Ф. И. Тютчев, домашним учителем которого был С. Е. Раич.

В качестве вольнослушателя бывал на занятиях в Пансионе Д. В. Венивигин. С 1816 по 1822 год курс обучения в Пансионе прошли Е. А. Баратынский и В. Ф. Одоевский. Также в 1822 году с золотой медалью окончил Пансион С. П. Шевырёв. В 1827 году в него поступил Н. П. Огарёв, а в сентябре следующего года сразу в 4 класс на полупансион был зачислен М. Ю. Лермонтов (в декабре 1828 года отмечен как второй ученик, а на выпуске в 1830 – как первый. В Пансионе Лермонтов выучился также игре на скрипке). Осенью 1830 года он поступил в Университет.

С Благородным пансионом связаны имена многих декабристов – Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьёва, И. Д. Якушкина, В. Ф. Раевского, П. Г. Каховского, В. Д. Вольховского, А. И. Якубовича – и военных и государственных деятелей, таких как генералы А. Н. Бахметьев, А. П. Ермолов, И. Н. Инзов, Д. И. Шульгин, крупных чиновников (А. С. Норов – министр народного просвещения с 1853 по 1858 год, Д. В. Дашков*, братья Милютины**).

* Дашков Дмитрий Васильевич, учился вместе с Жуковским, член «Арзамаса», приятель Пушкина, впоследствии министр юстиции, под его руководством выполнена работа по созданию Полного собрания Законов Российской империи и 15 томов свода законов.

** Милотин Дмитрий Алексеевич, генерал-фельдмаршал, военный министр, историк военного искусства. Николай Алексеевич, государственный деятель, руководил работой по подготовке и проведению реформы 1861 года. Владимир Алексеевич, публицист, экономист, профессор Петербургского университета.

Анненковы, Бестужевы, Раевские, Волконские, Долгоруковы, Татищевы и др. – многие носители этих славных русских фамилий получили образование в стенах Благородного пансиона. Трудно переоценить значение этого учебного заведения для русской культуры и науки, русской истории в целом. Уровень обучения, педагогические принципы, нравственная атмосфера достигли здесь такой высоты, которая могла сравниться, пожалуй, только с подобной, существовавшей в Царскосельском лицее.

Казалось, что со второй половины XIX века традиция прервалась. Но в 1997 году под патронатом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и ректора МГУ Виктора Антоновича Садовнича в Кунцево был открыт «Классический пансион МГУ». В него принимаются на конкурсной основе (проводится собеседование) дети с большим интеллектуальным потенциалом и высокой мотивацией к обучению. Обучение платное, но в каждой параллели предусмотрены места для полных и частичных стипендиатов. Сначала обучение было рассчитано на 6 лет, но в настоящее время набор осуществляется в классы с 1 по 11, а также в дошкольные группы для детей с 2 до 6 лет при наличии свободных мест.

Сейчас Классический пансион признан одной из лучших в мире частных школ.

М. И. Алексеева

Университет и провинция

Первая рязанская гимназия

Тема «Московский университет и провинция» еще ждет своего исследователя. На протяжении своей истории Университет постоянно подпитывался за счет лучших учеников провинциальных гимназий, со многими из них имел постоянную связь. «Дух науки, пропитавший собой университет, передавался и гимназии и делал из нее нечто большее, чем простое учебное заведение», – писал в свое время краевед Д. Д. Солодовников*.

Университет способствовал достойному уровню преподавания в этих учебных заведениях и развитию науки на местах.

Первая рязанская гимназия – это та самая гимназия, в которой сдавал экзамены на звание педагога К. Э. Циолковский. В ней учились всемирно известные медики П. В. Ганнушкин, А. И. Поспелов, поэт Я. И. Полонский, художник П. М. Боклевский, историк Д. И. Иловайский, геолог А. Д. Архангельский. В ней преподавал А. П. Златовратский. Именно этой гимназии в 1842 году было дано право, наряду с Калужской, Тверской и Ярославской, выпускать учеников для Московского университета. Они поступали в университет без дополнительных экзаменов.

История этого учебного заведения примечательна.

По указу Екатерины II в 1786 году в Рязани было создано главное народное училище, в 1804 году преобразованное в гимназию. На обучение принимались мальчики, окончившие приходскую школу и уездное училище.

Сначала гимназия размещалась в редутном доме, затем её перевели в деревянное на каменном фундаменте здание, которое построили на деньги приказа общественного призрения. Горожане были озабочены будущим гимназии. У помещицы М. П. Семеновы выкупили двухэтажный каменный дом. Его переоборудовали в учебный корпус. И в 1815 году новая гимназия открыла свои двери.

* Труды Рязанской ученой архивной комиссии. – Рязань, 1904. – Т. 19. – Вып. 1-3. – С. 203.

Здесь работали первоклассные учителя. Они проходили кандидатский отбор и только после испытательного срока зачислялись в штат. Но и оплата их труда была достойной. Они получали в 4-5 раз больше, чем уездные учителя.

«Большинство учеников, – пишет рязанский краевед И. И. Проходцев, – ограничивалось прохождением одних младших классов; особенно мало интересовались полным прохождением курса гимназии дворянство и купечество. Законченное гимназическое образование считалось тогда излишним»*. Так, в 1810 году из 47 гимназистов лишь двое прошли полный курс обучения. А в 1811 году из 86 только семеро.

Большую часть обучающихся составляли дети дворян. Учились также сыновья офицеров, купцов, мещан, разночинцев.

Интересен распорядок дня в гимназии.

«Ученики проводили в гимназии почти весь день. Занятия начинались в восемь часов и продолжались до пяти часов вечера с перерывом на обед (с 12 до 14 часов). Каждый урок длился два часа. Гимназисты учились одиннадцать месяцев в году. Летние каникулы были только в июле. Экзамены проходили в очень торжественной обстановке, в присутствии посторонних лиц... Самых способных награждали похвальным листом или книгой. Неуспевающих отправляли в «низший» класс доучиваться»**.

Сначала срок обучения был четырехлетний (1804–1832), затем был продлен на три года.

Производит впечатление учебный план. Гимназисты изучали латинский, французский, немецкий языки, математику, физику, историю, географию, статистику, философию, эстетику, риторику. А также политическую экономию, право, основы торговли. Занимались рисованием и черчением.

Гимназия была оборудована как современное учебное заведение: физический и минералогические кабинеты, богатая библиотека, выписывались журналы «Северная пчела», «Вестник Европы», «Московский телеграф».

* Проходцев И. И. Столетие Рязанской губернской гимназии // Труды Рязанской учебной архивной комиссии. – Рязань, 1904. – Т. 19. – Вып. 1-3. – С. 142.

** Афанасова Л. М. Первая рязанская гимназия // Рязанский историк, 2005. – № 3. – С. 162.

В 1833 году при гимназии был открыт пансион для дворянских детей. Н. Г. Рюмин подарил гимназии частный дом и пожертвовал 25 тысяч рублей на устройство пансиона.

К концу XIX века число учащихся составляло уже 475 человек. В первое десятилетие XX века гимназия выпускала 40–50 человек ежегодно. Эти данные и другие подробности приводятся в «Очерках культуры рязанского края (XV–XX вв.)» И. П. Попова (Рязань, 1994).

Как уже было отмечено выше, гимназия готовила выпускников к поступлению в Московский университет. Одни закончили медицинский факультет, другие стали юристами, историками, видными общественными деятелями не только в рязанской, но и других губерниях.

Первая рязанская гимназия слыла известным в России научным центром. Для Московского университета она была «своим местным, областным ученым органом, пользуясь которым он узнавал о всех выдающихся, любопытных в научном отношении явлениях местной жизни»^{*}.

Этот опыт чрезвычайно ценен для нас.

* Солодовников Д. Д. Переяславль-Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. – Рязань, 1995.

Вослед Ломоносову

В архиве факультета журналистики МГУ сохранилась копия письма, присланного на имя ректора МГУ и секретаря парткома представителями обществ охраны памятников истории и культуры в июне 1970 года. Вчитайтесь в строки документа – это Московский университет, его время и люди.

*Ректору МГУ академику И. Г. Петровскому
секретарю парткома МГУ В. Н. Ягодкину*

Московский университет, основанный 215 лет тому назад великим Ломоносовым, сыграл выдающуюся роль в формировании и развитии русской национальной науки и культуры, в истории русского просвещения, освободительного движения и революционной борьбы, в становлении и развитии советской науки и культуры, в осуществлении культурной революции и социалистического строительства в нашей стране.

Более двух веков жизни и деятельности Московского университета связано с комплексом старых зданий на Моховой (современном проспекте Маркса).

Здесь вели преподавательскую и научную работу Тимирязев и Сеченов, Жуковский и Чаплыгин, Десницкий и Анучин, Столетов и Лебедев, А. Павлов и Вернадский, Грановский и Соловьев, Рулье и Перевошиков, Склифосовский и Остроумов, Бурденко и Абрикосов, Северцов и Мензбир, Вавилов и Шмидт, Ключевский и Тихомиров, Брашман и Кочин, Бредихин и Цераский, Лузин и Ландау, Фортунатов и Буслаев, Шуровский и Прянишников, Тамм и Баландин, Луначарский и Волгин, Островитянов и Грабарь и многие другие корифеи науки, книги, теории и открытия которых вошли в золотой фонд не только русской, но и мировой науки и культуры.

Здесь учились многие выдающиеся ученые, работавшие в других учебных и научных центрах страны: Белополюцкий, Боткин, Мясников, Пирогов, Саваренский, Ферсман, Чебышев, Чугаев, Ушинский, Шахматов и многие другие.

В этих зданиях учились многие деятели литературы и культуры, занимающие почетное место в истории русской и мировой

культуры: писатели – Брюсов, Гончаров, Грибоедов, Джалиль, Лермонтов, Островский, Светлов, Тургенев, Фонвизин, Фурманов, Чехов; артисты, композиторы, исполнители: Василенко, Вахтангов, Добронравов, Игумнов, Немирович-Данченко, Пудовкин, Рубинштейн, Собинов, Спендиаров; художники и архитекторы: Баженов, Ватагин, Старов, Фаворский, Фомин, Яковлев.

В Московском университете учились: Вургун (Азербайджан), Иоаннесян, Налбандян, Папазян (Армения), Влайков-Веселин и Каравелов (Болгария), Гаприндашвили, Джавахишвили, Дженеладзе, Табидзе (Грузия), Зутис (Латвия), Поржезинский (Польша), Максимович (Украина) и другие, сыгравшие крупную роль в развитии культуры народов нашей страны и зарубежных славянских стран.

В стенах старых зданий университета занимались видные представители всех трех поколений революционного движения в России: декабристы – Бестужев-Рюмин, Каховский, Муравьев, Семенов, Тургенев, Якушкин и др.; выдающиеся революционеры-демократы Белинский, Герцен и Огарев, участники революционных организаций 60–70-х гг. XIX века: Аргиропуло, Заичневский, Калиновский; первые московские марксисты, соратники В. И. Ленина, в борьбе за создание партии пролетариата, за победу пролетарской революции и создание первого в мире социалистического государства, герои гражданской и Великой Отечественной войны: Буйнакский, Васильев-Южин, Владимирский, Воровский, Зубкова, Корганов, Курнатовский, Курский, Лазо, Лядов, Мицкевич, Мясников, Невский, Осепян, Потемкин, Руднев, Руднева, Семашко, Смидович, Скворцов-Степанов, Спандарян, Дмитрий Ульянов, Цагалов, Цвилинг, Цулукидзе, Шмидт, Штернберг, Яковлев и др.

Сейчас, когда вслед за естественными на Ленинские горы переезжают и гуманитарные факультеты, комплекс старых зданий на проспекте Маркса утрачивает ту роль, которую он играл более двух веков в научной и культурной жизни Москвы и всей страны. Но эти здания были и должны остаться одним из самых важных и самых значительных памятников общегосударственного значения. О них, событиях и людях, с которыми они связаны, должны знать и помнить не только те, кто учится и работает в новых зданиях МГУ на Ленинских горах, не только все москвичи, но и

советские и зарубежные гости Москвы – это наша национальная святыня, предмет законной гордости всего народа.

Поэтому нельзя допустить повторения той ошибки, которая была допущена в 1955 г. во время переезда на Ленинские горы естественных факультетов. Они передали свои здания и помещения гуманитарным факультетам, Геологоразведочному институту, институтам Электроники и Органической химии АН СССР, никак не отметив и не увековечив событий и людей, связанных с этими зданиями, естественно, что новые хозяева, которые в большинстве случаев и не знают об этом, также ничего не сделали в этом отношении за два десятилетия, прошедшие после переезда естественных факультетов на Ленинские горы.

Положение ни в какой степени не исправляют те несколько мемориальных досок (Вернадскому, Лебедеву, Северцову), которые установлены на зданиях в 1969–70 гг. Во-первых, невозможно объяснить, почему установлены доски именно в честь этих выдающихся ученых, а не в честь Жуковского, Анучина, Вавилова, Шмидта, Ключевского, Сеченова, Столетова, Курнакова, Каблукова, Соловьева, Ковалевского или других корифеев науки. Во-вторых, невозможно установить сотни досок, отмечающих заслуги отдельных ученых, которые этого вполне заслуживают.

В-третьих, доски устанавливаются без плана и с грубым нарушением исторической действительности. Так мемориальная доска в честь П. Н. Лебедева установлена на здании, в котором он никогда не работал. Лаборатория, созданная В. И. Вернадским, помещалась в той части здания, которую сейчас занимает кухня, а доска установлена на углу ул. Герцена.

Нам представляется своевременным и принципиально необходимым именно сейчас установить на старых зданиях университета серию мемориальных досок, увековечив роль каждого из зданий в истории МГУ, в истории национальной культуры и науки, память тех, кто работал и учился в этих зданиях. Это имеет огромное значение в сохранении и развитии лучших традиций университета, советского патриотизма и коммунистического воспитания.

Со своей стороны мы бы предложили установить следующие мемориальные доски:

1. Главное здание МГУ Казакова-Жилиярди – 4 мемориальные доски.

- а) Большая парная доска по сторонам от белокаменного парадного крыльца с именами выдающихся ученых, работавших в МГУ, в старых зданиях в 1756–70 гг. конечно, перечислить всех крупных ученых МГУ невозможно, но нельзя и чрезмерно сужать круг имен, так как это не даст возможность показать роль университета в развитии всех отраслей науки за два с лишним века. Поэтому мы считали бы, что на досках должны быть имена 250–300 ученых. Проект доски прилагается.
- б) Доска на левой от выхода части стены центрального здания в память о посещении университета Пушкиным. Проект текста прилагается.
- в) Доска на правой от входа части стены центрального здания в память о революционных студенческих кружках 30-х гг. XIX века: Критских, Сунгурова, Белинского, Герцена и Огарева. Проект текста прилагается.
- г) Парная доска в б. Актовом зале университета (современный читальный зал) в память о присутствии на заседании съезда естествоиспытателей 8–9 января 1894 г. В. И. Ленина и о революционных выступлениях студентов 1887, 1901, 1902 и 1905 гг. Проект текста прилагается.

2. Аудиторный корпус МГУ (пр. Маркса, 20) – 4 мемориальные доски.

- а) Большая парная доска по сторонам от входа с именами выдающихся питомцев университета. Проект текста доски прилагается.
- б) Доска на левой части фасада б. Аудиторного корпуса в память о Брашмане, Жуковском, Чашлыгине, Лузине, Егорове, Кочине, Шмидте и других ученых-математиках и механиках, работавших в университете, о математической школе.
- в) Доска на правой части фасада о том, что здесь был создан и работал один из первых рабфаков Москвы. Текст прилагается.
- г) Доска в Коммунистической аудитории в память о выступлениях здесь выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского правительства, о митинге преподавателей и студентов МГУ 22 июня 1941 года. Проект текста доски прилагается.

3. Здание б. Физического института (ныне Институт электроники, пр. Маркса, 18). Мемориальная доска в память того, что здесь жили и работали Умов и Лебедев, работали Лугинин, Штернберг, Вавилов, Тамм, Шубников, Аркадьев, Мандельштам, Папалекси, Андронов, Богуславский и др. выдающиеся ученые.

4. Здание б. отделения неорганической химии (ныне Геологоразведочный институт, пр. Маркса, 18 во дворе). Мемориальная доска в память Курнакова, Каблукова, Раковского и других выдающихся ученых в области неорганической химии.

5. Здание б. Ботанического корпуса (ул. Герцена, 6). Мемориальная доска в память того, что здесь полвека размещалось зоологическое отделение и работали Северцов, Кольцов, Мензбир, Кулагин, Кожевников, Месяцев, Зернов, Огнев, Гулевич, Шатерников, Самойлов и другие зоологи.

6. Здание б. Исторического факультета (ул. Герцена, 5). Мемориальная доска в память того, что здесь в 1934–1970 гг. помещался Истфак, на котором работали Тарле, Греков, Тихомиров, Панкратов, Волгин, Бахрушин, Готье, Косминский, Лукин и др. выдающиеся историки. Проект текста доски прилагается.

7. Ректорский дом (ныне жилой дом во дворе главного здания). Мемориальная доска о том, что здесь жили Страхов, Двигубский, Болдырев, Перевощиков и другие ректоры университета, что здесь издавался «Телескоп» и жил работавший в этом журнале Белинский, что здесь Столетов создал свою научную школу физиков и работали Столетов, Умов, Лебедев, Усагин и др. физики, что здесь жили Марковников, А. П. и М. В. Павловы. Проект текста прилагается.

8. Почвенный институт (ныне Философский факультет, во дворе главного здания). Мемориальная доска в память того, что здесь был создан почвенный институт и работали Филатов, Геммерлинг, Прянишников, Ярилов и др. выдающиеся почвоведы, что здесь помещался географический факультет и работали выдающиеся представители созданной Анучиным московской школы географов.

Таким образом, мы предлагаем отметить мемориальными досками девять зданий комплекса на пр. Маркса. Что касается б. зданий Геологического (гл. корпус Геологического ин-та) и Физиологического институтов (Сеченовский ин-т), то эти здания вышли из

состава МГУ в 1930 г. и мы не знаем, может ли МГУ ставить вопрос об установлении на них мемориальных досок.

Как перечень досок, так и предлагаемые тексты досок мы рассматриваем как предварительные, требующие обсуждения. Мы не беремся определять состав имен ученых, считая, что это квалифицированно могут выполнить лишь ученые советы соответствующих факультетов.

Председатель Совета МГУ Общества охраны памятников истории и культуры чл.-корр. АН СССР

В. Л. Янин

Председатель Совета
Общества на Истфаке

профессор
М. Т. Белявский

члены Совета

доцент А. Д. Горский
доцент А. В. Муравьев
к. ист. н. Е. М. Рыбина
к. ист. н. В. А. Дорошенко

Председатель Ленинского
районного отд. Общества

доцент А. К. Леонтьев

4 июня 1970

Приложения и комментарии к ним смотри в конце сборника.

**Федеральный закон Российской Федерации
от 10 ноября 2009 г. N 259-ФЗ
«О Московском государственном
университете имени М. В. Ломоносова
и Санкт-Петербургском государственном университете»**

Опубликовано 13 ноября 2009 г.

Вступает в силу: 24 ноября 2009 г.

Принят Государственной Думой 21 октября 2009 года. Одобрен Советом Федерации 30 октября 2009 года.

Статья 1. Отношения, регулируемые настоящим Федеральным законом

1. Настоящим Федеральным законом определяются особенности правового положения ведущих классических университетов Российской Федерации – федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (далее – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) и федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (далее – Санкт-Петербургский государственный университет) как уникальных научно-образовательных комплексов, включающих в себя структурные подразделения без прав юридического лица и юридические лица, старейших высших учебных заведений страны, имеющих огромное значение для развития российского общества.

2. Законодательство Российской Федерации в области образования применяется к Московскому государственному университету имени М. В. Ломоносова и к Санкт-Петербургскому государственному университету с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Статья 2. Правовое положение Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета

1. Деятельность Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета регулируется настоящим Федеральным законом, законодательными актами Российской Федерации в области образования, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также соответственно уставом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и уставом Санкт-Петербургского государственного университета.

2. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет являются федеральными государственными бюджетными учреждениями.

3. Учредителем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета от имени Российской Федерации выступает Правительство Российской Федерации.

4. Правительство Российской Федерации утверждает устав Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и устав Санкт-Петербургского

государственного университета, а также внесенные в них изменения. Иные полномочия учредителя осуществляются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

5. Ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ректор Санкт-Петербургского государственного университета назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. При назначении на должность ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и должность ректора Санкт-Петербургского государственного университета Президентом Российской Федерации определяется срок их полномочий, который не может превышать пять лет. При этом ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ректор Санкт-Петербургского государственного университета могут быть переназначены на новый срок. Ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ректор Санкт-Петербургского государственного университета могут быть досрочно освобождены Президентом Российской Федерации от занимаемой должности.

6. По достижении ректором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ректором Санкт-Петербургского государственного университета предельного возраста, установленного для замещения должности ректора государственного высшего учебного заведения, Президент Российской Федерации вправе дважды продлевать полномочия ректора на новый срок, каждый раз в пределах срока, установленного частью 5 настоящей статьи.

Статья 3. Научно-образовательный комплекс Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и научно-образовательный комплекс Санкт-Петербургского государственного университета

1. Состав научно-образовательного комплекса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и состав научно-образовательного комплекса Санкт-Петербургского государственного университета определяются соответственно уставом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и уставом Санкт-Петербургского государственного университета.

2. В Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и в Санкт-Петербургский государственный университет входят филиалы, представительства, факультеты и иные структурные подразделения без прав юридического лица. В научно-образовательный комплекс Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и в научно-образовательный комплекс Санкт-Петербургского государственного университета в соответствии с их уставами могут входить юридические лица, в том числе институты.

3. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет вправе создавать филиалы и открывать представительства, в том числе за рубежом.

4. Правовое положение структурных подразделений Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и структурных подразделений Санкт-Петербургского государственного университета, а также юридических лиц, входящих в научно-образовательные комплексы этих университетов, определяется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и соответственно уставом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и уставом Санкт-Петербургского государственного университета.

5. Полномочия учредителя юридических лиц, входящих в научно-образовательный комплекс Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в научно-образовательный комплекс Санкт-Петербургского государственного

ного университета, осуществляет уполномоченный Правительством Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти по согласованию соответственно с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом. Руководители юридических лиц, входящих в научно-образовательный комплекс Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в научно-образовательный комплекс Санкт-Петербургского государственного университета, назначаются на должность и освобождаются от должности ректорами этих университетов по согласованию с уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

6. Деканы факультетов, заведующие кафедрами Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета избираются в порядке, установленном уставами этих университетов. Руководители иных подразделений Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета назначаются на должность и освобождаются от должности ректорами этих университетов.

Статья 4. Особенности осуществления Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным университетом образовательной деятельности.

1. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет реализуют образовательные программы высшего профессионального и послевузовского профессионального образования на основе самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов и требований.

2. Требования к условиям реализации и к результатам освоения основных образовательных программ, включаемые в самостоятельно устанавливаемые Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом образовательные стандарты, не могут быть ниже соответствующих требований федеральных государственных образовательных стандартов.

3. Порядок лицензирования образовательной деятельности и порядок государственной аккредитации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета устанавливаются Правительством Российской Федерации.

4. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет вправе проводить дополнительные вступительные испытания профильной направленности при приеме для обучения по программам бакалавриата и программам подготовки специалиста по направлениям подготовки (специальностям), определяемым Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом.

5. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет выдают лицам, завершившим обучение по реализуемым ими образовательным программам и прошедшим итоговую аттестацию, документы о соответствующем уровне образования и (или) квалификации с официальной символикой Российской Федерации, которые заверяются печатью соответственно Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета и формы которых утверждаются соответственно этими университетами.

6. Документы о соответствующем уровне образования и (или) квалификации, выдаваемые Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, дают их обладателям права, аналогичные правам, предусмотренным для обладателей документов государственного образца о соответствующем уровне образования и (или) квалификации.

Статья 5. **Финансирование Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета.**

1. Финансирование Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета осуществляется за счет средств федерального бюджета и иных не запрещенных законодательством Российской Федерации источников.

2. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет вправе осуществлять определенные виды деятельности в соответствии с государственными заказами.

Статья 6. **Переходные положения.**

1. Избранные до дня вступления в силу настоящего Федерального закона ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ректор Санкт-Петербургского государственного университета осуществляют свои полномочия до назначения Президентом Российской Федерации соответственно ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ректора Санкт-Петербургского государственного университета в соответствии с настоящим Федеральным законом.

2. Устав Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и устав Санкт-Петербургского государственного университета подлежат приведению в соответствие с настоящим Федеральным законом в течение одного года после назначения Президентом Российской Федерации соответственно ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и ректора Санкт-Петербургского государственного университета.

3. Устав Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и устав Санкт-Петербургского государственного университета, утвержденные до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, действуют в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону.

4. Порядок финансирования юридических лиц, входящих в научно-образовательный комплекс Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, за счет средств федерального бюджета сохраняется до дня вступления в силу федерального закона о федеральном бюджете на соответствующий год.

Президент Российской Федерации

Д. Медведев

Времена не выбирают

Н. В. Успенская

«Природа» и Московский университет: к истории издания журнала*

26 января 1912 г. в Москве вышел в свет естественноисторический журнал для самообразования под названием «Природа». А за год до того, 27 января 1911 г., грянула знаменитая история, потрясшая основы Московского университета. Несомненно, что рождение «Природы» стало одним из следствий дуэли чести, между лучшими преподавателями храма науки на Моховой и правительством Столыпина.

В январе 1911 г. в Московском университете имели место привычные студенческие волнения, обещавшие быстро утихнуть. Ничто не предвещало бури. По утверждению В. И. Вернадского, «забастовка встретила сопротивление не только в профессуре, но и в студентах»**. Тем более неожиданным было появление в стенах университета наряда полиции, которая, согласно циркуляру министра народного просвещения Л. А. Кассо, взяла на себя функцию наведения порядка и отстранила от дела руководство университета, якобы неспособное справиться с ситуацией.

Это было воспринято как грубое нарушение университетской автономии. Тут же собирается Совет университета, и профессор А. А. Мануйлов (политическая экономия) подает в отставку от занимаемой должности ректора, поскольку, как писал П. Н. Лебедев, он «не имел возможности нести принадлежащую ему

* Полный текст статьи под названием «"Природа" и Московский университет: путешествие во времени» опубликован в январском номере журнала «Природа» за 2002 год.

** Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры // Публицист. статьи. М., 1995. С. 194.

по закону ответственность за нормальное течение академической жизни в университете». Примеру Мануйлова последовали помощник ректора М. А. Мензбир (сравнительная анатомия) и проректор П. А. Минаков (судебная медицина). Совет признал их мотивы убедительными. Как выглядела изнутри сложившаяся обстановка, показывают строки из письма одного из сотрудников университета, Н. И. Огановского: «Полиция в университете хозяйничает, как в своем участке. Это оставляет, конечно, сильное влияние как на студентов, так и на профессоров. Какой позор проходить сквозь строй полупьяных, красноречивых городских, читать 2–3 черносотенникам под охраной благожелательной полиции. Полиция, охраняющая науку, – какое противоречие. Ректор Мануйлов не выдержал и подал в отставку»**.

А дальше произошло нечто особенное. Министерство народного просвещения не только приняло отставку ректора, его помощника и проректора с их административных постов, но, не приводя никаких доводов, вообще уволило из университета, лишив тем самым права преподавать в нем и работать в его лабораториях. Не видя иного способа поддержать коллег и согласуясь со своими личными представлениями о чести и человеческом достоинстве, один за другим стали покидать университет его лучшие преподавательские силы.

Всего подало в отставку более 130 профессоров и преподавателей – треть общего состава. Прощения удовлетворялись немедленно. Между тем люди шли на это с болью в душе. «Многими переживаются тяжелые нравственные драмы, – пишет Вернадский, одним из первых покинувший alma mater, – многие стоят перед дилеммами, решение которых связано с мучениями»***. Петр Николаевич Лебедев, наш великий физик, не смог пережить этого. Он скончался в марте 1912 г. от сердечного приступа. Расставшись с университетом, Лебедев терял прекрасно оборудованную лабораторию, где проводил уникальные исследования. Он не дождался ни Нобелевской премии, ни нового здания для своего института на Миусской площади, для которого уже были собраны средства.

* Лебедев П. Н. Научная переписка // Науч. наследство. Т. 16. М., 1998. С. 359.

** Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63 (МОО). Оп. 31-1911. Ед. хр. 59. Ч. 46

*** Вернадский В. И. 1911 год в истории русской культуры // Публицист. статьи. М., 1995. С. 196.

«Над высшей школой, – отметил Вернадский, – проявлен эксперимент “твердой власти”». И он же: «Старый Московский университет перестал существовать»**.

Московские настроения перекинулись в университеты Петербурга, Варшавы, Томска, Харькова, в высшие учебные заведения других городов. Они стояли на пороге той же драмы. Но Парка решила иначе плести свою нить, и конфликтующие стороны стали проявлять больше склонности к компромиссам.

Только в Киевском политехническом институте, подведомственном Министерству торговли и промышленности, события развивались по самому жесткому сценарию. А именно: без каких-либо прощений об отставке, совершенно бесцеремонно, были уволены сразу три декана, профессора А. В. Нечаев, К. Г. Шиндлер и С. П. Тимошенко. Семь преподавателей сочли для себя невозможным оставаться в стороне от произвола, которому подверглись их заслуженные коллеги, и подали в отставку. Среди этих семи числится преподаватель химии, профессор Л. В. Писаржевский, который вместе с В. А. Вагнером стал основателем и редактором «Природы». Сотрудниками журнала (так обозначалась редакционная коллегия), чьи имена публиковались на обороте обложки, стали бывшие профессора Московского университета и другие видные ученые-естествоиспытатели, горячо откликнувшиеся на события 1911 г. Назовем хотя бы некоторых: В. И. Вернадский, Н. К. Кольцов, Л. А. Тарасевич, Н. М. Кулагин, М. А. Мензбир, Н. А. Умов, П. П. Лазарев.

Покинув Политехнический институт, эсер Писаржевский не мог более оставаться в Киеве. Судя по дошедшим до нас бумагам Киевского охранного отделения, за ним велась пристальная слежка. В одной из справок, составленных по просьбе следователя и приложенных к очередному донесению, говорилось: «В отчете по наружному наблюдению в гор. Киеве по партии социалистов-революционеров за апрель 1909 г. имеются указания, что профессор Киевского политехнического института Лев Владимирович Писаржевский, 37 лет, 19 апреля взят в наблюдение по агентурным сведениям как видный член партии»***.

* Вернадский В. И. Разгром // Публицист. статьи. М., 1995. С. 190.

** Вернадский В. И. 1911 год в истории русской культуры // Публицист. статьи. М., 1995. С. 194.

*** ГАРФ. Ф. 102 (ДП00). Оп. 1909. Ед. хр. 322. Л. 18

24 из более чем 130 профессоров и преподавателей Московского университета, подавших в отставку в 1911 г. Сидят: В. П. Сербский, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, П. А. Минаков, А. А. Мануйлов, М. А. Мензбир, А. Б. Фохт, В. Д. Шервинский, В. К. Цераский, С. Н. Грубецкой. Стоят: И. П. Алексинский, В. К. Рог, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, А. А. Эйхенвальд, Г. Ф. Шершеневич, В. М. Хвостов, А. С. Алексеев, Ф. А. Рейн, Д. С. Петрушевский, Б. К. Млодзевский, В. И. Вернадский, С. А. Чаплыгин, И. В. Давыдов

Письма, получаемые Писаржевским, перлюстрировались. Готовился обыск. После событий 1911 г. полиция потребовала немедленно покинуть Киев.

Это была не самая страшная кара. Писаржевский приезжает в Москву и разворачивает бурную деятельность по организации популярного естественнонаучного журнала. Другой работы у него просто-напросто не было, средств к существованию – тоже, но энтузиазм бил через край. Поэтому дело сделалось быстро. Средства были получены от одесского издательства «Родное слово» и других, пожелавших остаться неизвестными, хороших людей (слова из письма Писаржевского его старшему другу Н. А. Морозову). Прелестная обложка в стиле, который теперь называют «русский модерн», была исполнена популярным в те годы графиком М. И. Соломоновым. Это, конечно, выбор Писаржевского, который был поэт и художник. Ученики помнили его большие полотна в стиле Сомова. Зато шуточный рисунок на титульном листе – трудолюбивая пчела – перенесен с личного бланка петербургского профессора В. А. Вагнера.

В отличие от Писаржевского, который ринулся в новое дело очертя голову, Вагнер, фигурально выражаясь, давно носил в кармане план журнала.

Известный зоопсихолог, страстный пропагандист естествознания и признанный мэтр по этой части, Вагнер загорелся идеей научно-популярного журнала под влиянием Антона Павловича Чехова. Произошло это задолго до описываемых событий. Они встретились в 1891 г. в живописной барской усадьбе в селе Богимове, близ Алексина, и провели целое лето в постоянном общении. «Он превосходный зоолог и большой философ», – заметил Чехов, говоря о Вагнере*, личность которого получила отражение в творчестве писателя. В Богимове Чеховым написана повесть «Дуэль». Центральная фигура повести, зоолог фон Корен, – это Вагнер. Среди многих свидетельств, подтверждающих сей факт, – воспоминания брата писателя, Михаила Павловича: «Часа в три дня Антон Павлович снова принимался за работу и не отрывался от нее до самого вечера. Вечером же начинались дебаты с зоологом В. А. Вагнером на тему о модном тогда вырождении, о правде сильного, о подборе и так далее, лег-

* Чехов А. П. Полное собрание сочинений: Письма. М., 1976. Т. 5. С. 170.

шие потом в основу философии фон Корена в "Дуэли"»*. На просьбу своего издателя А. С. Суворина изменить фамилию фон Корена Чехов отвечает: «Фон Корен остается фон Кореном. Изобилие Вагнеров, Брандты, Фауссеки и проч. отрицают русское имя в зоологии, хотя все они русские»**. Чехов и Вагнер вместе написали фельетон «Фокусники», посвященный неприглядным делам, которые творились в Московском зоопарке. Но для нас куда более интересен другой результат их общения. Они решили вместе издавать популярный естественнонаучный журнал. Обстоятельную информацию по этому поводу мы находим в 11 письмах Вагнера Чехову, которые хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), бывшей Ленинки. Они охватывают период с октября 1891 по декабрь 1894 г. (на некоторых даты проставлены рукой Чехова) и все посвящены будущему изданию.

Вагнер был человек обстоятельный, дорожил советами Чехова в незнакомом деле, и поэтому из писем можно понять все, что происходило с журналом. Благодаря знакомству Вагнера с Суворинным, который дважды приезжал на дачу к Чехову, планы Чехова и Вагнера начали приобретать реальные очертания. Антон Павлович участвовал в обсуждении направления и характера издания и даже придумал ему название – «Натуралист». «Вы таким образом выходите его крестным отцом», – писал Вагнер***.

Через некоторое время Вагнер представил Суворину программу будущего издания. Суворин дал объявление в газетах. Вагнер с полным энтузиазмом начал работать.

В письме от 23 марта 1893 г. подробно описывается структура журнала и круг его авторов. «В настоящее время, – пишет Вагнер, – нам обещали свое сотрудничество профессора всех университетов, кроме Томского, к которому не обращались. Обещали участие: Ковалевский, Мечников, Воейков, Меншуткин, Иностранцев, Бекетов, Глазенап, Анучин. <...> Очень бы хотелось, чтобы три первые книжки заключали в себе статьи, по которым бы читатели могли себе составить близкое представление о тех задачах, которые хотелось достигнуть журналом. А они

* Чехов М. П. Вокруг Чехова. М., 1964. С. 236.

** Чехов А. П. Полное собрание сочинений: Письма. М., 1976. Т. 4. С. 266.

*** Отдел рукописей РГБ. Ф. 331. П. 38 Ед. хр. 3.

широки. <...> Меня это дело поглощает настолько, что я как-то позабыл даже о своей докторской диссертации, а она, кажется, задалась».

Между тем Вагнера ожидала неприятная весть. Прошло уже больше месяца, как Суворин сообщил Чехову, что издавать журнал не хочет, и объяснил почему: боится материализма Вагнера. Дело принимало некрасивый оборот. Суворин выходил из игры, когда это уже было поздно и неприлично. Кроме того, он ничего не общал Вагнеру.

Вагнер не понимал причины молчания Суворина, волновался за судьбу журнала и надеялся на встречу с Чеховым: «На дворе скоро май, а Вас все нет и нет! Время же тянется для меня, как для посаженного на кол: час за год! Судите сами: о журнале спрашивают, переводы для журнала делают, статьи для журнала присылают, а издатель журнала молчит, как утопленник. <...> Ждут Вас здесь 100 000 Ваших поклонников и я один – как 200 000 поклонниц, взятых вместе. Неужели все это Вас ни на волос не трогает и Вы не велите запрягать лошадей?»

Чехов как посредник чувствовал себя крайне неловко, был раздосадован поведением Суворина и вынужден был обсуждать с ним версии предстоящих объяснений. Он делает попытки разными способами охладить пыл Вагнера и отговорить его от издания журнала. Какое там! Вагнер и слышать ничего не хочет. Поскольку в ответном письме от 20 мая Вагнер последовательно опровергал все его аргументы, то мы знаем, какими они были. Чехов писал, что между Суворинным и Вагнером нет «единомыслия и искренности», что Суворин не хочет иметь с ним дела, а насильно мил не будешь и т. д. Кроме того, Чехов, как человек, более опытный в издательских делах, объяснял, что раз журнал не утвержден и нет письменного договора, то издатель имеет формальное право от него отказаться.

Это вызвало настоящую бурю. Вагнеру трудно было примириться с провалом так увлекших его планов. Ему кажется, что еще можно выработать какой-то компромисс. Он готов уменьшить объем журнала, сократить до минимума все расходы. «У меня нет денег, – признается он, – но я могу выдать Суворину обязательство выплатить в известный срок (разом не имею возможности) все то, что им будет недовыручено с этой суммы от подписчиков».

В. А. Вагнер

А в следующем письме (без даты) – снова: *«Кто о чем, дорогой Антон Павлович, а я все о журнале»*. Через Чехова он просит Суворина дать объявление в «Новом времени», что издание «Натуралиста» не может быть осуществлено по причине временной перегруженности магистра зоологии В. А. Вагнера специальными работами. *«Письмо это, – пишет Вагнер, – развязало бы мне руки: я исподволь продолжал бы хлопотать о журнале»*.

С этой мыслью Вагнер не расставался долго. Ему все грезились журнал, о котором они мечтали вместе с Чеховым. В 1912 г. эти мечты воплотились в жизнь: Вагнер и Писаржевский основали «Природу».

С. Н. Корсаков

Забытый директор МГУ

Имя Валерия Николаевич Касаткина – директора Московского государственного университета в 1930–1934 гг. – оказалось совершенно забытым. Между тем личность его примечательна хотя бы тем, что за всю историю существования Московского университета он был единственным профессиональным педагогом, возглавлявшим первый вуз страны.

В.Н. Касаткин родился 6 декабря 1891 г. в деревне Нероново Чухломского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. Отец его работал маляром в Петербурге, умер в 1904 г. Мать до 1901 г. жила в деревне, занималась сельским хозяйством, в 1901 переехала в Петербург и работала галошницей фабрики Русско-Американской резиновой мануфактуры. В.Н. Касаткин начал обучение в сельской школе, а с ноября 1901 года, когда отец взял его в Петербург, перешел в 4-х классное городское думское училище, которое окончил в мае 1905 г. С мая по сентябрь 1905 г. он находился на иждивении матери, а в сентябре 1905 г. поступил в высшее начальное училище, которое окончил в мае 1909 г.

«Первые семена политического протеста против существующего строя, – вспоминал В.Н. Касаткин, – посеяли во мне события 1905 года: мать мою избili казаки 9 января, в октябрьские дни я ходил по митингам, которые шли в высших учебных заведениях. Попал под обстрел во время «осады» Технологического института, мимо которого мне приходилось ходить ежедневно»*. В мае 1909 г. В.Н. Касаткин сдал экзамен на звание домашнего учителя и поступил в Петербургский учительский институт. Во время учебы подрабатывал репетиторством, был домашним учителем у частных лиц. В ноябре 1910 г. он попал под нагайки в «толстовские дни», во время студенческих волнений, вызванных смертью Л.Н. Толстого; был арестован. «В более законченную форму, – писал В.Н. Касаткин, – мое политическое мировоззрение вылилось в 1912 году,

когда я стал работать в социал-демократических студенческих кружках и вести работу среди рабочих Винного завода на Ватном острове». В августе 1912 г. В.Н. Касаткин окончил институт и стал работать учителем I городского училища в г. Череповце Новгородской губернии.

Социал-демократическую пропаганду В.Н. Касаткин продолжал и в Череповце, но уже не в рабочих, а в ученических кружках (в техническом училище, в учительской семинарии). В августе 1914 по подозрению в нелояльной деятельности он был переведен властями в глухой Кирилловский уезд, где работал учителем высшего начального училища в селе Великославенском. В июне 1915 г. В.Н. Касаткин возвратился в г. Череповец, где стал работать учителем I высшего начального училища. В октябре 1916 г. он был призван в армию и служил рядовым 1-го пехотного запасного полка в Петербурге.

Пребывание в Петербурге в канун и во время Февральской революции способствовало революционизации воззрений В.Н. Касаткина. Впоследствии он вспоминал: «...в годы учебы в Петербурге, и работая в Череповце, мне пришлось сталкиваться, главным образом, с социал-демократами меньшевиками; с социал-демократами большевиками мне удалось встретиться только в период пребывания рядовым в царской армии и во время Февральской революции и, конечно, понадобилось некоторое время, чтобы переоценить прежние ценности. Революция очень ускорила эту переоценку». В феврале 1917 г. В.Н. Касаткин демобилизуется из армии и вновь возвращается к работе в должности учителя I высшего начального училища в г. Череповце. С октября 1917 г. он заведует высшим начальным училищем в селе Вахново Череповецкого уезда, где также работает и учителем. В этот период он окончательно переходит с меньшевистских позиций на большевистские. «Целесообразность тактики, которая диктовалась меньшевиками после Октября, – писал он, – сразу же внушила мне самые серьезные сомнения. Сначала рекомендовался саботаж советских учреждений, затем тактика взрыва изнутри, потом открытый блок с самой махровой контрреволюцией. Всё это заставило меня в июле 1918 года порвать с меньшевиками и перейти к большевикам. Череповецкая организация большевиков оформила мой прием в декабре 1918 года».

* Воспоминания В.Н. Касаткина цитируются по автобиографии из личного дела, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории: ф. 17, оп. 100, д. 102075.

В. Н. Касаткин – типичный «выдвиженец». Об этом свидетельствуют факты его биография. Он прошел путь, характерный для партийных и государственных работников пролетарского происхождения.

С октября 1918 г. начинается деятельность В. Н. Касаткина как организатора народного образования. Он становится заведующим школьным подотделом Череповецкого уездного отдела народного образования Новгородской губернии, а в январе – апреле 1919 г. заведует Череповецким губернским отделом народного образования и состоит членом губисполкома.

В мае 1919 г. В. Н. Касаткин добровольно вступил в Красную Армию, где служил в 3-й армии Восточного фронта (города Вятка, Ижевск) сначала рядовым красноармейцем, затем заведующим культурно-просветчастью политотдела бригады особого назначения, а с июля 1919 г. – начальником политотдела этой бригады. Осенью бригаду перебросили на Юго-восточный фронт в 9-ю армию. С августа 1919 г. В. Н. Касаткин служил помощником начальника политотдела, затем временно исполнял должность начальника политотдела 9-й армии Юго-восточного фронта. После изгнания денкинцев с Кубани, штаб армии остановился в Екатеринодаре. В Екатеринодаре В. Н. Касаткин вернулся к педагогической работе: с мая 1920 г. он заведовал Кубанско-Черноморским областным отделом народного образования.

В августе 1920 г. В. Н. Касаткин был избран секретарем Кубанско-Черноморского областного комитета РКП(б) (г. Екатеринодар). Как раз в этот период произошло нападение врангелевских войск на Кубань к северо-западу от Екатеринодара, которое было достаточно быстро отражено Красной Армией. Резкие действия В. Н. Касаткина в этой критической ситуации помешали его последующей партийной карьере. Сам он так свидетельствовал об этом в автобиографии: «Во время врангелевского налета на Кубань пришлось перевести всю парторганизацию на военное положение. Во время этой операции я, не учтя молодого состава организации, допустил ряд перегибов, вызвавших недовольство многих членов партии». Спустя год после этих событий, в 1922 г., Центральная контрольная комиссия РКП(б) своим решением указала В. Н. Касаткину на допущенные ошибки и запретила в течение одного года занимать ответственные партийные должности.

В феврале 1921 г. Юго-восточное бюро ЦК РКП(б) перебросило В. Н. Касаткина с Кубани в Ростов-на-Дону. С мая 1921 г. В. Н. Касаткин – секретарь Юго-восточного бюро ЦК РКП(б) (г. Ростов-на-Дону). В этот период он, очевидно, познакомился с А. С. Бубновым, работавшим с мая 1921 г. в Ростове-на-Дону членом Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа, членом Донского областного комитета РКП(б) и членом Юго-восточного бюро ЦК РКП(б). Во время дискуссии о профсоюзах 1921 года В. Н. Касаткин защищал «платформу десяти», подписанную В. И. Лениным и другими руководителями РКП(б) и легшую в основу постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профессиональных союзов. В августе 1921 г. В. Н. Касаткин был направлен ЦК РКП(б) на работу в Москву – помощником по политической части начальника трудовых частей наркомата труда РСФСР.

В сентябре 1921 г. В. Н. Касаткин обратился в ЦК РКП(б) с просьбой перевести его на педагогическую работу и был направлен заведующим учебной частью Коммунистического университета трудящихся Востока (ныне – Институт стран Азии и Африки МГУ). Проработав там около года, он, из-за разногласий по организационным вопросам с ректором КУТВ Г. И. Бройдо, ушел вместе с группой работников из университета. С июля 1922 г. он работал управляющим делами наркомата внешней торговли РСФСР.

В феврале 1923 г. в связи с рурскими событиями в Германии В. Н. Касаткин был мобилизован на Западный фронт (г. Смоленск), где служил помощником командующего войсками фронта по политчасти, начальником политуправления штаба фронта, а с 8 февраля по 5 декабря 1923 г. также временно исполнял обязанности члена РВС фронта. В апреле 1923 г. он был избран делегатом с решающим голосом на XII съезд РКП(б) от 3-й конференции Западного фронта. Во время дискуссии с троцкистами в 1923–1924 гг. защищал линию ЦК. Во время службы на Западном фронте у В. Н. Касаткина произошел конфликт с командующим фронтом М. Н. Тухачевским, которого обвиняли в недостаточной партийности. Мемуаристы и исследователи в этом признают правоту М. Н. Тухачевского.

В феврале 1924 г. В. Н. Касаткин был переведен в Москву в Политуправление Реввоенсовета СССР помощником начальника

Политуправления и начальником организационного отдела; здесь он работал под руководством А. С. Бубнова, который с января 1924 г. был начальником ПУРа и членом РВС СССР.

В августе 1924 г. по личной просьбе В. Н. Касаткина ЦК РКП(б) направил его на работу в наркомат просвещения РСФСР. Наркомат возглавлялся тогда А. В. Луначарским, а с сентября 1929 г. А. С. Бубновым. С августа 1924 г. В. Н. Касаткин работал заместителем заведующего главного комитета профессионально-технического образования и заведующим отделом высших учебных заведений наркомата просвещения РСФСР; решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 04.09.1924 г. он был введен в состав комиссии для выработки мероприятий по компенсации неимуществу пролетарскому студенчеству платы за обучение. Одновременно с ноября 1924 г. В. Н. Касаткин работал в МГУ в должности сверхштатного преподавателя на физико-математическом факультете по кафедре «Советская система народного образования». С января 1926 г. он – начальник организационно-планового управления наркомата просвещения РСФСР. В это время он редактирует бюллетень «Еженедельник народного комиссариата просвещения РСФСР».

В.Н. Касаткину принадлежит ряд публикаций по вопросам педагогики и организации народного образования. В своих работах он настойчиво проводил мысль об увязке задач образования с развитием народного хозяйства. В. Н. Касаткин считал необходимым решить ключевую проблему культурной революции – проблему «ножниц» между уровнем современной техники и уровнем культурного развития. «Вступление советского государства в реконструктивный период, – отмечал он, – сразу обнаружило и недостаток культурных сил самых различных квалификаций, и несоответствие качественной их подготовки предъявляемым требованиям»*. Такие диспропорции серьезно замедляют, считал он, перспективы ближайшего развития страны. Решение проблемы он видел в систематической организации планирования развития народного образования и активно занимался составлением перспективных планов просветительской работы.

Среди форм совершенствования образовательной работы В.Н. Касаткин называл введение общеобязательного обучения

* Народное просвещение. 1928. - № 11. - С. 82.

в школе I ступени, организацию краткосрочных школ для переростков с целью разгрузки школ I ступени, увеличение срока обучения в средней общеобразовательной школе с девяти до десяти лет.

Особенно волновала В. Н. Касаткина проблема обслуживания просветительскими учреждениями детей рабочих, батраков и бедняков, а также рост отсева среди этих детей в школе. Он предлагал выделять средства для стипендий этим детям, разворачивать новые сети «повышенных» школ исключительно в фабрично-заводских районах и в деревне. В наркомате просвещения РСФСР В.Н. Касаткин возглавил специальную комиссию по системе общего и профессионального образования для детей рабочих. В. Н. Касаткин считал полезным выстроить единую систему учреждений образования на основе принципа даваемой ими трудовой квалификации. Причем он при этом не рассматривал трудовую квалификацию узкотехнически, поскольку «рабочая сила не является вполне квалифицированной, если ее технические знания, навыки и умения не опираются на политическое развитие, на достаточно широкую базу общеобразовательных знаний, на развитие всех тех способностей, которые заложены в человеке»*.

Те или иные решения, связанные с организацией планирования культурно-образовательного развития, которые предлагал В. Н. Касаткин, возможно, устарели, но сама по себе проблема соответствия культурного и образовательного уровня людей современным технологиям и технике сохраняет свою актуальность и сегодня.

В 1929 г. комиссия по чистке партии рекомендовала направить В. Н. Касаткина, как длительное время работающего в центральных учреждениях, на периферийную работу. В декабре 1929 г. В.Н. Касаткин был назначен директором Донского политехнического института в г. Новочеркасске.

В июле 1930 г., после расформирования этого института, постановлением ЦК ВКП(б) В. Н. Касаткин был переведен на работу директором Московского государственного университета. Назначение было оформлено приказом по Наркомату просвещения от 30 июня 1930 г. с предписанием «приступить к исполнению своих обязанностей не позднее 3-го июля».

* Народное просвещение. 1928. - № 12. - С. 20.

Следует иметь в виду, что наименование руководителя первого вуза страны менялось. Он назывался то директором, то ректором. Связаны изменения в названии были со способом замещения этой должности: путем избрания, либо путем назначения. В 1930-е гг. в вузах было введено единоначалие и глава вуза назначался сверху, наркоматом. Поэтому его должность называлась «директор».

Будучи директором, В. Н. Касаткин одновременно исполнял обязанности профессора МГУ по кафедре педагогики. В. Н. Касаткин вполне в духе времени активно нацеливал работу подразделений университета на тесное взаимодействие с отраслевыми НИИ и периферийными университетами, на помощь им кадрами. Он рассматривал университет как образцовую лабораторию педагогической мысли в стране, уделял существенное внимание педагогической практике студентов и считал именно кафедру педагогики университета центром организационно-методической работы в университете.

Как директор, В. Н. Касаткин активно проводил в жизнь линию Наркомата просвещения РСФСР на разукрупнение МГУ. Основной целью такого разукрупнения провозглашалось сближение вузовской науки с производством и интенсификация подготовки кадров для социалистического строительства. Примечательно, что именно при В. Н. Касаткине в октябре 1930 г. общеуниверситетский печатный орган – газета «Первый Университет», была переименована в «За пролетарские кадры». В результате политики разукрупнения были созданы Московский институт философии, литературы и истории, Институт советского права и др. В. Н. Касаткин предложил перевести университетскую библиотеку в подчинение сектору науки Наркомата просвещения РСФСР с тем, чтобы она обслуживала другие вузы и учреждения. Именно в этот период в МГУ был принят так называемый метод коллективных зачетов, при котором один человек сдавал зачет за всю учебную группу.

Сегодня бригадные формы работы и учебы, которые внедрялись директором В. Н. Касаткиным, могут вызвать лишь недоумение. Но это было не его изобретение. Такие формы организации учебного процесса считались тогда новаторством.

Освобожден от должности директора МГУ В. Н. Касаткин был с 22 июля 1934 г. При освобождении от должности ему была объявлена благодарность наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова «за исключительно энергичную и плодотворную работу по улучшению всех сторон деятельности университета».

С июля 1934 г. В. Н. Касаткин состоял главным инспектором при наркомате просвещения РСФСР, продолжая работать также профессором по кафедре педагогики в МГУ. С декабря 1934 г. он трудился заведующим Саратовским краевым отделом народного образования. Затем стал членом Совета при Наркомате просвещения РСФСР. С августа 1936 г. по октябрь 1937 г. В. Н. Касаткин работал директором Горьковского педагогического института. В октябре 1937 г. А. С. Бубнов, который поддерживал В. Н. Касаткина, был освобожден от обязанностей наркома просвещения РСФСР «как не справившийся с работой» и вскоре репрессирован.

Нельзя не признать, что В. Н. Касаткин поступил мудро в этой опасной ситуации. Он пошел работать школьным учителем, выпав из номенклатурной обоймы, но тем самым – и из поля зрения контрольных и карательных органов. Так ему удалось сохранить свою жизнь и свободу. Иначе он был бы обречен, учитывая все факты его биографии. Но именно поэтому она оказалась столь трудной для изучения сегодня.

В течение Великой Отечественной войны с июля 1941 г. по сентябрь 1945 г. В. Н. Касаткин был старшим преподавателем социально-экономического цикла Центральной военно-технической школы дрессировщиков в Новогирееве Московской области, а после войны В. Н. Касаткин работал преподавателем Партшколы МК и МК ВКП(б), затем заведующим учебной частью Вечернего университета марксизма-ленинизма г. Москвы, а с апреля 1949 г. по августе 1953 г. был директором Филиала Университета марксизма-ленинизма МК КПСС при Московском отделении Союза советских архитекторов.

В последние годы жизни В. Н. Касаткин работал преподавателем истории школы № 509 Пролетарского районного отдела народного образования г. Москвы.

Умер В. Н. Касаткин в 1961 г. в Москве. Он был сыном своего времени и внес посильный вклад в дело развития народного образования России.

Строили, строили...

Два юных, убежденных и не отягощенных опытом советской эпохи взгляда на молодежь светлых – или не очень светлых? – шестидесятых

Газета «Журналист», архив за 1960–1961 год. О чем пишут? Предсказуемо: о планах на новый учебный год, о летней практике, о последних мировых новостях и о новостях частных, факультетских... Резко выделяется номер пятый, за первое октября 1960 г. На месте передовицы – большая рисованная иллюстрация. Одухотворенные лица студентов, на заднем плане не менее одухотворенный Ленин, окруженный достижениями советских времен: высотное здание МГУ, высоковольтная линия электропередачи, взлетающая в небо ракета... И над всем этим крупно слова – «Учиться Коммунизму». Выпуск газеты относит читателя не в такой уж далекий для него 1920 год. Второго октября состоялся Третий Всероссийский съезд Российского коммунистического союза молодежи. Ленин говорит о задачах молодежи, молодежь с замиранием сердца слушает «любимого друга, отца и учителя». Ей предстоит священная задача – построить коммунизм. И вот, сорок лет спустя, 1 октября 1960 года, журналист рассуждает о том, как блестяще советский народ справляется с этой задачей, а главное – что для этого делает новая, целеустремленная молодежь: «Чувствуя постоянную заботу о себе, советское студенчество упорно и настойчиво овладевает знаниями, использует каждую минуту учебного времени, чтобы быть достойными строителями коммунистического общества». Да, вот была молодежь, не чета нашей! – грустно вздыхают деды. А может быть, у нее, у молодежи, спросим, что она думает по этому поводу?

Шаг назад – два вперед. «Протагонист» Алеся Митрохина, студентка 4 курса факультета журналистики МГУ

Комсомол, пионеры, картошка и партсобрания – большая часть современной молодежи думает о реалиях той, далекой жизни отцов и дедов с иронией и легкой улыбкой. Как можно было всем ходить в ногу на парадах, всем носить одно и то же и всем

преисполняться нежности при имени великого Ленина? Ведь каждый человек – личность, у каждого – свое мнение и каждый думает по-своему! Не буду спорить с этим. Но хороша ли эта свобода мнений и отсутствие четких жизненных установок?

Что мы видим сегодня? Брошенных детей, которые растут часто без всякого присмотра и руководства. А что было тогда? Вот в семье растет ребенок. Как проходил его день в далеком 1960-м? Ранний подъем, каша, школьная форма, портфель в руке, уроки с обязательной продленкой, кружки, спортивные секции или футбол во дворе, домашнее задание или помощь по хозяйству вечерами. Соблазнов вроде компьютера или телевизора нет, занятость практически полная. Детство проходило быстро, насыщенно и весело. Такого понятия, как скука, у ребенка 60-х не было. А сейчас? Та же школа, та же каша, но... Теперь у нас есть Интернет. А в Интернете, наряду с полезной информацией, всевозможные чаты, онлайн-игры, социальные сети... Активная часть их пользователей – школьники. Они не читают, не занимаются спортом и не играют в шахматы – они сидят «в контакте». Вся вторая половина дня свободна, мало какой родитель запишет ребенка в секцию по футболу, многие не пускают детей даже играть во двор – ведь там маньяки, да и экология плохая. Вседозволенность журналистов дала им возможность нагонять страх на граждан, утрируя ужасные последствия происшествий. Иногда после прочтения газеты или журнала остается мысль, постыдная, конечно, для современного журналиста, но неизбежная при знакомстве с многочисленными желтыми изданиями, – мысль о том, что не так уж вредна была советская цензура...

А что студенчество? Студент образца 1960 года – вечно голодный и вечно работающий, но, вместе с тем, обязательно чем-то увлеченный. Зато студент современный разнообразен и порой до ужаса странен: субкультуры, клубы и т. д. Тогда ездили на картошку, и ни у кого принудительный порядок этого мероприятия не вызывал возмущения. Теперь практику вам проставят в любой конторе за один день – и все лето свободно.

Но главное – это, конечно, жизненные установки молодежи. Вообще у студентов принято противоречить отцам и дедам и отрицать их опыт. Думая так: «Весь мир насилья мы разрушим /

До основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим...», современные молодые люди отрицают не только заидеологизированность своих ровесников из далеких шестидесятых, но и все хорошее и доброе, что несла в себе та эпоха и та идеология. Может быть, стоит рассуждать умнее и ценить то, чего у современной молодежи нет, – стремление к знаниям и поклонение уму, доброту и дух товарищества, такие идеалы, как труд, семья, спорт? Не стоит изобретать велосипед: лучше вернуться на шаг назад, чтобы сделать два шага вперед.

Вперед, но без горячки. «Антагонист» Юлия Петропавловская, студентка 4 курса факультета журналистики МГУ

А мне вот «Интернационал» не нравится, и распевать бы я его не стала. Ни сегодня, тем более что вряд ли теперь найдутся смельчаки, готовые взяться за постройку пресловутого *нового мира* на жалких «останках самовластья», ни вчера в компании советских голодных студентов за партией шахмат. Кстати, они-то как раз и славились страстью сжигать все старое, неудобное, монархическое – и на его место привносить новое, коммунистическое. Бездумно, механически, по указке. Выворачивая наизнанку великие мысли наших писателей в угоду пропаганде, выуживая из недр истории сомнительной ценности произведения и ненароком забывая про гениальные, убирая неблагонадежных куда-нибудь подальше, в страны презренного Запада. Вот уж, действительно, «кто был никем, тот станет всем» – и наоборот. Обвиняя – и кого обвиняя! Обвиняя Толстого в том, что тот не понял идей революции! Обвиняя Достоевского, о котором кумир тогдашней молодежи Горький писал: «Пришла пора выступить против достоевщины во всех ее пунктах». Бесспорно, у тех студентов были четкие моральные установки, их-то ни на секунду не застигал врасплох коварный, «проклятый» вопрос: а надо ли все это? Их запрограммировали на разрушение и создание нового, и если с первой частью задания они справились на ура, то вот вторую выполнить не смогли. И теперь современная молодежь страдает от недостатка уважения к ценностям старшего поколения, потери нравственных

Вечером в одной из гостиных студенческого общежития на Ленинских горах. 1954 г.

ориентиров. И когда современные дети спрашивают у своих родителей, в каком направлении им идти, родители только пожимают плечами. В атмосфере скептицизма старших младшие стыдливо берутся за ручки, а вернее – презренные ноутбуки, и создают уже не наивные, не утопические труды, а грамотные, лишенные узколобости финансовые, технологические, дизайнерские, в конце концов, проекты. А тогда-то и подумать страшно было о том, что органы печати, книги, квартиры могут выглядеть действительно красиво. Ведь как правильно писал Чехов в своей «Скучной истории»! «Вообще ветхость университетских построек, мрачность коридоров, копоть стен, недостаток света, унылый вид ступеней, вешалок и скамей в истории русского пессимизма занимают одно из первых мест на ряду причин предрасполагающих...», – не договаривает по понятным причинам его герой. Ну, а в нашем случае, предрасполагающих к событиям 91-го года. И если тогдашняя молодежь витала в несбыточных мечтах, с восторгом перечитывая Ленина с Марксом, в то время как Америка выпускала новый автомобиль, молодежь нынешняя будет бороться за то, чтобы новый шрифт, новый компьютер и новый фильм, новый автомобиль выпустили наши. И это как раз то, что в предреволюционные годы презрительно называлось теорией малых дел. Печальный опыт прошлого столетия научил нас тому, что хорошее не делается впопыхах, какими бы соблазнительными ни были обещания амбициозных вождей.

Воспоминания студентов далеких пятидесятых Э.В. Степченко, Н.Ф. Уса, Б.М. Болотовского публикуются ниже.

Скрещение судеб

Д-р Н.Е. Осипов

Воспоминания о первых профессорах психиатрии Московского университета

Корсаков и Сербский

Печатается (в небольшом сокращении) по кн.: Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета под ред. проф. В.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера и М.М. Новикова. Париж. 1930. С. 405–426. Материал подготовлен к публикации А. М. Бокучаевой и И. В. Петровицкой.

Имя Сергея Сергеевича Корсакова хорошо известно людям, соприкасавшимся так или иначе в течение последних сорока лет с психиатрией. А кто не соприкасается с психиатрией?.. Кроме родственников с психиатрией неизбежно соприкасаются все общественные деятели. Вопрос призрения душевнобольных, законодательство о душевнобольных – насущная задача всякого правящего органа. Далее, с психиатрией должны соприкасаться все: ученые естествоиспытатели, юристы, историки, социологи, религиозные философы одинаково заинтересованы явлением как индивидуального, так и массового психоза. Проблема душевного заболевания – неразгаданная философская проблема. Соответственно разнообразию своих задач, психиатрия имеет три главных отдела. Во всех трех главных отделах психиатрии имя Корсакова стало историческим.

... Корсаков был выпущен с золотой медалью из 5-й московской гимназии в 1870 г. В том же году поступил на медицинский факультет Московского университета, где и окончил курс в 1875 г.

С университетской скамьи он поступил ординатором в Преображенскую больницу для душевнобольных. С перерывом для трехлетней ординатуры в клинике нервных болезней А. Я. Коженикова он оставался в Преображенской больнице до 1888 г. С 1881 г., со дня смерти д-ра Беккер и по день своей собственной смерти 1-го мая 1900 г., Корсаков заведовал частной лечебницей Беккер. Ближайшими сотрудниками Сергея Сергеевича и Марии Федоровны в первые годы их деятельности были Николай Николаевич Баженов и Владимир Петрович Сербский. Баженов и Сербский – во всех отношениях первые ученики и друзья Корсакова – и сам Корсаков были почти что сверстниками. Все трое закончили Московский университет.

В лечебнице Беккер провел Корсаков своей первый опыт полного нестеснения душевнобольных, по-restraint. «Там и я в качестве молодого ординатора работал около него, – пишет Баженов, – и был свидетелем того, как в этом скромном по внешности, но богатом по исключительно любвеобильному вниманию к пациентам учреждении забрезжил в Москве первый луч клинического пользования душевнобольных и как вводился новый принцип в это дело – полный и абсолютный по-restraint”...

Великая волна реформ конца XVIII и начала XIX в. установила 1-ый принцип психиатрии: сумасшедший есть несчастный, больной человек, душевнобольной. Не следует только думать, что установление этого принципа сопровождалось его повсеместным и последовательным проведением. До этого было еще очень далеко. В сороковых годах прошлого столетия английский психиатр Конолли в своей книге о «лечении помешанных без механического стеснения» первый провозгласил, что всякое механическое стеснение, связыванье в рубашку, привязывание к кровати и креслу есть зло, которое должно быть изгнано, за исключением немногих хирургических случаев. Книга Конолли вскоре была переведена на другие европейские языки. Конолли возражали. Загорелась борьба, в которой приняла участие и немедицинская печать.

...Таким образом был установлен 2-ой принцип современной практической психиатрии: призрение душевнобольных должно вестись в открытых больницах с мастерскими и всевозможными работа-

ми, open door, no-restraint. До полного проведения этого принципа в жизнь еще очень далеко и в настоящее время.

С.С. Корсаков, не имея перед собою живых примеров, принял всю систему нестеснения целиком и осуществлял ее на свой риск и страх сначала в лечебнице Беккер при участии самой Марии Федоровны, Баженова и Сербского, а также в Преображенской больнице, и потом перенес ее в университетскую клинику. О первых опытах К. с большим юмором вспоминал Баженов. Вот один из его рассказов. Ординатор входит в комнату больного и вдруг видит такую картину: С.С. на полу. На четвереньках, на нем верхом сидит здоровенный больной и выдергивает С.С. волосы из головы. Ординатор бросается на помощь, но С.С., не меняя положения, грозит пальцем, чтобы ординатор не вмешивался: no-restraint! Было это на самом деле или Баженов придумал эту картину как иллюстрацию утрированного нестеснения, – не знаю. Твердо помню только, что подобные рассказы Баженова нисколько не нарушали его благоговейного отношения к Корсакову. Надо было слышать те нюансы, те обертоны, с которыми это рассказывалось, чтобы не оставалось никакого сомнения в прекрасном отношении Баженова к Корсакову. После некоторых неизбежных увлечений при осуществлении всякой новой идеи, Корсаков, а с ним вместе Баженов и Сербский, окончательно стали на сторону максимально возможного нестеснения как целесообразной меры ухода и лечения душевнобольных.

Свою психиатрическую деятельность я начал в Преображенской больнице и в лечебнице бывшей Беккер – директором и там и здесь был тогда Н.Н. Баженов; и затем продолжал в университетской клинике, где директором был Вл. П. Сербский. Нигде я не видел ни одного связанного больного. Горячую рубашку и цепи я видел лишь в музее клиники. Связанных больных впервые увидел за границей. Я уже говорил, что имя Корсакова стало историческим во всех главных отделах психиатрии. *В отделе клинической психиатрии имя Корсакова стало символом гуманного любовного отношения к душевнобольным.*

Вопрос признания душевнобольных не сводится к вопросу постройки целесообразных больниц – это только начальное звено в цепи мероприятий. Другая важная задача: эвакуация хрони-

ков и создание для них дешевого типа признания. Переполнение больниц наступает с математической точностью. К первому десятилетию больницы заполняются хрониками на 9/10. Чтобы освободить больницы, необходимо широко поставленное признание хроников в семьях, у ворот больницы, как говорил Баженов. *Посемейное признание – patronage familial – можно считать третьим основным принципом современной практической психиатрии.* В России первую колонию посемейного признания открыл в 1885 г. Баженов при Рязанской Голенченской больнице. В Москве госп. под Москвой patronage familial. с легкой руки Баженова получил широкое распространение.

80-е годы были, по определению Баженова, *«героическим периодом в истории русской психиатрии»*. «Земства энергично принялись за реорганизацию своих «отделений для умалишенных» при общих больницах; устраивались первые в России больницы земледельческого типа по образцу саксонского Alt-Scherbitz'a. Выросли психиатры-организаторы, богатые инициативой, решительностью и верой в свое дело. Они осуществляли принципы no-restraint и open door, несмотря на все препятствия. В некоторых провинциальных учреждениях горячечные рубашки сразу были сняты и вышли из употребления. Больные, которые годами сидели в старых сумасшедших домах и дичали там – теперь гремели инструментами в мастерских, звенели косами в поле, собирали молочные скопы на ферме. Такая организация требовала большого напряжения воли от врача и возлагала на него большую ответственность. Тогда создавался тип земских психиатров, про который можно сказать: психиатр – отец, больные – дети. Таким отцом больных был Корсаков в качестве ординатора Преображенской больницы и директора лечебницы Беккер. Баженов после двухлетней работы в лечебнице Беккер-Корсакова и почти двухлетней специальной подготовки за границей, в 1885 г., занимает место директора Рязанской земской психиатрической больницы. Когда в 1883 г. Баженов уехал за границу, его место в лечебнице Беккер занял Сербский. После более, чем годовой работы под руководством Корсакова, Сербский едет за границу для осмотра психиатрических больниц, после чего становится директором Тамбовской психиатрической больницы, также психиатром-отцом, психиатром-героем.

«Люди 80-х годов... Их часто мажут одной краской, – говорит А. А. Кизеветтер, – как поколение, повернувшееся спиной ко всяким общественным идеалам, разочаровавшееся во всяком общественном прогрессе, отдавшееся всецело мелким делишкам текущего дня и эгоистическим личным интересам». Такая характеристика довольно односторонняя. Это верно, что в те годы на авансцене общественной жизни настал штиль. «Деятели» заслонились «дельцами». Но никак нельзя сказать, чтобы с общественной арены совершенно исчезли тогда люди, одушевленные стремлением служить общественному благу. Такие люди были, и не только в виде случайных одиночек. Наметилось целое течение, отличавшееся некоторой определенной окраской. В основе его лежало разочарование в революционных методах политической борьбы, в стремлениях к катастрофическим переворотам, в вере в возможность мгновенными ударами свалить существующий строй и сразу переродить и очастливить человечество. То была, несомненно, реакция против революционного настроения предшествующего десятилетия. Но эта реакция далеко не для всех была равносильна отказу от всякого служения общественному благу. Наметилось течение, деятели которого усматривали в решимости служить идеалам свободы и социальной справедливости в процессе ежедневной, будничной работы, в рамках существующей действительности, – не меньший героизм, чем в и драматических эффектах подлинной политической борьбы». К этой блестящей характеристике А. А. Кизеветтера доказательной иллюстрацией может послужить только что описанные героический период в истории русской психиатрии.

Больничное строительство и больничная жизнь настолько захватывали, поглощали психиатров, что не оставляли возможности для теоретической научной работы. Зато дело призрения душевнобольных было поставлено на большую высоту. Но С. С. Корсакову и его присным Н. Н. Баженову и Вл. П. Сербскому суждено было выйти на авансцену также и научной жизни.

В 1887 г. в Москве состоялся первый съезд отечественных психиатров, «памятный до сих пор по его очень напряженной работе и очень большой продуктивности»: Корсаков, Баженов и Сербский выступали на этом съезде с важными, как практически, так

и теоретически, докладами. В тот же 1887 г. Корсаков защитил свою замечательную диссертацию об алкогольном параличе. И в том же 1887 г. была освящена и передана Московскому университету «Психиатрическая клиника имени А. А. Морозова при Императорском Московском Университете». Клиника была построена на средства, завещанные Морозовым на благотворительные цели. Выбор назначения этих средств на учреждение клиники принадлежал вдове покойного Варваре Алексеевне Морозовой. Она приобрела то место на Девичьем поле, на котором построена клиника и предложила в дар университету клинику уже готовую, т.е. выстроенную и с полным внутренним обустройством. Планы клиники составлены были проф. А. Я. Кожевниковым и университетским архитектором К. М. Быковским. Корсаков становится заведующим этой клиникой и вскоре ее директором. Место штатного ассистента клиники, т.е. ближайшего помощника и заместителя директора с первого дня открытия клиники занимает Сербский. Психиатрическая клиника Московского университета делается духовным центром организации психиатрического дела в России.

Я далек от мысли игнорировать значение петербургской и других университетских клиник, а равно самостоятельность городских и земских психиатров, но хочу только подчеркнуть, что общественная психиатрия всегда особенно склонялась к московской Корсаковской клинике, благодаря во всех отношениях безупречным личностям Корсакова и Сербского.

Корсаков и Сербский сумели поддержать славу Московского университета и всегда оставались верными его основной традиции, формулированной А. А. Кизеветтером, как «слияние и органическое совмещение служения научной истине со служением общественному благу». Популярность Корсаковской школы особенно ярко сказывалась на съездах врачей, как Пироговских, так и специальных. На 2-ом съезде отечественных психиатров в Киеве в 1905 г. почетным председателем был избран Вл. П. Сербский. В 1910 г. состоялось первое собрание учредителей «Русского Союза психиатров и невропатологов». Инициатива такого союза принадлежала еще Корсакову, но по разным обстоятельствам организовался Союз лишь через 10 лет после смерти Корсакова. Одной из задач Со-

юза является периодическое созвание съездов. Те съезды, которые будут заседать в Москве, должны именоваться «Корсаковскими». Таким образом, и в общественной психиатрии имя Корсакова стало историческим.

Корсаков был разносторонне образованным человеком. Он ревностно изучал психологическую и философскую литературу, на что указывает богатства этих отделов в его замечательной библиотеке, завещанной им клинике. Библиотека была единственной роскошью, которую позволял себе К. В своей двухтомной «Психиатрии» (2-ое посмертное изд. 1901 г.) он посвящает нормальной психологии около ста страниц. При чтении этих интересных страниц получается такое впечатление, что автор чистый интеллектуалист и сторонник ассоциативной психологии. Однако, К. был всегда самобытен. Эта самобытность сказалась и в области психологии. *«Кроме сочетания идей по простой ассоциативной связи, – пишет К., – существует еще сочетание идей под влиянием особой направляющей силы ума».* Теперь этот вопрос о направляющей силе ума подробно разработан в немецкой литературе. И в области чувствований К. преодолевает интеллектуализм: *«Я лично полагаю, что в психологии роль душевных чувств, т.е. эмоциональной сферы громадна, даже в области интеллектуальной деятельности».* Этих двух примеров достаточно, чтобы показать, что К. и в общей психологии не знал застывших догм. В метафизике К. всецело стоит на почве материализма. С этой точки зрения рассматривает он и проблему душевного заболевания: психиатрия – отдел невропатологии, правда, своеобразный. *«Предмет психиатрии составляют душевные болезни или патологические изменения личности... Что лежит в основе их? Бесспорно, телесные изменения. ... Душевные болезни суть такие же телесные болезни, как и все другие... Душевные болезни суть болезни переднего мозга».* Невольно возникает вопрос, как такой исключительно тонкий человек, исключительно тонкий наблюдатель и глубокий мыслитель с широким горизонтом мог удовлетворяться материалистическим пониманием душевных явлений? Мне думается, что такое понимание было необходимо Корсакову, чтобы внедрить обществу, родственникам, суду первый основной принцип психиатрии: сумасшедший есть больной, такой же больной, как и телесно заболевший. Для это-

го отождествление душевных заболеваний с телесными – самый верный путь. Мне думается, что материализм Корсакова вообще методологический. Это метод, по которому можно изучать человека, но это еще не значит, что этого метод единственный и что он может привести к раскрытию существа человека. В противоположность многим врачам своего времени К. никогда не относился к философии, в частности, к метафизике, отрицательно. *«Если первичный толчок для приведения в действие психического механизма дает «воля», понимаемая в широком смысле слова, то естественным является вопрос – откуда она сама, откуда ее энергия?.. Вопрос в высшей степени важный и глубокий, к сожалению, решаемый многими крайне поверхностно».* ...

В теоретической психиатрии имя Корсакова стало историческим благодаря тому, что он описал своеобразную форму душевного заболевания, получившую название Корсаковской болезни. *Morbus Korsakovi*. Название это дано было на международном медицинском конгрессе, бывшем в Москве, в 1897 г., по предложению проф. Jolly. Название это привилось и укоренилось настолько, что «корсаков» стало нарицательным именем также и среди зарубежных специалистов. Симптомокомплекс, описанный Корсаковым, характеризуется расстройством памяти текущих событий при относительно сохранившейся памяти прошлого, притом сохранена и «основная группа личности», т.е. больной остается таким, каким был до болезни. Память недавнего расстройства иногда настолько резко, что, напр., больной только что кончивший обед и перешедший в кабинет, не помнит, обедал он или нет. Иногда больной заполняет пробелы памяти вымыслами, конфабуляциями.

В своей последней работе «Постельное содержание при лечении острых форм душевных болезней» Корсаков пишет: *«Что такое системы в деле лечения душевнобольных? Это целая совокупность средств, применяемых к больному, – средств, соединенных одной общей идеей и назначенных всею своею совокупностью влиять на больного, направляя течение болезни в благотворную сторону... Одна из самых старинных и до сих пор самая действительная есть система морального влияния... Как ни различны взгляды отдельных психиатров, но есть нечто общее, что отличает и всегда отличало их от*

лиц, не занимающихся специально душевными болезнями: это именно понимание основных требований больного человека и правильная оценка болезненных проявлений, как таковых». При поиске средств для облегчения больных психиатры «часто заблуждались, но при этом все-таки истинные психиатры не теряли главного, своего психиатрического воззрения и отношения к больным. Оно-то и создавало вокруг больных ту атмосферу, которая лечила их». Особое психиатрическое отношение и объединяет собою всю совокупность средств морального влияния. Особое психиатрическое отношение есть прежде всего понимание существенных сторон состояния душевнобольного: «знание зависимости душевного расстройства от телесных изменений от состояний настроения и преобладающих аффектов, умение обращаться с больным, действовать на его волю, настроение и содержание идей, умение во время предоставления болезни естественному течению, заботясь лишь об устранении, вредно действующих моментов». Здесь К. старается в простых словах раскрыть понятие того, что называется «тактом врача». Такт необходим каждому врачу, тем более психиатру. До известной степени психиатрический такт можно приобрести. «Психиатр, говорил проф. невропатологии Влад. Карл. Рот, привыкший иметь дело с душевнобольными, с их нелепыми суждениями, агрессивными поступками и т.п., вырабатывает в себе способность подавлять непосредственную реакцию чувства, вызываемую теми или другими проявлениями психической жизни других людей и углубляется в анализ причин и условий, их производящих». Это верно, но этого мало, необходимо обладать некоторыми природными свойствами. Требование, которому по мере сил должен удовлетворять психиатр: это – сочетание *любовного отношения* к душевнобольным и к людям вообще *с твердостью воли*, с настойчивостью в проведении своих целей и намерений, своих убеждений. Управлять должны душевноздоровые, а не душевнобольные, как это случается и на исторической сцене, и в глуши замкнутой семейной жизни обывателей.

Сочетание любвеобильного и авторитетного отношения совсем нелегко и встречается не часто. Корсакову было присуще это сочетание. «Сергей Сергеевич, несмотря на всю свою мягкость, – говорит Сербский, – был требователен к другим, когда сталкивал-

ся с душевным неряшеством, но особенно требователен был к самому себе... Если С.С. и не осязал душу, зато обладал тайною постигать ее и видел в ней высшую ценность, какую только может обладать человек... потому-то он всегда и стремился к ней на помощь. Основую его личности, как указывает профессор философии Л. М. Лопатин, было почти до гениальности развитое побуждение к добру. Это свойство, добавляет Лопатин, всегда и везде дало бы ему высокое нравственное положение. В античном мире он был бы доблестным гражданином, в Средние века он был бы подвижником, страдающим за людей и ищущим правды».

«Казалось прямо непостижимым, вспоминал Сербский, откуда этот вечно деятельный человек находил время и для научных занятий и для пополнения самообразования, к которому всегда стремился»... На самом деле, больные – в клинике, в лечебнице Беккер, дома, – консультации, лекции, экспертизы, научные общества – К. был с 1890 г. по 1896 секретарем, а потом товарищем председателя Общества невропатологов и психиатров, с 1894 г. был членом правления и в течение некоторого времени председателем правления Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, а также редактором журнала этого Общества, состоял товарищем председателя Психологического Общества. Ко всему этому научные труды и их печатание...

«Не только для больных всегда была раскрыта живая душа С.С. Тем же проникновением он шел навстречу здоровым, которые, в свою очередь, как и больные, стремились к нему. С 1884 г. работал К. в Комитете Общества для пособия нуждающимся студентам, а с 1896 г. состоял председателем этого Общества и отдавал этому делу очень много времени и душевных сил. Среди этой кипучей деятельности Сергей Сергеевич Корсаков скончался, 46-ти лет, от перерождения кровеносных сосудов сердца. Это было 1-го мая 1900 г.

Мои личные воспоминания о Корсакове очень скудны. Я, можно сказать, только в качестве посыльного имел отношение к нему. Будучи гимназистом последнего класса и студентом 1-го курса, я несколько раз поздно вечером отправлялся с корректурой от моего отца на Пречистенский бульвар к С.С. Мой отец и С.С.

были наиболее активными членами Правления Пироговского Общества. С.С. никогда не пропускал заседаний Правления в отличие от некоторых других профессоров. Один из них постоянно присылал своего кучера с извещением о невозможности приехать. Перед началом заседания обычно председатель объявлял: «кучер проф. Х. уже был». Являлся я к С.С. иногда за полночь и, тем не менее, заставал еще у него последних пациентов. Хорошо помню мягкий, тихий голос С.С., какие-нибудь приветливые слова. Всецело попал я в Корсаковскую атмосферу с самого начала своей психиатрической деятельности сначала через Баженова, потом через Сербского. По смерти Корсакова директором клиники и профессором стал Сербский, штатным ассистентом клиники прив.-доцент С.А. Суханов. После ухода С.А. Суханова место штатного ассистента клиники занял я.

Близ клиники в маленьком домике, принадлежавшем В.А. Морозовой, жила Мария Федоровна Беккер. М.Ф. было тогда за 60 лет. Высокая, красивая женщина с удивительно сохранившимся свежим молодым голосом – она вся жила в прошлом. После смерти К-ва М.Ф. устранилась от ухода за душевнобольными и вела совершенно замкнутую жизнь, допуская к себе, кроме близких родных, только Баженова и Сербского. Заняв место ассистента клиники, и я мог навещать М.Ф. Подавался чай, М.Ф. внимательно выслушивала мои рассказы о клинической жизни, и в поучение читала мне отрывки из писем К-ва. Свято сохранялись его многочисленные письма. – С.С. писал М.Ф. не только во время своих заграничных путешествий, но и находясь с нею под одной кровлей лечебницы, если у него была свободная минута, а М.Ф. была занята. Перед революцией эти крайне интересные письма начали было печататься в «Журнале невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова». Какая судьба постигла теперь эти важные исторические документы – богатую Корсаковскую эпистолярную литературу – я не знаю. Помню, как М.Ф. мягко, но настойчиво внушала мне необходимость избегать резких выражений, как, напр., «помешанный». Слово «сумасшедший» я и сам не употреблял, – настолько Корсаковский эвфемизм уже привился мне, но с «помешанным» дело было труднее. При К-ве неврастеники и вообще невротики назывались нервнобольными.

Я говорил об исключительной кипучей энергии К. Но как бы ни был силен человек, один он не в состоянии осуществить свои цели. И вот на пути К. встретилась Мария Федоровна Беккер. М.Ф. с женским проникновением сразу поняла мощь С.С. и отдала ему и его делу в полное распоряжение и свою лечебницу и свой труд. В творческое дело К-ва влилась струя женственности, полезная и необходимая в уходе за душевнобольными. Так же удачны были и первые ученики – друзья К-ва.: Н.Н. Баженов* и Вл. П. Сербский. Следует помнить, что и личные свойства учеников в известной степени определяют деятельность учителя. Учитель черпает немало силы из общения со своими учениками. Здесь именно взаимодействие.

Владимир Петрович Сербский родился 14-го февраля 1858 г. в г. Богородске, Московской губернии. Отец его был городовым врачом, мать, урожденная Богданова, дочь уважаемого протоиерея. Вл. П. кончил 2-ую московскую гимназию в 1876 г., вместе с Баженовым. В 1880 г. Вл. П. окончил естественный, в 1883 г. медицинский факультет Московского университета. С 1892 г. по 1900 г. Сербский состоял приват-доцентом юридического факультета и читал судебную психиатрию.

Преждевременная кончина Корсакова поставила Вл. П. в исключительно тяжелое положение. Прежде всего он был глубоко потрясен утратой искренне и глубоко любимого друга. Во-вторых, двенадцатилетняя непрерывная совместная работа, которой Вл. П. отдавал всю свою душу, резко оборвалась. Совместную работу Корсакова и Сербского московские психиатры сравнивали с брачным союзом, в котором К. играл роль мужа, а С. – жены. Сравнение тем более уместное, что ассистент клиники ведет все хозяйство и администрацию, а директор – представительство. В-третьих, Вл. П. сознавал свой долг продолжать Корсаковское дело, а для этого ему приходилось занять первое место, а между тем Вл. П. не любил быть заметным, обращать на себя внимание.

Вл. П. был очень скромный человек. Он любил говорить: самое скверное положение – это жениха или юбиляра. Надо было видеть

* О. Баженове см. Н.Е. Осипов. Глава из истории русской психиатрии. Н.Н. Баженов. По-чешски. Часопись чешских лекарей. № 15. 1926 г. – Л.М. Розенштейн. Московская психиатрическая школа и Н.Н. Баженов. «Клиническая медицина». Апрель, 1924 г.

Вл. П. перед лекцией: до какой степени он волновался! Правда, внешне это волнение выразалось только тем, что он не позволял с собою разговаривать. Лекции читал Вл. П. содержательно, вразумительно, интересно – аудитория всегда была переполнена студентами – читал плавно, без заминок, ровным громким голосом, но с опущенными глазами, так что слушателям могло казаться, что он читает по писанному, а не говорит.

Вл. П. обладал колоссальной памятью, особенно поражающей своею точною и безошибочною локализациею во времени и месте, обладал большими и разносторонними знаниями, широким, любящим сердцем, но все это не бросалось в глаза вследствие его, я бы сказал, заторможенности. Конечно, заторможенность проистекала отчасти из личных, прирожденных особенностей, но в значительной степени обуславливалась и внешними обстоятельствами. Не легко было стоять рядом с Корсаковым. Большие люди вызывают у маленьких не только зависть, но и прямо враждебные чувства. Обнаружить эту враждебность прямо нельзя, а косвенно на друзьях большого человека легче. Особенно резко почувствовал Вл. П. недружелюбное отношение, когда осиротел, когда стал скорбною вдовою. Не только за себя было больно Вл. П., но и за память своего умершего друга. Вл. П. еще более замкнулся в себе, еще более затормозил свои проявления. Со стороны, для поверхностного наблюдения Вл. П. мог казаться угрюмым, суровым, даже бессердечным человеком, застывшим в догмах раз сложившегося мировоззрения, недоступным ничему новому. Такое впечатление было глубоко ошибочно. Не застыл, а еще более затормозил себя Вл. П. Эту заторможенность лучше всего можно пояснить сравнением. В древности к одному старцу пришел обыватель с жалобой на жителей города, что они мало молятся. Старец велел жалобщику налить сосуд до краев водой и обойти с этим сосудом все улицы города, при этом отнюдь не расплескивать воды. Жалобщик исполнил приказание старца. Когда он вернулся, старец спросил его, молился ли он в это время. Тот с удивлением ответил, как мог он это делать, весь поглощенный тем, чтобы не расплескать воду. На это старец ответил ему, что вот и жители города имеют столько забот, что и им трудно молиться. Вл. П. считал своим долгом прежде всего

не расплескать драгоценный сосуд с общественным и научным миросозерцанием Корсакова, охранить последнее от нападков легкомысленных и не в меру самоуверенных людей. Верность не только своим убеждениям, но своим чувствам – большая социальная и нравственная ценность. Вл. П. был верным человеком и в своей дружбе и в своей любви. Верным был и самому себе. Конечно, нельзя сплеча осуждать тех людей, у которых убеждение и дело не сходятся, но насколько сильнее привлекают к себе люди цельные, остающиеся всегда верными себе. Таким цельным, хотя и заторможенным человеком был Владимир Петрович Сербский.

Отстояв корсаковскую позицию и продолжая работу с новою коллегией врачей, Вл. П. становился постепенно свободнее. И тогда легко можно было убедиться в его большей сердечной доброте, отзывчивости на нужды врачей, надзирателей и вообще всего клинического персонала. ... Терпение его с больными, понимание их настроения и умение каждому сказать простое, но звучащее сочувствием слово были поистине изумительны. В общении с врачами Вл. П. был очень прост, дружелюбен и всегда откликнулся на все нужды своих сотрудников.

В научном отношении, укрепивши корсаковскую позицию, Сербский охотно шел навстречу всяким новым движениям, беря из них, конечно, только то, что не противоречило его принципам и громадному опыту. Стойко выдержал Сербский чрезмерное увлечение диагностикой Краepelin'a. Во время навала на психиатрию вульгаризованной экспериментальной психологии С. сразу понял ее чрезвычайную поверхностность, но он не отвергал методов экспериментальной психологии при их серьезном применении. Внимательно относился и к воззрениям Freud'a, хотя и остерегался возможной односторонности Freud'овских учений.

Вл. П. Сербский был истинным представителем академизма в хорошем смысле слова. В 1906 г. Студенческой Издательской Комиссией было напечатано «Руководство к изучению душевных болезней». проф. Вл. Сербского, скоро вышедшее вторым изданием. Пропитанное корсаковским духом это руководство является вполне самостоятельным и написано на основании собственного психиатрического опыта.

Когда у врачей клиники возникло желание открыть специальный прием для невротиков, Вл. П. тотчас же пошел навстречу этому желанию. Непримиримым до конца дней своих оставался Вл. П. в прениях Психологического Общества при защите позитивизма. Резкое отстаивание им позитивистических взглядов возбуждало неудовольствие некоторых членов Общества. Мне думается, что позитивизм Сербского, как и у Корсакова, был более методологический, резкость же выступлений обуславливалась боязнью утратить при философских рассуждениях то ценное, что было достигнуто позитивистами. Сербский, после смерти Косакова, состоял товарищем председателя как Психологического Общества, так и Общества невропатологов и психиатров.

В клинике витал дух Корсакова, что находило себе символическое выражение в том, что в кабинете директора все оставалось так, как было при последнем пребывании там С.С. Корсакова. Вл. П. никогда не пользовался этим кабинетом и, думаю, никогда не входил в него. Вместе с тем в клинике ключом была живая жизнь. ...

С появлением новой коллегии возобновились научные конференции врачей клиники, бывшие еще при К-ве: «малые пятницы». Такое название эти собрания получили потому, что происходили в пятницы, свободные от заседаний Общества невропатологов и психиатров, за которыми установилось название «больших пятниц». Приблизительно с 1908 г. «малые пятницы» несколько видоизменились. На их собраниях стали затрагиваться вопросы пограничных с психиатрией областей: биологии, психологии, социологии, истории. В таком виде клинические конференции врачей приобрели более широкий и самостоятельный характер, и круг посетителей-гостей значительно расширился. Гостями и участниками являлись не только врачи-психиатры, но и не врачи: историки, педагоги, богословы и др. эти заседания стали настолько оживленными и многочисленными, что понятие «малых пятниц» являлось анахронизмом. На «малых пятницах» не только бывал, но и выступал с докладами Н.Н. Баженов. На всех собраниях неизменно председательствовал Вл. П. Сербский. Тогда же завязались близкие отношения с нарождавшейся психиатрической кли-

никой Высших Женских Курсов, где профессором психиатрии был Н.Н. Баженов.

Казалось бы, что наступил момент, когда Вл.П. Сербский с полным удовлетворением мог взглянуть на свою деятельность и свое положение. Пользуясь прежним сравнением, можно было сказать, что скорбная вдова, не забывая своего горя, взяла в свои руки все управление и представительство, и умно, умело и твердо продолжала дело покойного мужа...

Вл. П. был заторможенный человек, но эта заторможенность пропадала и он являлся решительным и даже грозным, если затрагивались принципы. Когда министр народного просвещения Кассо нарушил все принципы академической свободы, Сербский явился одним из самых энергичных и непримиримых инициаторов коллективного выхода профессоров в отставку. Весною 1911 г., не помню точно дня, Вл. П., встретив меня в коридоре клиники, сказал: «Ну вот-! Передаю вам клинику. Я больше не приду». – «Как же клиника будет без вас и вы без клиники». – «Бывают моменты, когда интересы общественного блага стоят выше интересов науки. До свиданья».

И больше Вл. П. никогда уже не был в клинике...

Нетрудно себе представить, что стоила Вл. П. разлука с его любимым детищем. Не было клиники, не было академических интересов. 4–11 сентября 1911 г. в Москве. Происходил «Первый съезд Русского Союза Психиатров и Невропатологов, созванный в память Сергея Сергеевича Корсакова». В воскресенье 4-го сентября в большой аудитории Политехнического музея происходило первое торжественное публичное заседание. Общее собрание открылось вступительным словом бывшего профессора Московского университета Влад. Кал. Рота, встреченного долго шумными аплодисментами. После этого бывший профессор Московского университета Вл. П. Сербский, встреченный также долго не смолкавшими аплодисментами, произнес речь на тему: «Русский союз психиатров и невропатологов и С.С. Корсаков». Кончая свою речь, Вл. П. сказал: «Своевременно ли мы собираемся "в ночи, которую мы доживаем боязливо, когда свободно рыскал зверь, а человек бродил пугливо", когда принцип нестеснения царит только в психиатрических больницах, – а в жизни, "на воле" ... мыс-

лью всецело властвует неугодный Богу гнет? Знания, особенно согреты любовью, освещая путь жизни, способствуют бодрому оптимизму»*.

Корсаков и Сербский – яркие представители русской интеллигенции конца прошлого столетия. Характерно для них своеобразное сочетание западничества с сознанием величия русского духа, характерно исповедание общественных идеалов и служение им в сфере своей специальности. Конечно, это были особо выдающиеся представители хорошей части интеллигенции. Теперь, когда так принято ругать русскую интеллигенцию, ее поносят и сверху и снизу и сами русские и многие иностранцы, нелишне воскресить в своей памяти облики таких русских интеллигентов-героев, питомцев Московского университета, как Корсаков и Сербский. Университетскую психиатрическую клинику Корсаков и Сербский поставили на большую высоту, сделав в ее одной из самых блестящих во время бывшего блеска медицинского факультета Московского университета.

Справка

ОСИПОВ Николай Евграфович (1877, Москва – 1934, Прага) – питомец медицинского факультета Московского университета, психиатр, психотерапевт, профессор медицинской философии, издатель «Психотерапевтической библиотеки», один из основателей журнала «Психотерапия» (1910–1914).

* Речь В.П. Сербского стала одной из причин закрытия властями I съезда Русского союза психиатров и невропатологов, созванного в память С.С. Корсакова; фраза, построенная им на созвучии фамилии Кассо с французскими словами *des cas sots* («глупые случаи»), стала крылатой.

Н.В. Фролова

Федор Плевако и Савва Мамонтов

Имя Федора Никифоровича Плевако – известного русского адвоката, справедливо называемого «московским Златоустом», – неразрывно связано не только с историей русского судопроизводства XIX века, но и с историей Московского университета. Эта связь далеко не случайна, как не случайна связь каждого студента XIX века со своей «альма матер». В XIX веке каждый интеллигентный человек ощущал свою ответственность за Отечество, и это не пустые слова. Такие понятия, как дружба, патриотизм, гражданский долг, были очень весомы для Федора Плевако и его современников.

Выбор профессии для Федора был predetermined семейными обстоятельствами. Отец – надворный советник Василий Иванович Плевако и мать – крепостная Екатерина Степанова не состояли в официальном церковном браке. Двое их детей Федор и Дормидонт считались незаконнорожденными. Свое отчество Федор получил от крепостного Никифора, который стал его крестным отцом¹.

Осенью 1851 года детей отдали в Коммерческое училище на Остоженке. Учились они хорошо. Особенно Федор прославился математическими способностями. К концу первого года учёбы имена братьев были занесены на «золотую доску» училища. А ещё через полгода Федора и Дормидонта исключили как незаконнорожденных. Только в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году, благодаря долгим отцовским хлопотам, Федор и его брат были приняты в 1-ю Московскую гимназию на Пречистенке – сразу в третий класс.

После окончания гимназии в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году Федор Плевако поступил на юридический факультет Московского университета и окончил его в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году. Именно тогда в системе правосудия России произошли большие изменения. 20 ноября тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года вышли в свет Судебные Уставы Александра II². «Судебные Уставы 20 ноября от 1864 года, с изло-

* См. Смолярчук. Адвокат Плевако. Челябинск. 1989.

** См. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866.

жением рассуждений, на коих они основаны» – это публикация четырех знаменитых кодексов, принятых в ходе великой отечественной судебной реформы тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, которые именовались Уставами. Александр II в своем знаменитом Указе Правительствующему Сенату 20 ноября тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, так охарактеризовал их суть: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд *скорый, правый, милостивый, равный* для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть *постоянным руководителем всех и каждого от высшего до низшего*»*.

Уставы ввели принцип независимости и несменяемости судей, установили подсудность всего населения без каких-либо изъятий, отделили предварительное следствие от полицейского сыска и прокуратуры, полностью уравнили в правах стороны обвинения и защиты. Был создан суд присяжных и отделенная от государства, а следовательно, независимая адвокатура. Таким образом, Россия получила самую демократическую и прогрессивную на тот момент форму организации судебной власти.

Судебные речи адвокатов обрели огромную популярность. Ведь со времени закрытия Псковского веча судебные процессы были закрыты и безгласны. Появилась целая плеяда блистательных адвокатов, таких, как В. Д. Спасович**, А. И. Урусов, Н. П. Карабчевский***. В 1870 году, имея пятилетний стаж службы, необходимый для поступления в адвокатуру, Ф.Н. Плевако был принят в сословие присяжных поверенных в Москве. С этого момента его карьера начала развиваться с необычайной быстротой. Вскоре он

* См. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. // Вводная статья. Стр. II. – СПб., 1866.

** Спасович В. Д. (1829–1906) – русский юрист, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета (с 1857), затем Училища правоведения. После судебной реформы 1864 – один из первых русских присяжных поверенных, участник многих известных процессов, включая нечаевский; автор многочисленных трудов в области уголовного права.

*** Карабчевский Н. П. (1851–1925) – российский судебный оратор, писатель, поэт, общественный деятель.

стал известен как один из лучших адвокатов Москвы, который не только помогал бедным в суде бесплатно, но порой и оплачивал непредвиденные расходы своих нищих клиентов.

Наиболее часто употребляемые Плевако слова – милосердие и справедливость. В его речах звучат преданность идеям свободы и права гражданина-демократа, гордость и боль истинного патриота России, любовь и сострадание христианина и гуманиста.

Талант Плевако был очевиден для всех его коллег, хотя очень часто в его адрес раздавались и критические замечания. Плевако обвиняли, прежде всего, в том, что он пытался эмоционально воздействовать на суд присяжных. По мнению критиков, такой взгляд на правосудие подрывал законность в государстве. Однако вот что писал один из создателей Судебных Уставов С. А. Зарудный†: «Правосудие в широком смысле требует не только твердости и непреклонности в решениях, но и глубокого знания всех мелочей обыденной жизни и снисходительности к неизбежным слабостям человека»**.

Назвать человека виновным – значит нравственно заклеить его личность. Ведь иногда противоправный поступок совершается не во зло, а под гнетом внешних обстоятельств, противостоять которым человек не в силах. В подобных случаях суду присяжных дано право милости. Законодательство не должно допускать разрыва между законом и нравственностью. Правом милости, правом учитывать при решении вопроса о вине специфические обстоятельства конкретного дела и сообразовывать эти обстоятельства не только с законом, но и с нравственностью и обладал суд присяжных. Необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Вопросы о доказанности факта преступления и о вине подсудимого ставят-

* Зарудный С.А. (1821–1887) – русский учёный-юрист, специалист по гражданскому праву и процессу, государственный деятель и писатель. В 1858 году Зарудный был направлен в заграничную командировку для ознакомления с местным судебным строем и написал 13 специальных статей по вопросам судебного процесса, частично напечатанных в журналах (см. т. IX «Дела о преобразовании судебной части в России»), и монографии «Охранительные законы частного гражданского права» и «Законы об отделении исполнительной власти от судебной (т. XV «Дела..»).

** Зарудный С.А. Охранительные законы частного гражданского права. СПб. 1868. С. 47

ся перед присяжными и решаются ими отдельно Присяжные могли признать, что факт преступления доказан, но вину подсудимого не признать Тому есть многие примеры. Все вышесказанное не отменяет главного принципа – нравственного, а также того факта, что профессия адвоката требует определенной жизненной позиции: адвокат не может отказать в защите никому, но его долг – рассмотреть дело с позиций справедливости и нравственности. Дело Саввы Мамонтова – одно из самых громких дел, принесших Плевако заслуженный успех.

Интересны и предыстория этого дела, и личность подзащитного. Савва Иванович Мамонтов был представителем одного из самых влиятельных купеческих родов. Потомственный предприниматель, он родился в тысяча восемьсот сорок первом году в Ялуторовске, лежащем на великом Сибирском тракте – месте поселения декабристов. Отец Саввы И. Ф. Мамонтов принадлежал к тем просвещенным сибирским купцам, которые помогали «политическим преступникам». Впоследствии в доме самого Саввы Ивановича, по свидетельству его сына, всегда поддерживался «особый культ» декабристов. С тысяча восемьсот пятидесятого года семья Мамонтовых обосновалась в Москве. Савва с детства знал французский и немецкий языки, много занимался дома, учился на юридическом факультете Московского университета. У И. Ф. Мамонтова было восемь детей, Савва был третьим* сыном в этой большой семье и после смерти отца в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году унаследовал все его дела.

С именем Саввы Ивановича Мамонтова связано строительство железной дороги от Ярославля до Архангельска, Донецкой каменноугольной железной дороги, железнодорожного кольца вокруг Москвы. Во владении Мамонтова находились лесопильные, сталелитейные и машиностроительные заводы, где производились первые русские паровозы. Талантливый предприниматель, он со временем стал увлекаться искусством. Меценатство было в чести и в обычае у русских купцов и промышленников, однако Мамонтов был не столько меценатом, сколько сотворцом русского ис-

* Старший сын И. Ф. Мамонтова умер, прожив несколько дней от роду, т.о. родившись четвертым, Савва стал третьим. См.: Копшицер М. И. Савва Мамонтов. Серия: Жизнь в искусстве. Искусство, 1972.

кусства конца XIX – начала XX века. Им был создан знаменитый Абрамцевский кружок, который подарил и России и всему миру великих художников: В. А. Серова, К. А. Коровина, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, В. Д. Поленова. Он создал первую русскую частную оперу, в недрах которой были выпестованы Ф. И. Шаляпин, В. П. Шкафер, Н. И. Забелла-Врубель, Т. С. Любатович. Мамонтов финансировал не только оперные постановки, но и поездки певцов в Италию, сейчас мы бы сказали, на стажировки.

Его жена, урожденная Е. Н. Сапожникова, вместе с сестрой художника Поленова создала в Абрамцеве – имении, купленном Мамонтовым у семьи Аксаковых, – музей прикладного народного искусства и ремесел. Павильон, построенный Мамонтовым на свои средства на Всемирной Парижской выставке, стал событием культурной жизни Европы.

Сам Мамонтов был на редкость талантливым человеком. Он прекрасно лепил, был превосходным керамистом, имел значительный драматический талант, о чем есть документальные свидетельства его родственника К. С. Станиславского. К нему тепло относились и художники и артисты. Члены Абрамцевского кружка дали Мамонтову прозвище «Савва Великолепный»*. Прозвище это прижилось и сохранилось за Мамонтовым до самой его смерти. Многие Мамонтова любили и уважали, но, как водится, были у него и недоброжелатели и завистники.

11 сентября тысяча восемьсот девяносто девятого года Савва Иванович Мамонтов в своем доме на Садовой был арестован, обвинен в махинациях с капиталами железнодорожной концессии и помещен в Таганскую тюрьму, куда его с позором вели пешком через весь город под конвоем. Деятельный, жизнелюбивый и далеко не молодой человек провел несколько месяцев в одиночном заключении. На все имущество Мамонтова наложился арест. Его бумаги были изъяты и скрупулезно изучены. Но никаких убедительных данных, подтверждающих махинации, так и не нашли. Тем не менее, жизнь Мамонтова была сломана в одночасье.

Существовало мнение, что дело Мамонтова было инспирировано для того, чтобы скомпрометировать министра финансов

* По аналогии с Лоренцо Медичи, который покровительствовал Леонардо да Винчи и получил у современников прозвище «Лоренцо Великолепный». (Н. Ф.)

С. Ю. Витте*, поддерживавшего прогрессивных русских предпринимателей. При обысках усиленно искали факты, которые могли компрометировать С. Ю. Витте, однако их не было. Правда, удалось обнаружить несколько писем помощника Витте Максимова, в одном из которых он выражал благодарность Мамонтову за присланную семгу. Эта «рыба» стала темой особого разбирательства. Есть утверждения современников, что глава юридического ведомства Н. В. Муравьев** действительно интересовался, в первую очередь, сведениями, которые можно было использовать против министра финансов Витте.

Многие прежде толпившиеся в гостиных Мамонтова, почитатели его талантов покинули Мамонтова, как только он оказался в беде. Особенно тяжело он пережил предательство Ф. И. Шаляпина и К. А. Коровина, которых считал близкими людьми. Однако были и друзья, которые старались облегчить участь Мамонтова. В феврале 1900 года во время работы над портретом царя В. А. Серов, по его словам, решился попросить у государя за Мамонтова. На что император ответил, что распоряжение им уже сделано. Но в следственном деле нет никаких следов царского вмешательства в судьбу Мамонтова.

Рабочие и служащие Северной дороги, среди которых Савва Иванович пользовался авторитетом и уважением, собирали деньги для его «выкупа». С первого дня ареста хлопотала за мужа и Елизавета Григорьевна. И все-таки именно художники В. А. Серов и И. С. Остроухов пришли к Ф. Плевако с просьбой защитить Мамонтова в суде. Плевако согласился, во-первых, их соображений корпоративной солидарности, ибо Мамонтов также учился на юридическом факультете Московского Университета, во-вторых, потому что не верил в виновность Мамонтова. На имущество Мамонтова был наложен арест, Плевако защищал Мамонтова бесплатно.

* Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).

** Николай Валерианович Муравьев (1850–1908) – государственный деятель; министр юстиции и Генерал-прокурор Российской империи. По свидетельству современников был консерватором и ярким противником реформистских идей.

В тысяча девятисотом году в Московском окружном суде в здании Судебных установлений в Кремле началось судебное разбирательство по делу Мамонтова. Обвинителем выступал прокурор Курлов, защитником – Плевако.

Отстаивая невиновность подсудимого, Плевако не оставил без внимания ни один довод процессуального характера, каждое доказательство обвинения подвергает тщательному анализу. В деле Мамонтова, как в деле об экономических преступлениях, участвовали на стороне обвинения специалисты и эксперты в области банковского дела, финансового права. Плевако показал в деле Мамонтова свои глубокие познания: обосновывая право предпринимателя на коммерческий риск, он доказывал, что неудавшееся предприятие, не оправдавшийся расчет не могут составить уголовно-правовой вины.

Процесс длился несколько дней. Присяжные вынесли вердикт: «Невиновен». Зал дрогнул от рукоплесканий. Толпа бросилась со слезами обнимать своего любимца.

Хотя коллегия присяжных не нашла в действиях Саввы Ивановича состава преступления и оправдала его, дело не было закончено. Мамонтов был разорен, а главное, сломлен лавиной предательства со стороны самых, казалось бы, близких людей.

Он умер в тысяча девятьсот восемнадцатом году и похоронен на кладбище в Абрамцеве, где уже успели найти последний приют многие из его близких. Похороны были скромные.

Судьба свела двух выпускников Московского Университета в недобрую минуту. Но эта встреча позволила высветить определенные закономерности в формировании личности всех, кто был причастен к Московскому Университету. Во-первых, это корпоративная этика. Все выпускники Московского Университета поддерживали, по возможности, уважительные и доверительные отношения. Во-вторых, они всегда занимали активную гражданскую позицию. В третьих, так или иначе, это были люди государственного мышления. Отразились эти закономерности и в биографии Ф. Н. Плевако. Но лучше всего его жизненное кредо отразилось в речи, посвященной годовщине издания новых Судебных Уставов, которые Ф. Н. Плевако считал чрезвычайно важным шагом вперед не только в судебной практике, но и во всей государственной жизни России:

<...> Сила Уставов – в единстве целей и стремлении всех деятелей нового суда, в отсутствии непримиримых интересов.

Уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, не для довольства и роскоши адвокатов; они – для водворения правды на Руси.

А эта цель – неотложная, неотменимая.

<...> Солнце правды, раз оно взошло на наше русское небо, совершит весь свой установленный ход.

Еще так недавно взошло оно; еще лучи его розовым светом ласкают нас. О закате не может быть и речи; а пока заката нет, не может быть иного мрака, кроме минутного, преходящего затмения.

Но мы сами можем отворачиваться от света <...>, можем устранять тепло своим холодом.

В чем же наш долг?

В единстве цели! Правды искать, а не победы и гегемонии одной части над другой...

Есть люди, которым невыносимы не ошибки, не уклонения, которые жаждут не роста правосудия: есть люди, которым невыносимо самое существование Уставов, – суд, творящий дело по закону и совести, а не по усмотрению и посторонним соображениям.

Бояться ли их ворчливых жалоб?

Я не боюсь.

На уставах Императора Александра II в том издании, первый экземпляр которого был вручен нашему старейшему судье при открытии памятника в здании Московских Судебных Установлений, я написал себе слова одной духовной песни, слышанной мною при таких обстоятельствах.

Был вечер 20 ноября. Я стоял в церкви, слушая вечернюю службу праздника Введения во храм. Уже ходили слухи, что Уставы готовы; уже все мы – тогда молодые и верующие в расцвет русской жизни – ждали.

В церковь входит мой товарищ и говорит: «Радуйся, Уставы нового суда, говорят, утверждены!»

А в церкви в это время хор певцов, молодых и старых, пел: «К одушевленному Божию животу да не коснется рука скверных»

Ниже приведены речь и прения Плевако по делу Морозова*.

* Текст приведен в полном соответствии с правописанием оригинала. (– Н.Ф.).

Дело Саввы Ивановича Мамонтова и других, обвиняемых в злоупотреблениях в обществе Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги

Дело это рассмотрено в заседаниях Московского окружного суда с участием присяжных заседателей 23–31 июля 1900 г. под председательством Н. В. Давыдова.

Суду преданы следующие лица: коммерции советник Савва Иванович Мамонтов, потомственный почетный гражданин Николай Иванович Мамонтов, поручик запаса гвардейской кавалерии Сергей Саввич Мамонтов, потомственный почетный гражданин Всеволод Саввич Мамонтов, дворянин Константин Дмитриевич Арцыбушев и потомственный почетный гражданин Михаил Федорович Кривошеин.

Обвиняли: товарищ прокурора палаты П. И. Курлов и товарищ прокурора суда В. В. Цубербиллер.

Представителями интересов гражданских истцов выступили: от Управления казенных железных дорог – присяжный поверенный М. П. Домерщиков и П. Е. Рейнбот и от В. В. Третьякова – В. В. Быховский.

Защитали: К. Д. Арцыбушева – Н. П. Карабчевский, М. Ф. Кривошеина – Н. П. Шубинский, С. С. и В. С. Мамонтовых – М. М. Багриновский, Н. И. Мамонтова – В. А. Маклаков и С. И. Мамонтова – Ф. Н. Плевако.

Центральной фигурой этого дела является С. И. Мамонтов.

С. И. Мамонтов, бессменно в течение 20-ти лет избираемый председателем Правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, состоял одновременно и главным пайщиком товарищества Невского механического завода, штат служащих в котором был заполнен его ставленниками.

Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги заказывало паровозы и другие части подвижного состава поездов на Невском заводе. Таким образом, оба предприятия, и железнодорожное, и завод, находились в непосредственном заведовании С. И. Мамонтова.

В 1899 году, ввиду дошедших до министерства финансов слухов о крайне стесненном денежном положении Мамонтовых, министром было поручено чиновнику особых поручений Хитрово произвести ревизию в правлении акционерного общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги.

В это время, т. е. в 1899 году, общество получило право постройки рельсового пути от Вятки до С.-Петербурга и было накануне преобразования в грандиозное предприятие Северных железных дорог.

Ревизия Хитрово обнаружила крупные недочеты и злоупотребления. 30 июля 1899 г. старое правление вышло в отставку, а 31 июля во главе общества стало новое правление в составе председателя Хитрово и членов – присяжного поверенного Шайкевича и Грачева.

Новое правление, состоящее из упомянутых лиц, ознакомившись с делом производством, нашло, что прежнее правление, во главе с С. И. Мамонтовым, перевело из кассы железной дороги в кассу завода около 9.000.000 руб. под видом аванса под заказы, которые или были уже оплачены, или же не были даже предназначены к выполнению.

Получаемые авансы, составившие в итоге 9.000.000 руб., завод, в свою очередь, переводил Мамонтовым, которым постановлением правления общества был

открыт кредит под паи завода по их номинальной стоимости, превышавшей действительную на 70 %.

Кроме того, новое правление обнаружило целую систему другого рода авансов – получение крупных сумм членами правления «под отчет», якобы «на нужды предприятия». Этими авансами прежнее правление пользовалось в таких громадных размерах, что размер растраченных С. И. Мамонтовым авансов этой категории достиг 750.000 руб., а Кривошеиным – 150.000 руб.

Кроме того, С. И. Мамонтов обвинялся в растрате ренты на 400.000 руб., отданной ему В. В. Третьяковым по договору для взноса залогов по контрактам с казной.

Предварительное следствие подтвердило фактические данные этих злоупотреблений, в результате чего московскому окружному суду с участием присяжных заседателей преданы были:

1) Савва, Николай и Всеволод Мамонтовы и Арцыбушев по обвинению в том, что, состоя: С. Мамонтов – председателем правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, Н. Мамонтов и Арцыбушев – директорами того же правления, а В. Мамонтов – с 1896 года исправляя должность директора сего правления; сознательно нарушая доверие означенного общества, в течение нескольких лет, до первой половины 1899 г. включительно, из принадлежавших обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги сумм передали товариществу Невского завода под видом выданных вперед под заказы, сделанные заводу железной дорогой, в действительности полностью уже оплаченные, несколько миллионов рублей, причем 20 июля 1898 г. часть образовавшегося таким образом долга товариществу Невского завода обществу железной дороги в размере свыше 6 000 000 руб. перевели на С. и Н. Мамонтовых, для чего открыли им у общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги многомиллионный кредит, в обеспечение которого приняли от них по нарицательной стоимости на 6 000 000 руб. не имевшие этой ценности паи товариществу Невского завода и всем тем причинили обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги убыток свыше трехсот рублей*.

2) Сергей Мамонтов обвинялся в том, что: исправляя с 1895 года должность директора правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, вместе с другими лицами сознательно нарушая доверие означенного общества в течение нескольких лет, до первой половины 1899 года включительно, из принадлежавших обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги капиталов, передал товариществу Невского завода под видом выданных вперед под заказы, данные заводу железной дорогой, в действительности полностью уже оплаченные, несколько миллионов рублей, чем и причинил обществу Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги убыток на сумму свыше трехсот рублей.

3) Савва Мамонтов – в том, что: состоя председателем правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, в нарушение доверия акционеров этого общества, пользуясь своим служебным в нем положением, в 1898 и 1899 годах под предлогом производства расходов на нужды названного общества, получил из кассы правления общества 763 000 руб. и из кассы состоявшего при правлении коммерческого отдела 40 000 руб., и деньги эти в сумме свыше трехсот рублей самовольно израсходовал на свои личные надобности.

* Растрата свыше 300 рублей считалась крупной и наказание в таком случае сопровождалось конфискацией имущества. (- Н.Ф.).

4) Кривошеин – в том, что: занимая при правлении общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги должность начальника коммерческого отдела в 1897 и 1898 годах, имея в своем распоряжении для расходов на нужды означенного общества его деньги в размере 370 000 руб., часть их на сумму свыше трехсот рублей по назначению не употребил, а самовольно обратил в свою пользу и израсходовал на свои личные надобности.

5) Савва, Н. и В. Мамонтовы и Арцыбушев – в том, что: состоя первый – председателем, а последние – директорами правления общества Московско-Ярославской железной дороги, сознательно нарушая доверие акционеров этого общества, из капиталов его, без всякой в интересах общества надобности, под предлогом производства расходов на его нужды, в течение нескольких лет по 25 июля 1897 г. выдавали значительные суммы не находившемуся на службе общества коллежскому регистратору Игнатьеву, чем причинили обществу убыток в размере свыше трехсот рублей.

6) Арцыбушев, Н., Сергей и В. Мамонтовы – в том, что: первые двое, состоя директорами правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, а последние, исправляя эту должность, в нарушение доверия акционеров названного общества, умышленно, под предлогом производства расходов на нужды общества, из средств его в 1898 и 1899 годах выдали денежные суммы председателю правления С. Мамонтову и тем, ввиду невозвращения С. Мамонтовым этих денег, причинили обществу убыток на сумму свыше трехсот рублей.

7) Савва, Н., В. Мамонтовы и Арцыбушев – в том, что: состоя на должностях, первый – председателя, а последние – директоров правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, в нарушение доверия акционеров, не установив должного порядка отчетности в состоявшем при правлении коммерческом отделе, без всякой в интересах общества надобности, из средств его, в 1897 и 1898 годах, выдали начальнику означенного отдела Кривошеину для расходов на нужды общества денежные суммы и тем, ввиду невозвращения их Кривошеиным, причинили обществу убыток на сумму свыше трехсот рублей.

8) Арцыбушев – в том, что: состоя директором правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, в силу предоставленной ему доверием общества власти, в нарушение этого доверия, воспользовался уплатой за его счет подведомственным ему коммерческим отделом 350.000 руб. и денег этих по принадлежности не возвратил, чем причинил обществу убыток на сумму свыше трехсот рублей.

9) Савва Мамонтов – в том, что: получив от дворянина Владимира Владимировича Третьякова, по заключенному с ним 21 декабря 1896 г. нотариальному договору, срок действия которого был по нотариальному же договору продолжен по 23 декабря 1899 г., принадлежавшие Третьякову 80 свидетельств государственной четырехпроцентной ренты, на 5000 руб. каждое, за № 251– 02 серии 183 и за № 1323– 1350 серии 182, всего на сумму 400.000 руб. с правом пользоваться этими ценностями исключительно для взноса их в правительственные учреждения залогом по контрактам с казной, в том же 1896 году самовольно обратил эти процентные бумаги в свою собственность и израсходовал на свои личные надобности.

Все эти преступления предусмотрены в отношении С. И., В. С. и С. С. Мамонтовых и Арцыбушева – ст. 1198 Уложения о наказаниях, кроме того, в отношении С. И. Мамонтова – ст. 1199, 1681 Уложения о наказаниях, а в отношении Кривошеина – ст. 1681 Уложения о наказаниях.

На все вопросы о фактах совершения преступлений присяжные заседатели вынесли утвердительный ответ. По вопросам о виновности – ответили отрицательно. Таким образом, все подсудимые были оправданы.

Речь Ф. Н. Плевако в защиту С. И. Мамонтова*

<...> Изучим эту трагическую историю, постараемся уразуметь начало и конец ее.

<...> Прежде, чем войти в дело, Савва Иванович, тогда еще полный юношеских сил, получает огненное крещение в деле железнодорожного хозяйства на юге России.

Надо было построить Донецкую дорогу. Русская финансовая власть устала от того способа созидания рельсовых путей, который практиковался дотоле. Свидетель Лосев заронил своим показанием, дышащим знанием, точностью и умелым обобщением фактов, в нашу память дорогие сведения об этом моменте деятельности Саввы Ивановича.

До той поры царил концессионный тип хозяйства, постройка с наибольшими воспомощениями из средств казны, при стремлении выполнить работу с наименьшим расходом, удовлетворить минимальные требования подряда. Это – то хозяйство, которое создало русских крезов – Мекков, Дервизов, Поляковых, – хозяйство, давшее возможность не только заправилам, но и их споспешникам возможность коротать свои дни в роскошных палатках на набережной Невы, на Ривьере или близ ласкающих волн Средиземного моря.

Савва Иванович выполнил работу иным путем: руководимый уроками Чижова и заработав законную долю прибыли, похоронил удачным примером старое, нерусское хозяйство, заслужил восторженное одобрение от имущих власть и заботящихся об интересах страны; в своем первом самостоятельном деле он исполнил работу, одушевляясь не только величиной прибыли, но еще более того – значением данной ему работы, ее будущей судьбой.

<...> Отчетливость работы он предпочитал лишней выгоде. Заручившись этим успехом, Савва Иванович принимает бразды правления на Ярославской дороге. Я сказал уже, что это был еще небольшой путь. И хозяйство велось на нем скромно, несмело. Считались только с наличным движением и бюджет составляли помножением копеечной выгоды от пассажирского билета на число богомольцев, выходящих за Крестовскую заставу. Мамонтов внес новый прием. Дорога должна оживить край, ширь ее будущих работ – в прямой зависимости от разветвлений, которыми она прорежет забытый север и привьет его к полносильному центру, к богатому югу, к столицам и к путям, связующим Русь с мировыми рынками. <...>

И никто в это время не мешал Савве Ивановичу. Он стоял во главе дела, стоял бесшумно, единогласно избираемый не кучкой подставных акционеров, артельщиков с чужими акциями, а получавший свое место и свою власть волевой крупнейших акционеров (мелких-то там и не было) – акционеров, ворающихся миллионами, совершеннолетних, не нуждающихся для накопления своих богатств ни в чьей опеке, не исключая опеки прокурорского надзора. Эти люди верили ему, верили в его планы, верили в его звезду, видели в наличных фактах результаты своей веры: 150-рублевые акции в его руках росли в 200, 250 и 400-рублевые, ибо приносили удивительные, из года в год возрастающие дивиденды, прямо обусловленные ростом движения, ростом деятельности, не обслуживаемой, а вызванной к жизни стальными путями и призывным свистком паровоза.

И делается это дело, и достигаются эти успехи той особенностью природы Саввы Ивановича, которая позднее обусловила его несчастье.

* Дается в сокращении. Н.Ф.

Вы знаете, что он воспитан в школе широкой предпринимательской деятельности, но деятельности, прежде всего одухотворенной идеей общественной пользы, успеха и славы русского дела. Рядом с этим он человек общих идей, принципиальных вопросов, но не их детального выполнения.

Люди этого типа думают, что и окружающие одухотворены тем же духом и верят в тех, кто словом или делом разделяет их взгляды. Прибавьте к этому несомненную художественность натуры Саввы Ивановича: над холодными рассудком, над расчленяющим и сочетающим понятия разумом у него берет верх воображение, мечта и греза. Будущее у нас, обыкновенных людей, представляется в неясных образах, скорее в виде возможностей того или другого результата нашей преднамеренной деятельности, в виде удач или неудач задуманного. У него не так: задуманное силой воображения воплощается в ясный, неотличимый от действительности образ, мечта реализуется в осуществленное, победоносное, подавляющее жалкую действительность бытие. Ему странны, ему жалки те, кто так слепы, что не видят того, что стоит перед их очами. Сам он стоял бы в противоречии с самим собой, если бы отвернулся от этих образов в сторону трусливой наличности.

И вот человеку с этими задатками в себе, с успехом в законченном деле на Дону, с непрерывающим успехом в развитии Ярославской дороги, представился случай стать лицом к лицу с новым: независимым предприятием – с Невским заводом.

Начало этого дела вы знаете. Закончив Донское дело с прибылями в несколько сот тысяч рублей, он, по совету сотрудника своего Титова, приобретает гибнущее дело Невского механического завода. На заводе этом изготовлялись паровозы и предметы оборудования движения на дорогах. Там же могли быть выполнены и работы по заказам министерства морского. К заводу в моменты падения протягивались уже руки охотников покупать за бесценок гибнущие дела. Мамонтов увлекся мыслью оставить это дело в русских руках, вверил делу все свои средства и, веря делу, привлек туда капиталы самых близких его сердцу людей: родни и друзей своих.

Мы понимаем его веру и его замыслы. Паровозное дело в России – дело относительно новое. Тут мы – в зависимости от иностранного исполнителя заказа. Свидетели здесь вам говорили, что с иностранными заказами бывает то, что полтора года ждешь паровоза и в ожидании тормозишь движение. А ведь дорога без орудий движения – что тело Адама до одушевления его членов разумной душой. Как же не побороться за попытку создать тут же, в родной стране, бок о бок со своим детищем – Ярославской дорогой – свое дело и снять иго зависимости? Как допустить сюда хозяйничать неведомые, может быть, инородные силы, которые тут заведут колонию труда, ничего общего с нашими интересами не имеющую?

А в заводе есть еще одна отрасль, послужить которой значит послужить уже не местному или частному интересу – торговому делу, а послужить интересу государственному: завод может исполнять заказы, обусловленные надобностью русского военного флота. Неужели же и это отдать в неведомые руки? <...>

Он отдался новому делу. Он вручил его людям, в которых он верил и которым он должен был верить, когда они вводили свои приемы в порученное ими предприятие.

Первая польза, которую можно было ожидать от завода, – это была польза для вверенной Мамонтову дороги. Сам – хозяин завода и сам – хозяин Ярославской дороги, он надеялся, что его заводское дело снабдит железную дорогу своими работами, старательно исполненными и на более выгодных условиях.

И действительно, никто не упрекает даже первых работ, по первым заказам, в непригодности и браке. Свидетели сказали, что была только одна неудовлетворительная сторона, это — несоответствие типа паровозов (по образцам южных дорог) потребностям северных дорог, работающих по преимуществу дровами. А что касается до цены, то работы шли по ценам ниже того, во что они обходились заводу, чем открывался счет убытков, впоследствии разросшийся в громадную цифру.

Но с этими убытками можно было мириться; это были убытки борьбы за существование, борьбы, имеющей целью привлечь доверие к делу, которое считалось до перехода к настоящим владельцам за погибшее. Нужно было только обеспечить в будущем и прилив заказов и удовлетворительное выполнение их.

Но этого не доставало оборотных средств. Савва Мамонтов решает поддержать дело авансами за сделанные заказы. Эти первые шаги не заключают в себе ничего незаконного. Авансы даются всюду. Дать своему заводу аванс — непредусудительно: веря в себя и в дело, с большим спокойствием вверяешь ему авансы, потому что не носишь в душе сомнения в возврате или отработке этих сумм. Да у Саввы Ивановича в этот момент дела не могло быть и раздвоения интересов: ведь он стоял во главе дела, между прочим, и как крупный акционер. Интересы дороги были и его интересами. Завод и дорога были для него, что две руки у моего тела: они равно мне дороги, и боль, причиняемая любой из них, мне одинаково тяжела.

Когда ему указано было, что будущее завода, как обширнейшей мастерской паровозов, обусловлено переделкой и заменой старых орудий производства новыми, стоящими много денег, он усилил или согласился на усиление авансов. Ведь в это время у него строилась дорога к Белому морю и созревала завершающая его цели мысль о линии Вятка — Петербург, линии, которая сопровождалась переменой устава, образованием громадного дела «Северных Дорог» и обещала в будущем несметные выгоды, покрывающие расходную статью, вызываемую линией Архангельской, линией, по преимуществу идейной, преследующей великие указанные выше цели, но цели, уходящие в далекое будущее, а пока требующие жертв и расходов.

А когда будет дана Вятка, когда понадобятся сотни, если не тысячи паровозов для нужд Севера и понадобятся многомиллионные работы на изготовление прочих принадлежностей движения, тогда скажется все значение Невского завода: он превратится в громаднейшую собственную мастерскую будущего Общества Северных дорог, сбережет не одну сотню тысяч акционерам Общества, и тогда поймут, о чем думал и во что верил Савва Мамонтов, вверяя авансы заводу в счет его будущего заработка.

Но пока оборудовался завод и авансы имели или совершенно законное основание, или только форму излишнего доверия, не вызывая ни малейшего чувства брезливости к принятой мере, новостям дела, излишнее увлечение в погоне за приобретением заказов, между прочим заказов морского министерства, неудачный выбор людей во главу технического надзора, — все это обуславливало убытки. Цены не соответствовали ценам других заводов, а недостача в оборудовании и в людях, знающих дело, увеличивала стоимость заказа для самого завода. Ущерб приняли угрожающий вид.

Вот в этот-то момент Савва Иванович делает ту ошибку, которая привела его в суд. Он видит, что за заводом накопился значительный долг. Требование этого долга поведет к ликвидации, причем, по примеру всех случаев понудительной продажи, имущество пойдет за гроши и кредиторы потеряют свои деньги. Ярославская дорога понесет ущерб — первый ущерб при его хозяйничании, а между тем его можно избежать.

История крупных финансовых затруднений и счастливых выходов из них вам известна. Вовремя подержанный, поколебленный временными неудачами банкирский дом или многомиллионное промышленное дело избегают краха и спасаются сами и спасают связанных с собой клиентов. Незначительный толчок роняет мощную силу, если он нанесен в момент, когда она пошатнулась. Савва Иванович знал это.

Но лучше потерять меньше, чем терять больше. Правда. Но обвиняемый верил, что в круг линии Ярославской дороги введется линия Вятка, обуславливающая такую массу заказов, что завод сможет отработать кредиты. <...>

А рядом с Вяткой надежды Саввы Ивановича обосновывались и приспособлением завода к нуждам флота. Давались заказы, исполненные работы удовлетворяли требованиям, завод в этом отношении был снабжен средствами исполнения. Ожидался заказ не на один миллион из тех 90.000.000 руб., которые ассигнованы на поднятие русских морских сил. Можно было со спокойной совестью верить в жизненные соки должника, временно застоявшиеся, и поддержкой его, пожалуй, и рискованной, спасти от краха и вернуть суммы, вверенные ему до этого момента.

Савва Иванович поскользнулся, завода не поднял, Ярославской дороге нанес ущерб. Но рассудите, что же тут было? Преступление хищника или ошибка расчета? Грабеж или промах? Намерение вредить Ярославской дороге или страстное желание спасти ее интересы? Истребление вверенных сил или проигранное сражение, начатое полководцем, убежденным, что он принял бой в интересах отечества?

Сожаления заслуживает и тот растратчик, который, видя гибнущие интересы свои и своих ближних, иногда неосторожно хватается чужие, на руках его находящиеся средства, хватается незаконно, но с одной, как страсть безумная, его охватившей мыслью — спасти себя и, победив беду, внести в кассу законного владельца на минуту позаимствованные чужие средства. Жалко потерявшего рассудок игрока, проигравшего нечаянно чужие деньги и, в страстном желании спасти свою честь, делающего новые и новые ставки, кладущего на карту последнее платье, ведь он не хочет отнять, он не хочет раздеться!

А здесь — не то. Хорошо или дурно — избранный путь имел в виду выручить отпущенные в долг деньги. Ведь подъем заводов, обессиленных неудачами прежних лет, в самом радужном будущем только возвращал ущерб Ярославской дороге, — о возврате сумм, внесенных в дело из средств Саввы Ивановича и близких ему людей, нечего было и думать.

И делал он все это не тайно. Каждый шаг, каждое распоряжение записано, перерыва следов от его воли к делу нет ни на йоту. Цифры записаны в книги, и назначение их там отмечено с общедоступной ясностью.

Хозяева дела, избравшие Мамонтова и три десятилетия переизбиравшие его, все знали или могли знать. Ведь не дети, не полуграмотные вкладчики лопнувших банков, акционеры-избиратели вроде Джемгарова, Грачевых, Солодовникова. Эти люди видели плоды власти Мамонтова и верили в удачу его планов. Если бы эта ошибка была против их положительных намерений, они удержали бы его. Жаль, что обвинители вовремя не подали им совета. Может быть, они тогда согласились бы на пресечение кредитов и на списывание со счета неотработанных авансов; они, по указанию обвинителей, лишили бы Савву Мамонтова его места, как хищника и грабителя, занявшего место с целью погубить ярославское железнодорожное дело.

Но отучневшие на доходы дороги и сторбившиеся от труда отрезать купоны и считать дивиденды, щедрой рукой приносимые им дорогой, нуждающиеся в чужом совете, названные акционеры рассуждали иначе: они видели, что дорога крепнет, растет, развивает движение до размеров, какие не снились им. Малоум-

ные, они не понимали, что Савва Иванович разоряет их! Факты так очевидны для беспристрастного наблюдения коронного обвинения и гражданского добровольца: 150-рублевые акции вырастают до 600, до 700 руб., вырастают до 900 руб. (но последняя цена обуславливается иными соображениями, о которых я скажу после), дивиденды с 19 руб. достигают 40 руб., составляя чуть не учетверенную в общем итоге капитальную сумму.

Разорение, разорение... Но общеупотребительная логика, которой не только учит нас книга в школе, но которая срослась с нашим умом, если он не потерял спокойствия, говорила хозяевам дела другое. Она говорила им, что дело их в руках смелых, но удачных. Они, палец о палец не ударяя, пожинали плоды смелых планов Саввы Ивановича... и не хотели никого, кроме его, во главе дела. Другой, может быть, не ошибся бы на заводском деле, но другой, может быть, и теперь бы давал им грошовые дивиденды и держал бы акции на их первоначальной оценке. Подсчитайте, было ли бы это выгодно акционерам...

Вот почему они действовали не так, как им рекомендуется задним числом. Их мнение расходится с мнением обвинения: оно осуждает их в непонимании своего интереса, в подчинении своих дел хищнику! Если так, то прежде чем начать уголовное дело, следовало бы этих несчастных, не понимающих своих выгод, отправить в губернское правление и освидетельствовать в умственных способностях, чтобы спасти их капиталы.

Но не беспокойтесь о них. Солодовниковы, Джамгаровы, Грачевы умеют блести свои интересы и извлекать из всякой силы то, что увеличивает их достатки. Они не мешали человеку дела, опытом изведав его способности, не мешали смельчаку, ощущая результаты, его удачных замыслов, они не сомневались в продуктивности его мероприятий, в целесообразности его расходов из подотчетных сумм на поездки. Люди жизни, они, подобно свидетелю Посеву, знали, что, прежде чем приобрести известную линию, иногда надо огромными негласными сделками откупиться от appetitов конкурентов, они знали, что время очистило от подозрений в забвении долга людей, служащих в местах, заведующих железнодорожным хозяйством, но еще живы в столице те частные, сановитые ходатаи, которые дорого продают свое «замолвить слово», те «генералы не у дел», которых коснулась и обесмертила наша литература, способные если не сделать что-нибудь, то — повредить, легши поперек дороги, если не сдвинешь их с пути, подав им необходимую и дорогостоящую помощь.

Когда дела приняли угрожающее положение, когда закралось сомнение в ум Мамонтова о способности заправил на заводе справиться с задачей, пришлось поступиться своими заветными мечтами и попытаться передать дело иностранцам. Сколько, думается мне, бессонных ночей, сколько болезненных перебоев в сердце испытал Савва Иванович, когда, в отмену всего пережитого, пришлось ему впервые постучаться в двери к иностранцу-капиталисту.

Приходилось это и потом, когда впервые выслушал при одном из таких же визитов Савва Иванович лекцию о благодетельном учреждении синдиката, и хотя на душе его было неосторожное, противоустановное дело авансов, а все же дрогнул он перед сущностью ему предложенного соучастия.

Вот ко времени этой поездки или обращения к иностранцам, кажется, и относится здесь мало освещенный факт двойственности баланса Невского завода с наличностью, отраженной в книгах. Говорят, что у завода каждый год были убытки громадные, миллионные, а отчет общего собрания показывал их в скромных цифрах, иногда утверждал и небольшую пользу. Если это так, то замечу, что раз показывался убыток, то безразлично, был ли убыток в рубль или в миллионы. Ди-

виденда уже не выдавалось. Если же выдавался дивиденд в год мнимой пользы, то это незаконно. Но, кажется — другой защитник, занятый больше меня цифрами, докажет вам, что Савва Иванович только расписался в дивиденде, а взял его другой пайщик, и что эта сумма списана с личного счета Саввы Ивановича.

Если это так, то никакой преступной цели здесь не было, а было неумение составлять два счета с особой целью в каждом.

<...> Позвольте мою мысль иллюстрировать примером. У меня есть дом: обошелся он в 10 000 руб. и доходу дает тысячу рублей. Но я на постройку занял семь тысяч у одного из тех капиталистов, которым приходится посылать деньги-проценты или просить отсрочки телеграммами в Олонекскую губернию. Плачу ему этих процентов 1400 руб. Выходит: что ни год — убытка 400 руб. Но значит ли это, что самый дом есть дело, приносящее убыток? Продавая его, я говорю, купите вещь, приносящую 1000 руб. дохода, и говорю правду, ибо тот, кто купит и даст десять тысяч, которые у меня будут фондом покрытия моего долга, купит вещь, дающую десять процентов дохода. Надо различать доходность дела от доходности хозяина, обремененного платежами, не обуславливающимися наличной деятельностью предприятия

На оценку вины Саввы Мамонтова влияет вопрос о количестве убытка, который им нанесился дороге в момент авансирования и в момент, когда дорога выручала долг продажей паев. Вам известно, что паи проданы по 30 копеек за рубль их нарицательной стоимости: разница образовала убыток. Мы говорим, что убыток этот не верен, ибо правление дороги, с г-ном Хитрово во главе, продешевило и не проявило достаточной заботливости в ограждении интересов вверенного им дела. Словом, завод стоит несравненно дороже. А ведь если бы было выручено все сполна, то вся вина приняла бы почти формальный характер.

Эта часть дела — самая суть процесса. Мы утверждаем, что продажею заводских паев по 30% продавцы добровольно расстались с возможностью выручить более подходящую цифру: ведь было же соглашение с бельгийцами, в легендарности которого никто не упрекал Савву Ивановича, — многомиллионное предложение. Как же это случилось?

А вот как. Получили предложение оценить с точки зрения покупателя Невский завод господина Дрейера и Калашников, кстати, ныне заседающие в новом заводском управлении. Исполняя поручение начальства, они громаднейшее предприятие осмотрели будто бы во всех частях в три или четыре дня, да, кажется, и осматривал их один г-н Дрейер. Они составили счет, по которому выходит, что больше 30% дать нельзя.

<...> Удивительный свидетель-эксперт! Или он не берег казны и бросил даром два миллиона, поскольку его мнение было решающим, или он очень сердит: раздражился, — и на два миллиона хочет општрафовать нас.

Нет, я не верю этому неустойчивому свидетелю и обязан ему не верить.

<...> По заявлению вице-адмирала Тьртова, завод этот в течение последних 6 лет исполнял большие заказы морского министерства с ассигнованием 90.000.000 руб. на государственное судостроение; на нем, главным образом, сосредоточена постройка минных и других судов небольшого размера, а также мелких механизмов и паровых котлов, для чего товариществом произведены были значительные за-траты на оборудование завода новыми машинами и станками, и в настоящее время он может успешно соперничать с иностранными заводами.

Вполне удовлетворительное состояние завода в смысле его оборудования и продуктивности засвидетельствовано также действительным тайным советником князем Хилковым и тайным советником бароном Иксулем, по мнению которого

происходившие на заводе неурядицы объясняются не неудовлетворительным состоянием завода, а недостатком оборотных средств и слабой организацией управления, обусловливаемой частой переменой директоров.

Как могло случиться такое противоречие между мнением о благосостоянии заводов и недостатке их лишь оборотными средствами и людьми, высказанное умами, способными и призванными решать государственно-хозяйственные вопросы, – и умом человека, имя которого, быть может, впервые огласилось дальше той конторки, где он нес свою службу?

<...> В увлечении услужить начальству свидетель*, видимо, боялся переплатить, думая, что государственная казна заинтересована, подобно покупщикам с молотка, купить на грош пятаков. Нет, ни высокое положение казны, как государственного хозяина, ни политика ее заправил никогда не руководились этим началом. Казна даст больше частного лица, потому что лишний рубль в карман частному лицу – это усиление его же полезной производительности, но выгадывать на вынужденной продаже, но пользоваться стесненным положением продавца – этой черты не было и не будет в практике казенного хозяйства.

<...> Попутно надо остановить ваше внимание на происхождении паев на 6.000.000 руб. в руках Саввы и Николая Мамонтовых.

Говорят о безденежном получении ими этих паев. Это мнение – просто результат малого знакомства с бытовыми условиями промышленности.

Невский завод всем достоянием своим обеспечивал долг Ярославской дороге. Но как реализовать этот долг, раз дорога нуждается в возврате денег? В кассе наличности мало... Предъявить иск и с молотка продать завод? На много-миллионную покупку (тогда казна еще не заявляла своего согласия на покупку) немного охотников, потому что немного людей со свободными миллионами. Публичная продажа может бросить завод за ничто в руки покупателя, предложившего самую скромную, до неприличия скромную цифру.

Сходите в дни торгов в кредитные учреждения, и вы увидите, как буквально за рубль, надбавленный к оценке, пропадают миллионные здания неисправных должников.

<...> И вот поступают так: дорога списывает долг с завода, а завод валлоту этого долга, как цену стоимости завода в его позднейшем состоянии, оплачивает паями тому лицу, которое за него уплатит долг дороге. Долг этот принимают Мамонтовы и за это получают пай. Паи эти они сейчас же вносят в ту самую кассу Ярославской дороги, перед которой обязываются погасить долг.

Цель всего этого: спокойное, без публичной продажи, реализованное ценности завода, вырученными, по партиям проданными, паями, которые, как обеспечение долга, лежат в сундуке дороги и выдаются только по представлении вырученной за партию цены.

С точки зрения обвинения, которое соглашается с Дрейером в оценке завода, выходит, что завод всего долга своей стоимостью не покроет. Тогда ведь разницы нет, получит ли дорога по векселям завода неполное удовлетворение, равное выручке из продажи, получит ли эту выручку частью по векселям, частью по паям в итоге, в сумме стоимости завода.

Справедливость требует сказать, что новое правление ничего не сделало в интересах дороги.

<...> Время возникновения нового правления знаменательно. В это время разрешается вопрос о Вятской дороге. Впервые устав дороги меняется. Выпустятся

* Дрейер Н.Ф.

новые акции. Старые получают право на получение новых по шести на одну. В мире биржи и спекуляции оживление. Акции поднимаются, несмотря на слухи о задолженности и неудаче по постройке Архангельской линии.

В это знаменательное время, в неясных контурах обрисовываются новые деятели, по-видимому, решившие, что страдное время работ по устройству северных путей прошло и приближается жатва. Савву Ивановича приглашают вступить в синдикат; его акции выкупаются от банка, который, будучи мало осведомлен в железнодорожном деле, тяготеет портфелем (акции Саввы Ивановича лежали в банке для Внешней торговли): они переходят по солидной стоимости в Международный банк. <...> Полторы тысячи акций должны перейти в портфель Международного банка не в залог, а в собственность.

Все спутывается... Будущая дорога перейдет в руки деятелей, которым чужда идея спасти ошибку старого путем солидарности между заводом и дорогой. Для них завод – только неисправный должник, стоящий столько, сколько можно выручить от продажи его с молотка. Мечты Саввы Ивановича лопаются. Его мероприятия, из которых он тайны не делал, которые все занесены в книги, напечатаны в балансах и утверждены своевременно общими собраниями, объявляются сплошным рядом преступлений, и человека, которого восторженно благодарили за 25-летнюю службу акционеру, получившие по несколько сот рублей на акцию дивиденда, которые аплодировали его смелым планам, – теперь, при первой неудаче, сбившей с акции лишь биржевую спекуляционную цену и спустившей ее до цифры в 500 руб. (почти вчетверо против номинальных 150), бросаются, под предводительством г-на Хитрово, в камеру прокурора...

Сибирское дело – особенное дело. На него набросился Савва Иванович не по своей воле. Здесь говорили, что принять это дело его просили очень большие люди. А просьбы эти – хуже приказаний. Не исполнишь приказания, накажут тебя по ст. 29 Устава для мировых судей – и все. Но просьба, не исполненная просьба, оставляет более глубокий след, изменяет мнение о человеке, решает его нравственную оценку у сильнейших людей. Толкала его на это и его жажда не отдавать дел в инородные руки, заманчивая перспектива оживить умершее дело и блеснуть русской сметкой.

Надо всем, конечно, господствовала надежда найти новый источник для получения в кассу дороги ошибочно истраченных сумм. И это дело он внес в книги дороги и не скрыл от акционеров... И тут не было ни одного заявления или критического запроса...

Остается сказать о третьяковской ссуде. Я утверждаю, что это был заем, прикрытый формой ссуды. Ведь в это время дела Мамонтова уже были трудны. Знаменитый маклер Шульц не мог этого не знать. Г-н Шульц не мог не знать, что у самого Мамонтова нет казенных подрядов. Это было просто подражанием тому, как прежде, чтобы увеличить ответственность должника, Давали ему деньги под вымышленную сохранный расписку, грозя обвинением в растрате, если он в срок не уплатит процентов или капитала.

Здесь все налицо для этого предположения. Юноша Третьяков верил Шульцу. Этот последний брал гласный договор о ссуде беспроцентной и сейчас же сопровождал ее тайным договором о процентах сверх купонов. Когда защитники интересов г-на Третьякова подавали жалобу, то они представили договор беспроцентный и позабыли о приложении.

Шульц знал, что он дает деньги не Мамонтову. Перед выдачей 400 000 руб. он встретился на Ильинке со свидетелем Альбертом, тогда деятелем Невского завода, и крикнул ему: «Я вам приготовил уйму денег». Нужна была только рука и голова Саввы Ивановича.

Как долг, мы его не отвергаем: он должен быть возмещен из арестованного имущества, какое успел сберечь к судному дню когда-то богатый, кредитоспособный Савва Иванович...

Исчерпав материалы следствия, обвинитель возбуждал наше гражданское негодование против подсудимых указанием на удар русскому кредиту за границей, на затруднения и ущербы казны, на страду за чужие грехи бедного русского крестьянина, который в лице казны отплачивается за их грехи.

<...> Казна обобродовала Ярославскую дорогу оборотным капиталом. Но оборотный капитал, внесенный в приобретенную дорогу, не есть расход, а только видоизменение ценности. Обменивая осенью свои деньги на семена и работу, которые мне нужны в моем имении, я не беднею, а только в чайнии грядущего урожая заменяю металл трудом и семенами.

А о народе лучше бы не говорить. Казна купила имение-дорогу за ее действительную цену, приобретая вместе и право иска, казна, конечно, как благоразумный хозяин, не ценила иска на разоренных людей выше стоимости заарестованного имущества.

Народ? Серых людей в числе хозяев-акционеров мы не встречали на общих собраниях Ярославской дороги. Солодовниковы, Грачевы, Джемгаровы и подобные им в лаптях не ходят, а преспокойно выбирают проценты на капитализованные доходы и на учетверенную плату, данную им за акции казной. А если не так, если они вам кажутся нищими и разоренными и удовлетворить их надо нашей карой, — что ж, подайте Христа ради им!..

Я не возношу на пьедестал Савву Ивановича. Он — не герой, не образец. Но я оспариваю обвинение в том, что он умышленный хищник чужого.

Ущерб его ошибок — не плоды преступления. Он погиб от нетерпения тех, кто быстро пожинали плоды его удач, но были слабопамятны, когда пошатнулся подсудимый.

Я утверждаю, что быстрота продажи имущества и смутное время ликвидации не выяснило настоящей цены и не ввело в оценку Невского завода той идеальной ценности, какую имеет всякое дело, если оно вовремя и на месте потребностей рынка.

Возражение обвинителям

ЕСЛИ бы Мамонтовым не помешали — все их грехи были бы забыты и Россия обогатилась бы и новыми путями сообщения, и прекрасными заводами, которые в русских руках служили бы государству.

Упрек, брошенный мне прокурором, — упрек в том, что здесь, на судебном следствии, произнесены были неуместные и неосторожные слова, — этот упрек несправедлив.

Между положением прокурора и защитника — громадная разница.

За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, а за спиной защитника — живые люди.

Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи, и страшно поскользнуться с такой ношей!

Если я сказал лишнее слово, я сам должен держать и ответ: на меня негодование, но ни одной стрелы — туда!

Несомненно, что завод в тяжелую минуту продан с убытком. Увлёкся ли Савва Иванович, или это была ошибка человеческого расчета, во всяком случае, убыток — результат не умысла, а несчастья...

Русское правительство никогда не желало купить рубль за грош. Просто выбор Дрейера был неудачен. Этот человек — преданный казне, что и говорить. Но Дрейер считает ценность имущества только по его убыточности, забывая другие условия...

В торговом деле много значит известность предприятия, его возраст. Газета, просуществовавшая один год с убытком в 20 тысяч, по мнению Дрейера, будет дешевле той, которая, просуществовав 5 лет, дает 50 тысяч убытка. Земледелец, вспахавший землю с осени и засеявший, по мнению Дрейера, будет беднее того, который сохранил в кармане 20 руб., оставив землю без обработки.

Люди, более Дрейера понимавшие, говорили, что завод, это — дело, нужное русскому народу...

Неправильно далее толкование обвинителями слова «умысел». Ведь перед присяжными заседателями судятся не дела, а люди: что можно требовать от людей, имеющих 10 талантов, того нельзя требовать от человека, имеющего один талант...

Закон властей во всем, но он говорит присяжным: «Судите». Это потому, что он считает себя лишь формальной истиной, а вам, судьи, предоставляет искать и найти жизненную правду.

В книге, в святость которой мы все верим, — в Новом Завете, сказано, что придет некогда суд общий, на котором Судия будет судить, «за не Он Сын человеческий».

И вы рассудите по-человечески!

Здесь нет героев, но нет и преступников.

Сказалась ли в Савве Ивановиче преступность по распоряжению чижовскими капиталами, которыми он был бесконтрольным распорядителем? Газеты нападали на него, кричали, что капиталы пропали. И что же оказалось?!

Он выгодной операцией устроил эти капиталы и создал то дело, благодаря которому Кострома теперь по постановке промышленного образования может соперничать с любым уголком Европы...

Сюда явились Лазаревы и обвиняют Мамонтова в том, что жалование рабочим на Ярославской дороге платилось маленькое.

Однако там рабочие жили по 20 лет и по 2 тысячи человек подписывались под адресом. Это оттого, что к рабочим относились по-человечески, не возносились над ними, не углубляли пропасти...

Говорят, что в Америке прислуга берет меньше жалованья, если по условию она может не снимать шляпы перед хозяином...

Московские лакеи ходят в таких же сюртуках, как мы, однако крестьяне не любят отсылать своих детей в Москву...

Человеческое достоинство, человеческое отношение — дороже рубля...

Вручаю вам судьбу подсудимых. Судите, но отнесите часть беды на дух времени, дух наживы, заставляющий ненавидеть удачных соперников, заставляющий вырывать друг у друга добро.

В наше время мало работать — надо псом сидеть над своею работой.

Если верить духу времени, то — «горе побежденным!»

Но пусть это мерзкое выражение повторяют язычники, хотя бы по метрике они числились православными или реформаторами.

А мы скажем: «Пошлада несчастным!»

Б.Л. Альциулер

Пушкин, стихи, музыка в «Дневниках» Андрея Сахарова

25 мая 2011 года Андрею Дмитриевичу Сахарову исполнилось бы 90 лет. Не знаю много это или мало. Годы, которые «как птицы летят», – это все – таки условность. Пушкин погиб в 37 лет, но он всегда с нами, «наше всё». Как справедливо заметил один современный поэт, «очень не хочется умирать, ведь там не будет стихов Пушкина». Андрей Дмитриевич Сахаров тоже всегда остается с нами. А Пушкина он боготворил. Об этом – и в «Воспоминаниях» самого Сахарова* и в замечательном эссе «Прогулки с Пушкиным» его однокурсника Михаила Левина**. Пронизаны Пушкиным и вышедшие в 2006 году три тома «Дневников» Сахарова***. Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна пользовались Пушкиным даже для шифровки, цитата Пушкина в письме или в переданной в больницу записке имела особый смысл: «Любая строка из Пушкина по договоренности означала просьбу прекратить голодовку» (Елена Боннэр, «Дневники», том II, стр. 829). Этот уникальный «роман – документ» подготовлен к изданию и обильно прокомментирован Еленой Георгиевной, так что она является его законным соавтором.

Об этой книге можно говорить долго, читая ее, заново переживаешь во многом невероятные события не такого уж давнего прошлого. Многие эпизоды, к которым был причастен и которые Андрей Дмитриевич лишь кратко упоминает в дневниковой записи, хочется расшифровать. Но это как-нибудь в другой раз. В этой юбилейной заметке я хочу сказать о вечном словами Сахарова из «Дневников». А цитировать Андрея Дмитриевича всегда приятно.

* Андрей Сахаров, «Воспоминания» / изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1990 / «Права человека», Москва, 1996 / «Время», Москва, 2006.

** В книге «Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове» / Физический институт им. П.Н. Лебедева – «Практика», Москва, 1996.

***А. Сахаров, Е. Боннэр, «Дневники. Роман-документ». Изд. «Время», Москва, 2006.

* * *

«Дневники», Горький, 7 апреля 1981 года. Немного поясню о моменте. Сахаров уже более года в ссылке, а Елена Боннэр совершает свой великий «челночный» подвиг по маршруту Горький – Москва – Горький... Поскольку в отсутствие хозяев квартиру постоянно посещали похитители документов, Андрей Дмитриевич всегда носил с собой в сумке ценные бумаги, включая огромную рукопись «Воспоминаний». 13 марта 1981 годка сумка была украдена ГВ. Среди прочего пропали также и статьи – эссе Сахарова о стихах Пушкина «Пора, мой друг, пора», «Три ключа», «Орион». Андрей Дмитриевич пишет об этой трагедии в «Воспоминаниях», которые он сумел восстановить после кражи рукописи. Публикуемый ниже отрывок из «Дневников» – это восстановленный вариант эссе о стихотворении Пушкина «Пора, мой друг, пора».

Из «Дневников» (том II, стр. 177–181)

А. Сахаров:

«7/IV. До обеда (18 ч.) писал автобио.

А вот стихи Тютчева, пишу по памяти (интересно, в чем ошибки):

*Не то, что мните вы, Природа –
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
Томлень, мудрость и язык!*

Я не могу, конечно, вспомнить, что я писал в сент. – октябре по Люсиной просьбе на стихи Пушкина (“Три ключа”, “Арион”, “Пора, мой друг, пора” и др.). Напишу, что ляжет на ум.

*Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем*

*Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля*.
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег...*

Это такое простое на вид, задумчивое стихотворение — одно из ключевых в поэзии Пушкина. Написано оно за год до смерти, которую мы все воспринимаем как смерть близкого человека, как несправедливость судьбы. Ведь Пушкин для нас — не просто автор замечательных стихов — то озорных, то страстных, то торжественно-звонких, то сердечных и теплых, то созерцательно величественных, то по-бытовому приниженных, то лукавых, то оскорбленных и гордых, даже заносчивых, то проникнутых болью, тоской и раскаянием. Пушкин — это наши глаза, наше восприятие мира, зимнего солнца, страны, истории, любви и дружбы, жизни. В Пушкине мы проживаем вторую жизнь. Поэтому его боль последних лет — наша боль. Его обиды, сомнения и философские озарения — наши. Конечно, мы — совсем другие. Но, как странник во времена Джека Лондона, мы проживаем в Пушкине его жизнь — через его стихи. И вот перед нами одно из последних стихотворений, написанное в Петербурге усталым и замученным человеком, обремененным огромными по его доходам долгами. Он только что вернулся с бала (что греха таить, он любит эту столичную жизнь и ее блеск, любит надеть свой дорогой фрак и на дрожжах прокатиться по Невскому, заехать к цыганам, где его знают весьма близко, или к своему другу Н.). Сегодня Натали опять была центром восторженного внимания, и это ему льстило, но потом он вдруг помрачнел и стал кусать ногти (эта дурная привычка у него еще с Лицея). И ему захотелось бежать скорей домой, к письменному столу, где в ящике лежит стопка бумаги, к которой он (сейчас он думает об этом с досадой и со стыдом) не прикасался больше месяца. (Прошло время, когда он мог писать на любых клочках, в любое время дня и ночи, замусоленным карандашом, не обращая внимания на шумные разговоры за стеной веселых приятелей и их не менее веселых подруг).

* Пропущена строка «Давно завидная мечтается мне доля», (- Е. Боннэр).

И вот он пишет — обращаясь к самому себе и Натали, и к нам, читающим его через 150 лет:

...На свете счастья нет, но есть покой и воля.

А правда — есть счастье, или его нет? И что это такое? А, может, покой и воля + работа — это и есть счастье, ведь труды и чистые неги, человеческое тепло — это то, что ты можешь иметь, что никто у тебя не отнимает? И возникает ощущение, что слова — *на свете счастья нет* — это только способ выражения, дань традиции, что ли. Но нет — *давно, усталый раб, замыслил я побег*. То есть путь в эту обитель трудов и нег — в обитель счастья — через борьбу, через преодоление (заметим в скобках — радость — всегда через преодоление). И еще это горькое — *усталый раб*. Т.е. борьба с самим собой, в которой ты — уже устал до ее начала, и ты раб — раб привычек, раб условностей, раб собственных слабостей и раб предрассудков, прихотей и злой воли других.

Борьба проиграна. Впереди нацеленный на сердце пистолет Дантеса.

Опять нет! Надежда есть. Счастье есть. Работа, гений, любовь, семья, все это есть. И если все же пуля попадет в тебя, то не это настоящее, главное, а то — что ты успел сделать, мог сделать, мог ощутить в мире, в таинственной ночной бормоте... *смысла я в тебе ищу. И гад морских подводный ход... и горный ангелов полет. Пора, пора* — это обращено к самому себе и к нам, его потомкам. Через несколько месяцев Пушкин напишет гордый и торжественный «Памятник» — его последнее стихотворение, его завещание, как и то стихотворение, которое мы сейчас читали. Горький. 7/IV – 81. 2 часа ночи.»

Е. Боннэр:

«Уезжая в Москву, я задавала Андрею “урок” (была у нас такая игра) — написать что-нибудь близкое к литературе — о каком-нибудь стихотворении, о книге, которую прочли. Кроме Пушкина, помню «задания» по Блоку и по Фету. О Фете возникло после слов Лидии Корнеевны* “Работа — моя молитва”. Может, это не дословно, но смысл был такой. И, рассказывая Андрею об этих словах Л.К., я сказала, что моей Молитвой с очень ранних отроческих лет (после ареста мамы и папы) стало стихотворение Фета: «Учись

* Л.К. Чуковская.

у них — у дуба, у березы. / Кругом зима. Жестокая пора! / Напрасные на них застыли слезы, / И треснула, сжимаясь, кора. / Всё злей метель и с каждой минутой / Серdito рвет последние листья, / И за сердце хватает холод лютый; / Они стоят, молчат; молчи и ты! / Но верь весне. Ее промчится гений, / Опять теплом и жизнью дыша. / Для ясных дней, для новых откровений / Переболит скорбящая душа». После этого разговора Андрей попросил, чтобы я привезла в Горький Фета. Особенно жаль мне, что украдено и небольшое его эссе о романе Фолкнера «Авессалом... Авессалом».*»

* * *

Из «Дневников» (том II, стр. 184–185)

А. Сахаров:

«Р е т р о с п е к т и в а — лето 1980 [№ 6, записано 13 апреля 1981 г. после пропажи части дневников 13 марта 1981 г. — Ред.]

Поехали с Люсей на концерт Рихтера (2 билета принес Феликс?). Опасаясь опоздать, взяли такси. Но вскоре его остановил инспектор ГАИ. (Ай ли?) Очень долго проверял документы, что — то писал. Прошло 20 минут. Якобы наш водитель «поставлен на задержание». Мы уже опаздывали, поехали дальше. Через 100 метров опять нас остановил другой инсп. ГАИ. Стали пытаться взять [другое] такси. Нам помог первый инспектор, он приехал и взял нам такси. Всего мы потеряли минут 40. Внизу и в зале полно знакомых лиц ГБ, в их числе Снежницкий. Это ГБ устроило весь этот спектакль. Якобы кто-то из молодых людей грозился сообщить Рихтеру, что в зале Сахаров, с просьбой заявить об этом. В перерыве ГБ предупредило Рихтера, ему стало плохо, но концерт он провел с большим блеском. Вообще-то Люся считает, а я с ней согласен, игру Рихтера несколько холодной и слишком «формально» виртуозной. Но в некоторых вещах он был не-подражаем, велик. Мы получили большое удовольствие, несмотря на фокусы ГБ.

В этот день (или после концерта Гилельса)* мы еще успели к телевизору, по которому Лакшин читал нечто о Блоке — очень

* После концерта Э. Гилельса, который был в эту же зиму. (— Е. Боннэр).

хорошо, без подлаживания, с серьезностью и большой любовью к Блоку. Кончил он, встав и стоя прочитав последнее блоковское:

*Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе.
Оттого-то в час заката, уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената тихо кланяюсь ему.*

Нужна смелость, чтобы так закончить — по телевизору! Зря Солженицын так третирует Лакшина (в «Теленке»).

Люся после, за ужином, сама стала читать Блока. Она очень давно не читала стихов, к сожалению. В этот день она читала очень хорошо, с большим волнением.*»

* * *

Запись в дневнике 7 февраля 1984 года, Елена Георгиевна уехала на несколько дней в Москву. Через 3 месяца, в начале мая, ее больше не выпустят из Горького и Андрей Дмитриевич объявит свою самую мучительную бессрочную голодовку с требованием отпустить ее на лечение за рубеж (примерно за год до этого Елена Георгиевна перенесла на ногах обширный инфаркт).

Из «Дневников» (том II, стр. 574–576)

А. Сахаров:

«В первые дни после Люсиного отъезда была интересная передача — «День поэзии» — до и после «Времени». «До» я случайно включил на минутку и слышал, что что-то читает Римма Казакова, военное, не стал вслушиваться. После «Времени» я тоже случайно включил с опозданием минут на 15. Межиров читал стихи Смелякова (Мне снилось, что я стал чугунным... — припл. так — и другие) и стихи «какого-то Заболоцкого» (тут я цитирую Танину* школьную учительницу).

* Старшая дочь А.Д. Сахарова.

Заметили ли вы, что выглядит порой
Насельник вятский, вологодский
Германцем истинным? Казался немчурой
И аккуратный Заболоцкий.
Но чисто русское безумье было в нем
И бурь подавленных величье,
Обэриутский бред союзничал с огнем
И зажигал глаза мужичьи...

А тут я уже цитирую С. Липкина “Вячеславу, жизнь Переделкинская” (кажется, нужно с мал[енькой] буквы). С эпиграфом из Державина “О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?” – “Континент” № 35 за 1983 год. Кто не читал, прочтите обязательно!!!

Оказалось, что поэты читали не свои стихи, а стихи других поэтов, любимых ими, и тут уж они могли дать себе волю. Следующим после Межирова выступал некто, не помню, прочитавший Блока – но не “12”, а “Пушкин, тайную свободу пели мы вослед тебе, дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе”. Потом Сулейменов читал отрывки из “Скифов”: “А если нет, нам нечего терять / И нам доступно вероломство. Века, века вас будет проклинать / Большое позднее потомство” (дескать, и нам доступен “Первый удар” – что бы мы ни заявляли). Потом Белла Ахмадулина читала Цветаеву, Ахматову, Пастернака (“...диктует(?) чувство – оно на сцену шлет раба. И тут кончается искусство И дышат (не помню) судьба!”*. Хорошее стихотворение, зря я его не помню). Председательствовал Межиров, он сам читал стихи в несколько приемов, перемежая остальных. Вознесенский читал (скажем, мне не очень понравилось как) – но читал он “Черного человека” Есенина. И я вдруг как-то понял, что это совсем не белая горячка, а очень серьезно. И еще – черный человек – это прямая ассоциация с Черным человеком Пушкина – Моцарта, “...вот и теперь мне кажется, он с нами сам третьей сидит”, Сальери: “И полно, что за страх ребячий...”, “Там есть один мотив, я все твержу его, когда я счастлив (весел?)”.

В конце вечера опять читал Межиров: Смелякова “Манон Леско” и – в завершение вечера – Блока: “Рожденные в года глухие

* Пропущены слова «дышат почва и», – Е. Боннэр.

/ Пути не помнят своего. / Мы дети страшных лет России / Забыть не в силах ничего”. Стихи (это, по-моему, “Возмездие”) – написаны до революции и к советской поэзии относятся с большой натяжкой. Межиров, глядя невинными глазами, объяснял, что Блок в них предчувствовал величие исторических судеб России.»

* * *

Январь 1986 года. Елена Георгиевна – в США, где ей только что сделали операцию на сердце. Ее поездка оказалась возможной в результате победы Сахарова во второй, долгосрочной, полугодовой голодовке 1985 года. Андрей Дмитриевич живет в Горьком один в практически полной изоляции.

Из «Дневников» (том III, стр. 35–36)

А. Сахаров:

«29 января. Главный инженер встречал в 14.00 на улице. С большой предупредительностью взяли машину в бесплатный ремонт (дверца, карбюратор). Ну и ну!»

Е. Боннэр:

«Позже эти кадры вошли в фильмы, переданные на Запад Виктором Луи, и были показаны по TV как иллюстрация внимательного отношения к Сахарову даже на станции обслуживания автолюбителей.»

А. Сахаров:

«Читаю “Историзм Пушкина” Эйдельмана. Все очень интересно. И Жуковский, и письмо Сергея Львовича, и многое другое. Пушкин о Петре: “Все состояния были равны перед его дубинкой (сравни у Ал. Толст[ого]). Петр не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть более, чем Наполеон”. Ну, чем не Сталин. Но потом Пушкин сместил свои оценки, и еще раз сместил и дал “синтез” в “Медном всаднике” (тезис – антитезис – синтез по Гегелю). Я не знал, что “М. В.” [Медный всадник] не был опубликован при жизни.

Свободная ассоциация. Славский* в авг. 1968 г., обсуждая “Размышления”^{***}, упрекал меня за антиисторический подход к Сталину, его окружению и помощникам и его политике. Он говорил: “В 1945–47 году страна лежала в развалинах. Люди ели лебеду, бабы на себе тянули бороны. Вам, нынешним, легко упрекать Сталина за жестокость, за лагеря. Но иначе было нельзя. А мы все это вынесли, отстроили города, создали атомную промышленность и смогли противостоять атомному шантажу США. Вы не можете упрекать нас (не имеете права), используя плоды нашей работы, нашей жизни”. Жаль, что всего этого нет в “Воспоминаниях”. Вспомнил только сегодня!!

Стихотворение Карамзина о Таците. О Риме: “Кроме убийц и жертв, не вижу ничего. Он стоил лютых жертв несчастья своего, терпя, чего терпеть без подлости не можно” (опять возвращаюсь к беседе со Славским о Сталине: терпели, чего терпеть без подлости не можно).

Очень взволновала история (переделок) стихотворения “Мой первый друг, мой друг бесценный, и я судьбу благословил...”. Друзья, наконец, объяснились.

“Правды чистый свет” — слова Пушкина, взятые Эйдельманом эпитафией (внутренним).

Когда я возвращался со станции, меня остановил мужчина средних лет, стал расспрашивать о твоей операции. Вчера он слышал по радио, что тебе сделали операцию и что ты нуждаешься в послеоперационном длительном наблюдении. Я ему очень подробно рассказал, что сам знаю. Никто не мешал.»

* * *

Декабрь 1986 г., Горький. 9 декабря Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна услышали по радио страшную новость – в Чистопольской тюрьме скончался, или был фактически убит, Анатолий Марченко.

* Е.П. Славский, министр Средмаша – министерства, осуществлявшего атомный проект СССР.

** А.Д. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе» (1968), после публикации которых за рубежом Сахаров был отстранен от секретных работ.

Из «Дневников» (том III, стр. 254–255)

А. Сахаров:

«11 дек. Толю похоронили около Чистопольск. тюрьмы. На просьбу Лары† выдать ей останки мужа для похорон в Москве с отпеванием – отказ. На его лице (P.S. на теле!) она, когда открыли гроб, увидела кровоподтеки. Видимо, она только тогда видела Толю. По “Свободе” слышали выступление Горбаневской. Толина книга “Мои показания” – первый камень (“Хроника” – продолж. этой мысли). КГБ никогда не могло простить ему этого разоблачения. Смертный приговор приведен в исполнение. Слышали также рассказ о Толе, видимо, Павла Литвинова.

13 дек. По теле пьеса Радзинского “Лунин, или смерть Жака”. Пьеса хорошая, не поверхностная и с не поверхностными аналогиями. Толя Марченко – Лунин. Эта аналогия поразительна, вплоть до деталей. Хозяин привык думать, что Жак убегает. Но всегда находится в империи человек, который говорит “Нет”. Лунина в пьесе убивают в тюрьме, и он перед смертью перебирает свою жизнь, то, что связывает воедино его в разные периоды его жизни — Любовь к Свободе. В человеческом обществе он видит “инвариантные” фигуры: Авель, Каин, Цезарь. (И жандарм). (Я почему-то вспомнил “Во всех стихиях человек Тиран, предатель или узник”^{***}).

Марченко тоже человек, сказавший «Нет».

Параллели: Чернышев – ГБ.

Общество после дек. восст. и общество наше.

Царь – и...

Все это поразительно!”

В книге «Горький, Москва, далее везде» (вторая книга «Воспоминаний», – см. сноску 1) Андрей Дмитриевич пишет об этой аналогии более четко, чем в дневниках: “Лунин в камере перед смертью – он знает, что скоро придут убийцы – вспоминает всю свою жизнь, сопоставляя ее с жизнью другого бунтаря из прочитанной им когда-то книжки. Он вспоминает как Константин (брат царя) предлагал ему бежать, чтобы избежать ареста, а он не воспользо-

* Л.И. Богораз.

** Правильно: «На всех стихиях человек – тиран, предатель или узник». А.С. Пушкин, «К Вяземскому». (– Е. Боннэр).

вался предложением, и думает словами из книги: “Хозяин думает, что раб всегда убегает” (если у него есть такая возможность). И далее: “Но всегда в империи находится человек, который говорит: Нет! Это Лунин! И это – Марченко!”*.

Материал опубликован в «Хронике Московской хельсинкской группы», № 5, 2007

Эта публикация – дань памяти известной правозащитницы и общественного деятеля Елены Боннэр (– Ред.).

А. Д. Сахаров – один из самых выдающихся деятелей XX века, физик – теоретик, конструктор, ставший академиком АН СССР в 32 года, один из создателей советской водородной бомбы и лауреат Нобелевской премии Мира (1975). Идея Сахарова о неразрывной связи международной безопасности и соблюдения индивидуальных прав человека, которую он последовательно проводил в жизнь в течение 20 лет, стала тем фактором, благодаря которому мировые ядерные сверхдержавы отказались от смертельно опасной стратегии «равновесия страха» и приступили к реальному ядерному разоружению.

Сахаров – сын известного педагога, автора учебников физики. Его дед по линии отца – крупный юрист, прадед – священник; предки по линии матери, урожденной Софиано, – дворяне. Фамилия рода берет начало от уроженца греческого острова Кея (Зея), поступившего в XVIII в. на службу в Российскую армию.

В 1938 г. А. Д. Сахаров поступил на физический факультет Московского университета. В 1941 г. эвакуировался в Ашхабад. В 1942 г. закончил университет с отличием.

В 1945–1950 годах Андрей Сахаров – аспирант, а затем сотрудник возглавляемого И. Е. Таммом отдела теоретической физики Физического института им. П. Н. Лебедева (ФИАН). В 1950–1968 годах он работал в ядерном центре «Арзамас – 16», в городе Саров. После публикации на Западе в июле 1968 года его знаменитых «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» Сахаров был отстранен от секретных работ в «Арзамасе-16» и снова стал сотрудником ФИАНа (1969–1989), в том числе в период горьковской ссылки (1980–1986).

О своем участии в создании водородной бомбы А. Д. Сахаров пишет следующее:

«Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались. Но только что окончилась война – тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне – но чувствовал себя солдатом этой, научно-технической.

* Анатолию Марченко предлагали выехать за рубеж, но он отказался.

(Курчатов иногда говорил: мы солдаты – и это была не только фраза). Со временем мы узнали или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное удержание и т. п. ...Тогда мы ощущали все это скорей на эмоциональном уровне. ...Это действительно была психология войны. ...Сегодня термоядерное оружие ни разу не применялось против людей на войне. Моя самая страстная мечта (глубже чего-либо еще) – чтобы это никогда не произошло, чтобы термоядерное оружие сдерживало войну, но никогда не применялось».

(Андрей Сахаров. Воспоминания. – М., 2006).

Борис Львович Альтшулер – Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН, председатель Правления РОО «Право ребенка», член Общественной палаты Российской Федерации.

Б. Л. Альтшулер: «Мой отец Лев Владимирович Альтшулер, как и Андрей Дмитриевич Сахаров, входил в группу ученых – создателей советского ядерного оружия. Только отец делал атомные бомбы, а Сахаров – водородные, в которых атомная бомба служит «запалом». Но работали они бок о бок в ядерном центре «Арзамас – 16», то есть в городе Сарове, где и прошло мое детство – до окончания школы в 1956 году.

Помню, как мы с ребятами лазили по прорытым монахами под знаменитым монастырем подземным ходам. Но тогда я Сахарова не знал, а познакомился с ним в 1968 году, когда он согласился стать оппонентом моей диссертации по общей теории относительности. В августе того же года мы с ним оказались в одном самолете, направляясь на международную гравитационную конференцию в Тбилиси. Из-за грозы над Главным Кавказским хребтом самолет посадили в Минеральных Водах, и мы провели ночь на стульях в аэропорту.

Хорошо помню, как Андрею Дмитриевичу предложили проследовать в небольшую гостиницу аэропорта вместе с летевищими на конференцию иностранными физиками и как он, поблагодарив, отказался, когда выяснилось, что для его спутника – простого советского физика – места в гостинице нет».

А. Д. Сахаров и Б. Л. Альтшулер в течение 20 лет тесно сотрудничали в различных областях. В 1982–1987 гг. Альтшулер вынужден был работать дворником. Его отстранили от научной работы, так как власти были недовольны той помощью, которую он оказывал Сахарову и другим диссидентам. После возвращения из ссылки Сахаров поставил перед руководством Академии наук вопрос о приеме Альтшулера на работу в ФИАН, и с 1987 г. он трудится в Отделении теоретической физики.

Вечно живые идеи

Л. С. Кустова

Н. С. Трубецкой

Николая Сергеевича Трубецкого относят к младшему поколению русских ученых, которых считали представителями позднего «серебряного века», продолжившими русскую традицию энциклопедической образованности, что позволило им сделать выдающиеся открытия на грани разных наук.

С четырнадцати лет Трубецкой посещал заседания Московского этнографического общества. Его научная деятельность началась еще в гимназический период с публикации научных статей о финно-угорском язычестве. Изучение фольклора сочеталось с интересом к соответствующим языкам. В 1907 году он приступил к сравнительно-историческим и типологическим исследованиям грамматического строя северо-кавказских и чукотско-камчатских языков. Увлечение этнографией было у Трубецкого не единственным, он проявлял интерес к философии – русской религиозной и неокантианству. Можно сказать, что университетский принцип в получении знаний: все о немногом и немногом обо всем – был знаком ему с детства, что неудивительно, поскольку жизнь его отца была связана с Московским университетом.

Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) принадлежал к семье князей Трубецких, сыгравшей значительную роль в истории и культуре России*. Его отец Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905), профессор Московского университета, в 1905 году был

* Древняя княжеская фамилия шла от рода Гедиминовичей, к которому принадлежали выдающиеся русские деятели: боярин и дипломат Алексей Никитич (умер в 1680 году), фельдмаршал Никита Юрьевич (1699–1767), соратник Н. И. Новикова, писатель Николай Никитич (1744–1821), декабрист Сергей Петрович (1790–1860), скульптор Павел (Паоло) Петрович (1790–1860).

избран ректором. Волна беспорядков, обрушившаяся на университет в это время, поставила в сложное положение либеральных защитников академических свобод и привела С.Н. Трубецкого к безвременной кончине через месяц после избрания. Философские труды С.Н. Трубецкого и его брата Е.Н. Трубецкого (1863–1920) явились важным вкладом в русскую религиозную философию конца XIX – начала XX веков.

Н.С. Трубецкой поступил в Московский университет в 1908 году на философско-психологическое отделение, затем перевелся на отделение западноевропейских литератур, откуда перешел к академику Фортунатову на отделение сравнительного языкознания, которое закончил в 1912 году, и был оставлен на университетской кафедре. После командировки в Лейпциг, где он изучал доктрины младограмматической школы, вернулся в Московский университет, в котором преподавал с 1915 по 1916 год; вел занятия по сравнительному языкознанию. С 1915 года – приват-доцент. После революции 1917 года Н.С. Трубецкой уехал в Кисловодск, работал некоторое время в Ростовском университете. С 1920 года он в эмиграции – в Болгарии, Австрии, Германии, Франции, Чехии, где преподавал во многих европейских вузах. До 1922 года читал лекции в университете Софии, с 1923 года Трубецкой – профессор славянской филологии Венского университета.

Последние годы жизни провел в Вене. Был профессором славистики в Венском университете. В 1938 году после аншлюса Австрии пронацистски настроенного лингвиста по доносу вызвали на допрос в гестапо. Он был арестован на трое суток, в его квартире производились неоднократные, причем весьма грубые, обыски, повлекшие за собой инфаркт миокарда и раннюю смерть. Эта информация была получена Л. Н. Гумилевым от друга Трубецкого П. Н. Савицкого, по признанию которого, от концлагеря Трубецкого спас только титул князя. Он умер 25 июля 1938 года в больнице в возрасте 48 лет.

Трагически рано оборвалась жизнь Н. С. Трубецкого, не менее трагична и его судьба в науке. В силу специфических обстоятельств эмигрантской жизни наука в свое время не заметила многих его открытий. Некоторые из них получили признание уже по-

сле его смерти, другие остались неизвестными. Н. С. Трубецкой, автор научных трудов в сфере языкознания, литературоведения, культурологии, этносоциологии, был одним из зачинателей системного мышления в русской философии за два-три десятилетия до открытия системологии.

У нас, как правило, имя Н. С. Трубецкого ассоциируется с евразийством. Трубецкой считается основателем и теоретиком этого движения, возникшего в среде русской эмиграции. Большинство работ Трубецкого связано с «евразийскими» изданиями¹. Появлялись его работы на страницах газет «Версты» и «Возрождение»². Началом евразийского движения считается его книга «Европа и человечество»³, отмеченная при общем антизападном настрое синтезом научной и политической мысли, что было характерно для творчества в целом.

Сквозные идеи философа связаны с восприятием русских как особого типа – «евразийцев», отличающихся от европейцев и азиатов, а русской культуры как живого организма, сформировавшегося в результате особого географического положения между Европой и Азией и многовекового исторического развития, органически сочетавшего в себе славянские корни с влиянием византийского православия.

Трубецкой, в отличие от других евразийцев, придерживался традиционного взгляда на татаро-монгольское иго. Он воспринимал татарских пришельцев без трагизма как историческую данность, определившую специфику русской государственности

* Он сотрудничал в «Евразийском временнике», «Евразийских хрониках», газете «Евразиец» и «Евразийских тетрадах»

** Газета «Версты» (1926–1929, Париж) издавалась под руководством Д. П. Святополка-Мирского и ставила своей целью объединить лучшие силы эмигрантской интеллигенции, газета «Возрождение» (1925–1940, Париж) под редакцией П. Б. Струве, в подзаголовке именованная «печатным органом русской национальной мысли», придерживалась умеренно консервативного направления.

*** Работа «Европа и человечество» в 1920 году была опубликована в Софии. Затем с 1921 до 1937 года выходили непериодические сборники: «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» (1921, София), «На путях. Утверждение евразийцев» (1922, Берлин), «Евразийский временник» (1923 и 1925 в Берлине, 1927 в Париже), «Евразийские хроники» (1925–1937, Париж). С 1923 года у евразийцев было собственное книгоиздательство.

и характер народа. Отдавая должное влиянию византийской государственной идеи в период формирования единого московского царства, Трубецкой отмечал воздействие на него монгольской государственности в конструкции административной системы, организации финансов, почтовых путей, что нашло отражение в языке. Как видим, даже по ключевому вопросу евразийства Трубецкой занимал особую позицию.

В спорах о судьбе и будущем России Н. С. Трубецкой отдавал предпочтение сильной государственности. Но, рассматривая как положительный факт предотвращение большевиками распада державы, он активно протестовал против сторонников сталинизма – левого крыла евразийства. Философ отрицательно трактовал марксистский опыт коммунистической России, отречение от веры, отмечая, что революция в России не ограничилась кризисом власти, она привела к кризису национального самосознания, усилению сепаратизма. С болью и тревогой о будущем философ констатировал новое положение русского народа, который превратился из единственного господствующего в один из равноправных.

Еще в 1922 году Трубецкой высказывал опасения о будущем посткоммунистической России, прозревая угрозу превращения ее после падения большевиков в колонию Запада, чему, по его мнению, будет способствовать большая часть русской интеллигенции: «...с внешней стороны независимость России будет оставаться как будто незатронутой, <...> фиктивно самостоятельное, безусловно покорное иностранцам русское правительство в то же время будет, несомненно, чрезвычайно либеральным и передовым». С виду самостоятельный «правительственный аппарат» будет «проводником иностранной колониальной политики». При этом до известной степени суть дела будет закрыта от некоторых частей обывательской массы. Выход он видит в «резком переломе в сторону духовного отмежевания от Запада, утверждения своей национальной самобытности, стремлении к самобытной национальной культуре...». Если этого не произойдет, «Россию ждет бесславная и окончательная гибель»⁴.

* Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 302–303.

Единомышленники, называли Трубецкого «главным евразийцем»*. Вначале он действительно был лидером, но со временем стал тяготиться принадлежностью к евразийскому движению, главные его устремления всегда были связаны с наукой**. Трубецкой объявил о своем выходе из организации в 1928 году и отошел от политики, посвятив последние годы своей жизни целиком научной и педагогической деятельности***. При всей спорности некоторых установок евразийские работы ученого не только не устарели, но и приобрели особую злободневность в наши дни, когда национальные вопросы стали особенно острыми. До сих пор они находились в тени его открытий в лингвистической сфере, получившей научное признание значительно раньше.

Н. С. Трубецкой считается выдающимся теоретиком структуриализма, одним из основателей, наравне с Р. Якобсоном и В. Матезиусом, Пражского лингвистического кружка, ставшего центром мировой науки о языке в 20–30-е годы. Итоговый труд его «Основы фонологии», изданный посмертно на немецком языке в 1939 году, заложил фундамент для новой науки. Ученый занимался сравнительно-историческим языкознанием, открыл новые научные направления – историю литературных языков, типологическую и сопоставительную лингвистику, учение о языковых союзах и языковых контактах.

* Кроме П. П. Сувчинского и П. Н. Савицкого, наиболее близких к Н. С. Трубецкому, в евразийских изданиях принимали участие Г. В. Вернадский, В. Н. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев.

** Из письма П. П. Сувчинскому от 10.03 1928: «...Вы представить себе не можете, до какой степени мне все это осточертело. У каждого свое призвание. Мое призвание – наука. (...) Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большей пользой (и для себя, и для других) потратить на науку, что отнимаю время от науки и вместе с тем, что время уходит, что его, может быть, осталось не так много и что я так и исчезаю с суеты, ничего значительного в области своей науки не дав, зарыв свой талант в землю. Поймите, что это трагично». Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С.777.

***Большинство сподвижников Н. С. Трубецкого покинуло евразийское движение после его раскола в 1929 году, роковую роль в котором сыграла газета «Евразия», выходявшая чуть меньше года (1928–1929, Париж), способствовавшая разложению евразийства изнутри. Вышло 35 номеров просоветски настроенной газеты, в которой принял участие С. Я. Эфрон, агент ГПУ. Последующие выступления так называемых «новых евразийцев» выглядели пародией на своих предшественников.

Святополк-Мирский, Г.В. Флоровский, А.В. Карташев, С. Л. Франк. Это были талантливые ученые, обладавшие оригинальным мышлением, они обогатили русскую философскую мысль многосторонностью и системностью.

Заслуги Трубецкого в сфере истории и теории культуры известны значительно меньше. В его работах, не замеченных мировой наукой, россыпи уникальных мыслей, оригинальных дефиниций, намеченных к разработке задач, что сочетается с целостностью мировосприятия, ставшей важнейшей отличительной чертой науки XXI века. На это обращает внимание В. Н. Топоров, в образной форме характеризующий его методологию, отметивший синтетичность подхода, способность ученого охватить обширный и с виду разнородный материал совокупным взглядом при общей целостной установке и отчетливо центрированной доминанте, которая «не только не дает распасться разнородному и как бы не всегда связанному в своих частях материалу, но и, обхватывая его, как обручем, создает особую «энергетическую» тягу – вглубь, к истокам, к самой сущности проблемы»*.

Трубецким разработана философская система, дающая теоретическое обоснование национальным процессам. В центре ее – человеческая личность как индивид и народ, рассматриваемый как совокупная, коллективная личность. Главным в теории Трубецкого можно считать положение о трех признаках «национального целого»: «месторазвитие», общность исторической судьбы и совместная работа над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства.

Формирование национальной культуры, являющейся воплощением духовной жизни народа, создает условия для творческого осмысления мира, опирающегося на самопознание народа: «самопознание есть единственная и наивысшая цель человека на земле»**. Самопознание, по Трубецкому, включает две формулы: познай себя и будь самим собой. В этих двух формулах ключ к тайне национального своеобразия. Самопознание помогает народу выполнить свое «высшее назначение», заключающееся, по мысли Трубецкого, в создании самобытной духовной культуры.

* Цит по: Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С. 18.

** Трубецкой Н. С. Ук. соч. С. 116.

Через самопознание лежит путь к народной самобытности. Это трудный путь, включающий «взлеты» и «падения», сменяемые «застоем», который может быть передышкой после подъема с целью накопления сил для нового подъема, а может быть и признаком «творческого бессилия», предвестья гибели.

Важное место в теории Трубецкого о культуре отводится взаимоотношениям разных национальных культур. Практически он сформулировал закон о взаимодействии национальных культур. В процессе взаимовлияния разных национальных культур друг на друга философ выделил две противоположные тенденции, действующие параллельно: стремление к единству с другими культурами и утверждение национального своеобразия. Соблюдение баланса в этой сфере представляет сложную, но необходимую задачу взаимообогащения различных культур, поскольку изоляция ведет к обеднению национальной культуры, а навязывание народу чужой культуры грозит ему многими бедами.

Подтверждением теории Трубецкого в наши дни являются два развивающихся параллельно, парадоксально связанных друг с другом процесса, обозначенных терминами: глобализации и глокализации, или регионализации. Глобализация сопряжена с унификацией жизни в разных странах и формированием одинаковой, однообразной, «однородной» культуры. Глокализация свидетельствует об усиливающемся стремлении народов в условиях глобализации сохранить национальную самостоятельность, свою уникальную самобытную культуру.

С этими двумя тенденциями Трубецкой связывал понятия «истинного» и «ложного» национализма, обусловленного централистическими и сепаратистскими тенденциями, действующими одновременно. «Истинный» национализм, или патриотизм, предполагает равновесие этих тенденций, «ложный» определяется преобладанием одного из двух признаков: эгоцентризма или эксцентризма, которые в разумной доле присущи и «истинному» национализму. Абсолютизация одного из этих признаков ведет к появлению различных видов «ложного» национализма. Преувеличенный эгоцентризм вытекает из психологического состояния людей, считающих себя центром вселенной: это воинствующий шовинизм, космополитизм или «интернационализм». Эксцен-

тризм полагает центр не «внутри» народа, а «вне» его, носители эксцентризма считают свой народ несостоятельным по сравнению с другими народами и охвачены тщеславием «быть как все». К видам «ложного» национализма, который может ввести в заблуждение, Трубецкой относил «национальное самоопределение»^{*}.

Особое значение в наши дни приобретают мысли ученого о европоцентризме, по его терминологии – романо-германском эгоцентризме, заявляющем «о высшем совершенстве европейской цивилизации»^{**}. В связи с этим злободневной оказывается критика философом общепринятой теории эволюции народов, сопряженной с общепризнанным толкованием прогресса, мыслимым «как известная прямая линия».

Трубецкой отрицал распространенную в европейской науке «развернутую и разрезанную на куски кинематограмму эволюции», по которой «культуры различных народов отличаются друг от друга как разные фазисы общей эволюции, как разные этапы общего пути мирового прогресса»^{***}. Он убедительно доказывал, что невозможно научно обоснованно определить, где «начало» и «конец» у этой «эволюции».

К квазинаучным относил ученый аргументы в пользу превосходства европейцев над так называемыми «дикарями», или «первобытными народами». В системе доказательств философа «призрачным» оказывается считающийся «в Европе самым веским» аргумент, по которому «предки современных европейцев первоначально тоже были «дикарями»^{****}. В свете этого он трактовал как несостоятельный термин «первобытная культура»: можно лишь утверждать, что эта культура не похожа на современную европейскую цивилизацию. По мнению мыслителя, «умственный багаж» «дикаря» не менее сложен и богат, чем у европейца. Вывод ученого бескомпромиссен: «Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие»^{*****}.

* Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С. 767.

** Там же. С. 66.

*** Там же. С. 66.

**** Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С. 76.

***** Там же. С. 81.

По Трубецкому, «...никакая культура невозможна без заимствований извне». Заимствования, усвоенные органично, обогащают традицию: «Важно только, чтобы влияние одной культуры на другую не было подавляющим, чтобы культурные заимствования органически перерабатывались и чтобы из своих и чужих элементов создавалось новое единое целое, плотно пригнанное к своеобразной национальной психике данного народа»^{*}.

Замечание о национальной психике существенно, так как экспансия чужой культуры, насильственное ее внедрение опасны для исторической судьбы народа, поскольку фундаментом всякой национальной культуры является традиция и наследственность. Заимствованные элементы, противоречащие психическому складу народа и укладу общества, могут привести к замедлению культурного развития, рождению мифов о культурной, экономической и технической отсталости народа, что лишает народ национальной гордости, естественного патриотизма. Завершение этого процесса ученый видит сначала в экономической, а потом и в политической зависимости от другого народа^{**}.

Размышления Н. С. Трубецкого об «однородной культуре», сопряженной с тенденцией взаимного сближения национальных культур, и о многообразии культур, составляющих «радужную сеть», отражающую тенденцию сохранения национального своеобразия различных культур, приобрели особую актуальность в наши дни в связи с глобализацией.

Прозрение ученого об обреченности на тупиковое развитие «однородной культуры» нашло подтверждение в современной теории систем: такая культура нацелена на упрощение, а пределом упрощения системы является ее уничтожение, то есть гибель всякой культуры. Трубецкой находит параллель для «однородной культуры» в Вавилонском столпотворении Священного Писания. Смещение языков последовало после того, как человечество, говорящее на одном языке, создало «единую, общечеловеческую, ли-

* Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С. 336.

** Заклчения Трубецкого не утратили своей злободневности в наши дни, поскольку на смену европоцентризму пришел американоцентризм, навязывающий всему миру свои мифы, ценности, свой образ жизни и упрощенную культуру как высшее достижение и образец для подражания.

шенную всякого индивидуального признака культуру». В такой культуре при громадном развитии техники духовное вытесняется материальным: «...в однородной общечеловеческой культуре логика, рационалистическая наука и материальная техника всегда будут преобладать над религией, этикой и эстетикой, <...> в этой культуре интенсивное научно-техническое развитие неизбежно будет связано с духовно-нравственным одичанием»^{*}.

Интуитивно владея методом системного анализа, Трубецкой понимал, что однообразие, упрощение губительно для системы, а ее жизнеспособность во многом зависит от разнообразия ее элементов. Он осознал не только бесперспективность «однородной культуры», лишенной национальных корней, духовного смысла и высокого нравственного начала, но и предсказал жизнестойкость самобытных равноправных культур, образующих «радужную сеть», то есть целостную жизнеспособную систему в современном понимании: «В результате получается та же радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности. <...> При кажущейся анархической пестроте отдельные национальные культуры, сохраняя каждая свое неповторимое индивидуальное своеобразие, представляют в своей совокупности некоторое непрерывное гармоническое единство целого. И попытка человеческими руками разрушить ее, заменить естественное органическое единство живых ярко индивидуальных культур механическим единством безличной общечеловеческой культуры, не оставляющей места проявлениям индивидуальности и убогой в своей абстрактной отвлеченности, явно противоестественна, богопротивна и кощунственна»^{**}. Предупреждение Трубецкого становится все более актуальным с внедрением глобализации по всему миру.

Метафору о «радужной сети», воплощающей единство в многообразии, можно применить к самому Трубецкому. Исследование процессов формирования национальных культур и их взаимодействия с другими культурами – лишь одно из направлений в его многосторонней научной деятельности. Оно оказалось в центре

* Н. С. Трубецкой. Ук. соч., С. 329-330.

** Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С. 334-335.

нашего внимания в силу своей актуальности, поскольку содержит ответы на многие вопросы, которые приходится решать человечеству в XXI веке.

Научное наследие Н. С. Трубецкого представляет собой при всем разнообразии идей и прозрений единое целое, что обусловлено евразийским импульсом, пронизывающим все его творчество, и научной методологией*, позволяющей исследовать любое явление в его целостности с учетом сложных взаимодействий с остальным миром. Эта сторона его личности и творчества была отмечена автором комментариев к его трудам В. М. Живовым: «Трубецкой не был отдельно лингвистом, отдельно литературоведом и отдельно политиком. В понимании Трубецкого целостность мысли была одной из главных черт подлинной науки, и это требование он прежде всего предъявлял к себе самому. Он был в первую очередь мыслителем с очень широким размахом идей, и его конкретные интересы и занятия были производными от этого жизненного синтеза. Подобный синтезирующий подход в полной мере сохраняет актуальность и для сегодняшней науки»**.

Учителя и ученики

С. Н. Корсаков

Декан Юдинцев*

Сразу по окончании печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ был издан приказ министра высшего образования СССР С. В. Кафтanova № 1208 от 23 августа 1948 г., в котором говорилось: «Освободить от работы проводивших активную борьбу против мичуринцев и мичуринского учения и не обеспечивших воспитания советской молодежи в духе передовой мичуринской биологии:

– в Московском университете – заведующего кафедрой дарвинизма академика И. И. Шмальгаузена, заведующего кафедрой динамики развития растений профессора М. М. Завадовского, заведующего кафедрой физиологии растений профессора Д. А. Сабина, декана биологического факультета доцента С. Д. Юдинцева, доцентов биологического факультета С. И. Алиханяна, А. Л. Зеликмана, З. И. Бермана, Н. И. Шапиро»**.

Почему в этом списке значится декан биологического факультета Юдинцев, который, казалось бы, по должности обязан был проводить партийную линию, направленную на поддержку «мичуринской биологии» и борьбу с «вейсманизмом-морганизмом»? Что он за человек и почему стал одним из тех, кто до последнего сопротивлялся лысенковщине? С деятельностью Юдинцева на посту декана биофака МГУ связаны важные страницы противостояния лженауке, почти не освещенные в литературе. Да и сам Юдинцев – фигура полузабытая.

* Методологию тоже можно отнести к его прозрениям в XXI век, она во многом созвучна современному системно-синергетическому подходу.

** Н. С. Трубецкой. Ук. соч. С. 763.

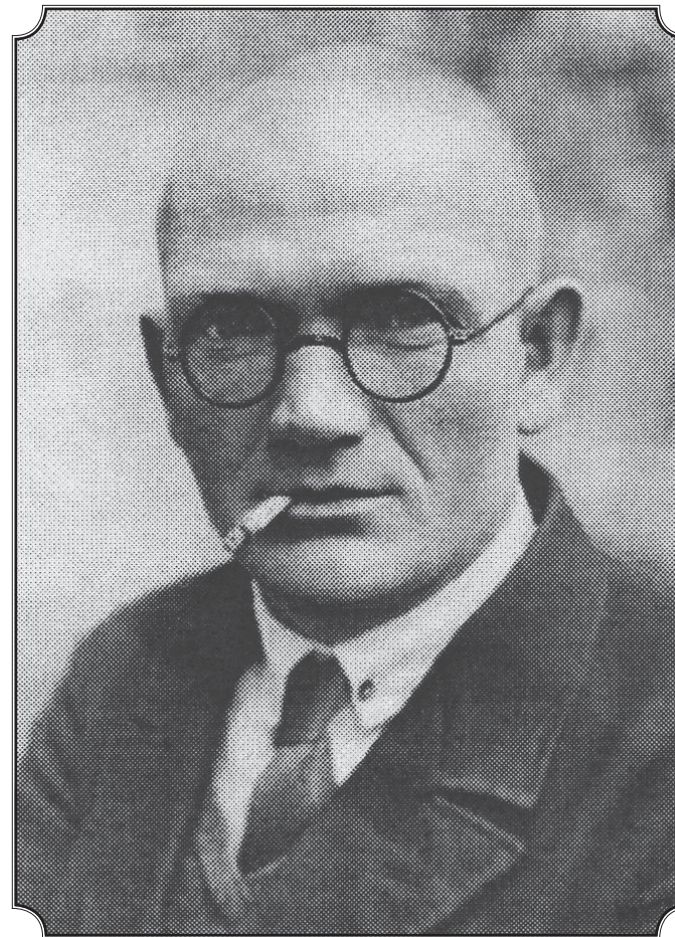
* Сокращенный вариант статьи С. Н. Корсакова, опубликованной в № 3 журнала «Природа» за 2010 г.

** Полянский Ю. И. Годы прожитые. Воспоминания биолога. – СПб, 1997. – С. 115.

Сергей Дмитриевич Юдинцев родился 20 марта (2 апреля) 1901 г. в деревне Николаевской Кундышской волости Яранского уезда Вятской губернии (ныне Вязовского сельсовета Тонкинском районе Нижегородской области) в крестьянской семье. Обучаясь в церковно-приходской школе в селе Русский Край, проявил незаурядные способности. Священник настоял, чтобы родители отдали мальчика в двухклассное училище в селе Кикнур, которое Сергей окончил в 1917 г. Дальше учебу пришлось прервать из-за материальных трудностей. Но мать Сергея приложила все усилия, чтоб он учился дальше. В сентябре 1918 г. пешком, в лаптях, с мешком сухарей за плечами, он отправился в г. Кукарку и поступил в учительскую семинарию, преобразованную позже в педагогический техникум. Учился на отлично. По окончании техникума в течение года работал учителем в школе I ступени в селе Русский Край, а затем поступил на биологическое отделение Вятского педагогического института, по окончании которого преподавал биологию в школе II ступени им. Короленко в Вятке и заведовал этой школой. Пройдя в октябре 1926 г. – ноябре 1927 г. армейскую службу в 1-м полку химзащиты в Москве, Юдинцев вернулся в Вятку, где преподавал биологию и заведовал учебной частью на рабфаке им. С. Халтурина.

По рекомендации кафедры биологии Вятского пединститута, в сентябре 1931 г. Сергей Дмитриевич был зачислен в аспирантуру НИИ зоологии биофака МГУ. Занимался по кафедре динамики развития организмов под руководством М. М. Завадовского. По окончании аспирантуры в сентябре 1934 г. был оставлен старшим научным сотрудником НИИ зоологии и одновременно работал заместителем декана биофака МГУ по учебной работе. В феврале 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «К проблеме специфичности действия гистоллизатов» и в 1938 г. получил ученое звание доцента. Он занимался изучением гормональных факторов развития организма.

В мае 1938 г. Сергей Дмитриевич был назначен деканом биологического факультета МГУ. Многих усилий ему стоило активизировать научную работу факультета. Под его руководством проходили ежегодные научные конференции по динамике развития организма. На страницах журнала «Вестник высшей шко-

Сергей Дмитриевич Юдинцев
(1901–1960)

лы» перед самым началом Великой Отечественной войны Юдинцев опубликовал обзор основных исследований ведущих ученых факультета, рассказал о темах, имеющих народно-хозяйственное значение, о факультетских экспедициях по изучению тюленей в Белом море, кормовых беспозвоночных в Аральском море и др.

Декан Юдинцев стал и первым историком биофака МГУ. В написанной совместно с П. П. Бондарским статье он рассказал о становлении факультета, который был организован в составе МГУ только в 1930 г. (на основе отделения, существовавшего с 1923 г.), в 1931 г. был расформирован и восстановлен в 1933 г. Авторы охарактеризовали учебные планы и структуру факультета. Такой же обзор был посвящен и работе существовавших при факультете научно-исследовательских институтов: зоологии, антропологии, экспериментальной морфологии, ботаники.

Когда началась Великая Отечественная война, Юдинцев вступил в народное ополчение, но вскоре его отозвали для работы в МГУ. Он руководил группой самозащиты местной ПВО, которая спасала университетские здания от вражеских бомб. Затем на плечи Сергея Дмитриевича легла тяжелая работа по эвакуации сотрудников университета и членов их семей. С августа 1942 г. по январь 1943 г. он исполнял обязанности ректора МГУ. При этом продолжал возглавлять биологический факультет. В послевоенный период на факультете проходили научные конференции по ихтиологии, гидробиологии, геоботанике, продолжали проходить конференции по динамике развития.

В чем состояла уникальность Юдинцева как декана биофака МГУ? Он отличался качеством, в общем-то нечасто встречающимся у руководителя. Прекрасно понимая, какие выдающиеся ученые работают на его факультете (И. И. Шмальгаузен, М. М. Завадовский, Д. А. Сабинин, А. Н. Белозерский, Г. И. Роскин, А. С. Семеновский, А. Н. Формозов и др.), он не испытывал дискомфорта по этому поводу, создавал условия для максимального раскрытия их таланта. И всегда защищал их. В результате на факультете сложилась «команда» ярких индивидуальностей, в свою очередь, воспитавшая ученых, составивших новую славу отечественной науки. По словам учившегося на биофаке МГУ в эти годы С. Э. Шноля, Сергей Дмитриевич «удивительным образом с этой блестящей

коллекцией был в полном резонансе и объединял ее; он с большим почтением относился к своим факультетским учителям, гордился ими и всеми силами им способствовал».

Был у Юдинцева и еще один талант – первейший для декана: его любили студенты, а это дано человеку, для которого факультет родной дом и который делает его таковым и для студентов. «С первого курса он знал всех студентов факультета по имени, и откуда родом, и как учится, и куда стремится. Всем говорил «ты», но только потому, что считал своими»*. Мудрость Сергея Дмитриевича хорошо видна в истории с назначением Сталинской стипендии Р. Б. Хесину, в будущем члену-корреспонденту АН СССР. Вот как об этом вспоминает Б. С. Кулаев: «Оправившись от тяжелого ранения, Роман был демобилизован и учился в Московском университете. Примечательно, что уже в это время всем было ясно, насколько неординарен этот студент, хотя он во все не старался отлично учиться по всем предметам, по многим дисциплинам имел четверки и даже тройки. В те годы лучшим студентам предоставляли повышенную Сталинскую стипендию. Ее мог получить лишь отличник, да притом еще и общественник... Встретившись с Романом, декан биофака Сергей Дмитриевич Юдинцев сообщил ему, что представил его к Сталинской стипендии.

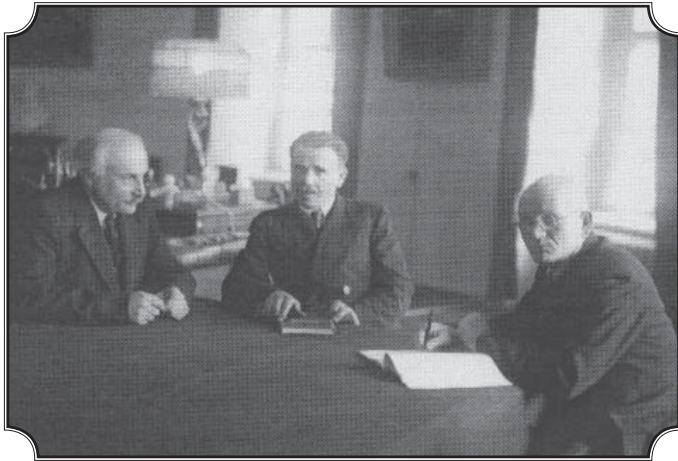
– Да что вы, Сергей Дмитриевич! При моем-то матрикеле...

– Что ты мне говоришь? Да и зачетную книжку свою ты потерял, а потому знать ничего не можешь о ее содержании. Завтра зайдя в деканат, выдадим тебе дубликат.

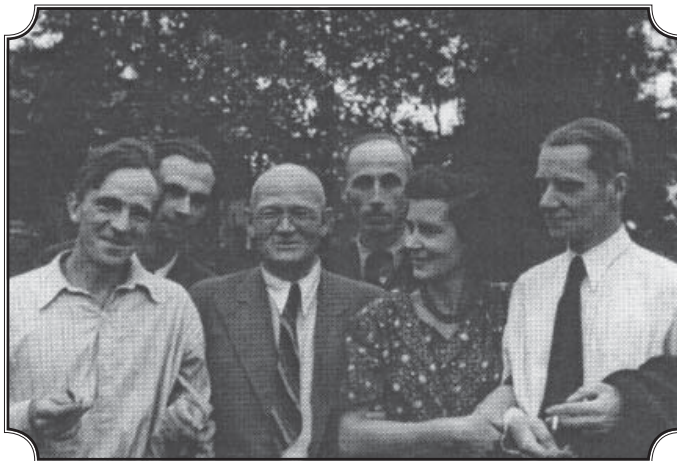
В результате этого не вполне корректного действия (в дубликате по всем предметам были выставлены отличные оценки) Роман стал сталинским стипендиатом, что дало возможность оставить его ассистентом кафедры генетики сразу после окончания университета. Все эти неординарные действия декана воспринимались студентами и преподавателями университета как должное, как адекватная оценка уникальной личности Романа**.

* Мозаика судеб биофаковцев МГУ 1930-1960 годов поступления. Т. I. М., 2007. С. 156.

** «Что невозможно, то и невероятно». Роман Вениаминович Хесин-Лурье // Природа. 1993. № 11.

В кабинете декана биофака МГУ: Г. И. Роскин, Д. А. Сабинин,
С. Д. Юдинцев.

С. Д. Юдинцев с сотрудниками кафедры энтомологии МГУ.
Крайний справа – заведующий кафедрой С. Е. Смирнов.

сессии ВАСХНИЛ Хесин был изгнан с факультета вместе с другими противниками лысенковщины.

Юдинцев всегда был готов помочь студентам, особенно фронтовикам. Всех студентов знал в лицо и по имени. К нему и в рабочий кабинет, и на квартиру в любое время шли за советом и помощью. Отсюда та любовь и уважение, та добрая память, которую он оставил в сердцах биофаковцев МГУ. Об этом свидетельствуют воспоминания бывших выпускников. Так, Е. С. Черненко пишет: «Не могу не вспомнить добрым словом нашего декана Сергея Дмитриевича Юдинцева. Коренастый, с большой круглой головой, то хмурый от обилия дел, то осветившийся улыбкой, когда удалось решить очередной вопрос. Он понимал наши студенческие нужды и старался нам помогать». Ю. Н. Куражковский вспоминает, что Юдинцев мог быть подчас резким, но «всеведущие студенты знали, что он очень внимателен к мнению профессоров и беззаветно защищает студенческие интересы. Например, когда была введена плата за обучение, он отдал все свои личные сбережения, чтобы не отчислить ни одного студента». Декан нередко заглядывал в аудитории, следя за порядком, заботился о том, чтобы обеспечить каждого студента карточками для питания в столовой – причем по рабочему, а не иждивенческому нормативу, талонами для приобретения обуви и одежды, не забывал и о тетрадах^{*}.

Сергей Дмитриевич хорошо понимал, что такое истинная наука и не допускал на факультете знахарства, рядящегося в одежды науки. В условиях нагнетания шабаша «мичуринской биологии» на факультете продолжали развивать традиции научной школы Н. К. Кольцова, затравленного лысенковцами в 1940 г.

В 1947 г. на факультете проходила третья генетическая конференция. Вступительное слово произнес ученик Кольцова А. С. Серебровский, который заявил о громадных достижениях советских генетиков и напомнил о 25-летнем юбилее работ с дрозофилой в советском Союзе, начатых С. С. Четвериковым, Д. Д. Ромашовым и др. в Институте экспериментальной биологии под руководством Н. К. Кольцова. Напомнил, как Г. Дж. Меллер на аэроплане привез в Институт чернобрюхую дрозофилу. Это говорилось за несколько

^{*} Мозаика судеб биофаковцев МГУ 1930-1960 годов поступления. – Т. 1. – М., 2007. – С. 91, 184, 241.

ко месяцев до того, как советские газеты заполнились измышлениями об антимичуринцах и «мухолюбах-человеконенавистниках», а генетики стали объектом карикатуристов «Крокодила». Основной доклад на конференции сделал С. И. Алиханян. Он четко обозначил позицию признания гена как материальной частицы, которая служит ключом к пониманию наследственности, изменчивости, мутаций, роли микросреды в развитии генотипа, сказал об открывающихся перспективах изучения гена совместно биологами, химиками и физиками, показал несостоятельность утверждений «критиков» хромосомной теории. Пророческими были его слова: «Недалек тот день, когда генетика совместно с физикой, физиологией, биохимией и цитологией... произведет в науке такой переворот, который даст нам в руки орудие для сознательного руководства развитием живой природы»^{*}.

Выступали Н.П. Дубинин, А.Р. Жебрак, Н.И. Шапиро, И.А. Рапопорт, Б. Л. Астауров, А.А. Прокофьева-Бельговская, П.Ф. Рокицкий, В. П. Эфроимсон и другие выдающиеся генетики. В рекомендациях конференции говорилось: «Перед нашими руководящими работниками должна стать первоочередная задача: всемерно развивать генетические учреждения, организовать генетические кафедры во всех университетах, сельскохозяйственных высших учебных заведениях и педагогических институтах». Это была позиция. Надо было иметь большое мужество, чтобы давать такие рекомендации советским руководителям от имени биофака МГУ в 1947 г.

В августовском номере журнала «Вестник высшей школы» за 1947 г. С. Д. Юдинцев совместно с Л. Б. Левинсоном публикует статью «Выдающиеся научное достижение кафедры гистологии МГУ», где давалась очень высокая оценка опытам Г.И. Роскина и Н. Г. Клюевой по биотерапии злокачественных опухолей с помощью препарата, названного круцином. Статья появилась в печати, хотя накануне выхода этого номера журнала во все партийные комитеты было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 16 июля 1947 г. «О деле профессоров Клюевой и Роскина». Авторы препарата КР обвинялись в том, что способствовали передаче в США через академика В. В. Парина рукописи их книги о биотерапии

* Вестник МГУ, 1947. – № 12.

Сотрудники Лаборатории динамики развития Института зоологии МГУ. Стоят: С. Д. Юдинцев, Л. В. Крушинский, М. Мстиславский. Сидят: Б. А. Кудряшов, Т. А. Детлаф, М. М. Завадовский (заведующий лабораторией). 1937 г.

злокачественных опухолей и ампул противоракового препарата. Был запущен новый виток общественной истерии. Парин был арестован и осужден, а Клюева и Роскин преданы так называемому суду чести и подверглись преследованиям.

В декабрьском номере «Вестника МГУ» вышла публикация С. Д. Юдинцева и Л. А. Зенкевича об их командировке в Югославию в августе – октябре 1947 г.^{*} Это был прекрасный в литературном отношении очерк, где с увлечением рассказывалось о природе Югославии, о мужестве, стойкости ее народа, его непреклонности перед любым вмешательством извне, о совместной работе югославских и советских специалистов. И писалось это в период, когда быстро вызревал конфликт Советского Союза и Югославии, Сталина и Тито. Первые симптомы его относятся именно к августу 1947 г., когда Сталин впервые выразил недовольство действиями югославских руководителей. Вскоре конфликт резко обострился, а 18 марта 1948 г. Сталин приказал отозвать из Югославии всех советских специалистов, после чего последовал разрыв отношений, а Тито был объявлен «фашистским палачом».

Главным столкновением в борьбе за подлинную науку стала для ученых биофака во главе с Юдинцевым дискуссия 1947–1948 гг. о внутривидовой борьбе. 18 октября 1947 г. в интервью «Литературной газете» Т. Д. Лысенко объявил широкой публике об очередном своем «открытии»: «Внутривидовой конкуренции в природе нет, и нечего ее в науке выдумывать». Аргументировал свое «открытие» Лысенко в традиционном для себя стиле: «Существует лишь конкуренция между видами – заяц ест волк, но заяц зайца не ест, он ест траву. Пшеница пшенице тоже не мешает жить». Убедительно? Отвергалось одно из важнейших положений биологии, и сотрудники биофака не смогли пройти мимо этого.

29 ноября 1947 г. Д. А. Сабинин, А. Н. Формозов, И. И. Шмальгаузен и С. Д. Юдинцев публикуют в «Литературной газете» «Наши возражения академику Т. Д. Лысенко». Пришлось разъяснять «народному академику», что поедание зайцев волками не межвидовая конкуренция, а отношения «хищник – жертва» и что в литературе давно описана конкуренция именно между

зайцами из-за пищи, удобных убежищ и т. д. Авторы статьи показали, что утверждения Лысенко, будто теория внутривидовой конкуренции связана с теорией Мальтуса, представляют собой не что иное, как перенос биологических закономерностей в область социальной жизни. «Внутривидовая борьба – краеугольный камень дарвинизма, – говорилось в статье. – Без нее становится фикцией естественный отбор – основной фактор эволюции животных и растений». Завершалась статья выводом, казалось бы, убийственным для Лысенко, гордившегося тем, что его «учение», в отличие от «буржуазной лженауки», полезно для народного хозяйства: «Мы считаем, что концепция Т. Д. Лысенко отвлекает научную мысль на неправильный путь, лишая тем нашу практику богатейших возможностей».

Отделом науки в «Литературной газете» заведовал тогда М. Б. Митин, которому лучше чем кому другому было известно, насколько прочной поддержкой пользуется Лысенко у Сталина. Напечатать статью ученых МГУ без того, чтобы дезавуировать ее, он не мог. Он ознакомил с текстом сотрудников Т. Д. Лысенко: А. Авакяна, Н. Беленького, И. Глущенко, Ф. Дворянкина, Д. Долгушина. Те написали ответ, опубликованный в «Литературной газете» на той же полосе, что и письмо биологов МГУ. В нем позиция настоящих ученых побивалась испытанным приемом – цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма. Ученики Лысенко сделали в своей статье очередное открытие: «Основным фактором эволюции мичуринцы во главе с Лысенко считают естественный отбор, который не связан ни с внутривидовой борьбой, ни с внутривидовой взаимопомощью».

10 декабря 1947 г. лысенковцам ответил академик ВАСХНИЛ Б. М. Завадовский, который мастерски показал, что «творческие дарвинисты» прибегли к недостойному приему – выборочному цитированию и передергиванию высказываний Маркса и Энгельса по вопросам дарвинизма. Он вновь отметил, что лысенковцы для обсуждения биологических проблем применяют социологическую аргументацию, отождествляют учение о внутривидовой конкуренции с мальтузианством и тем самым запутывают вопрос. Ситуация повторилась: Митин ознакомил лысенковцев со статьей до ее публикации и поместил в том же номере статьи В. Столетова

* Вестник МГУ, 1947. – № 2. – С. 145–160.

и Н. Трубина, призванные сгладить впечатление от статьи Завадовского.

А 27 декабря 1947 г. Митин лично «подвел итоги» дискуссии. Он заручился совсем уж неотразимым аргументом – цитатой из товарища Сталина о «плоском эволюционизме» Дарвина, который будто бы «отвергал диалектически понятое развитие». Митин утверждал поэтому, что не следует относиться к учению Дарвина как к догме и что отрицание внутривидовой борьбы есть не отрицание учения Дарвина, а перевод его в высшую фазу «советского творческого дарвинизма». Статья Митина сопровождалась примечанием, что редакция газеты разделяет высказанные в ней положения.

Дискуссия на страницах «Литературной газеты», таким образом, была исчерпана. Но Юдинцев и его соратники не пожелали оставить последнее слово за лысенковцами. Они перенесли борьбу в стены Московского университета, тем более что испытывали нападки и в родном МГУ. З. Я. Белецкий, известный своими экстремистскими воззрениями, на заседании кафедры диалектического и исторического материализма МГУ, которую он возглавлял, заявил: «Признание внутривидовой конкуренции основным фактором эволюции, как и вся формальная генетика, с которой это признание находится в непосредственной связи, представляет собой пережиток буржуазной идеологии в биологической науке». Под председательством Юдинцева было проведено специальное открытое заседание ученого совета биологического факультета МГУ по вопросам внутривидовой борьбы у животных и растений. Как рассказывает С. Э. Шноль, на этом заседании «после вступительного слова С. Д. Юдинцева великий следопыт, зоолог, натуралист профессор Александр Николаевич Формозов красочно рассказал, как на самом деле живут зайцы и волки. Академик Иван Иванович Шмальгаузен, как и на лекциях студентам, наклонившись к своим запискам, монотонно и без ораторства изложил существующие теории эволюции. Лучший лектор университета профессор Д. А. Сабинин говорил о проявлениях внутривидовой конкуренции в растительном мире на примере физиологии растений. Доклады участников заседания были опубликованы отдельным изданием под редакцией Юдинцева.

В № 2 «Вестника МГУ» за 1948 г. С. Д. Юдинцев, А. Л. Зеликман и З. И. Берман выступили с развернутой теоретической статьей «К вопросу о внутривидовой борьбе за существование». Авторы не только подробно разобрали возражения лысенковцев против внутривидовой борьбы, но и предельно ясно показали смысл этого вопроса для биологической науки.

В феврале 1948 г. деканат биофака МГУ организовал Всесоюзную конференцию по проблемам дарвинизма. В ее работе, которая продолжалась в течение шести дней, приняли участие ученые из АН и АМН СССР, крупнейших университетов страны, сельскохозяйственных и медицинских институтов. Среди докладчиков были И. И. Шмальгаузен, М. М. Завадовский, А. А. Парамонов, И. П. Эфроимсон, М. М. Камшилов и др. По воспоминаниям С. Э. Шноля, в Большой коммунистической аудитории МГУ «всюду на ступеньках, в проходах, на высоких подоконниках, плотной толпой в дверях стояли шумные, возбужденные студенты», которых было так много, что самому Юдинцеву с трудом удалось войти в зал. «Это была последняя перед сессией ВАСХНИЛ 1948 г. возможность заявить о чрезвычайной опасности для страны, ее сельского хозяйства, ее благосостояния лысенковского обскурантизма»^{*}.

Ход конференции и принятые на ней резолюции были подробно освещены в статье С. Д. Юдинцева и А. Л. Зеликмана в «Вестнике МГУ». Авторы обзора отметили, что особенностью конференции было привлечение внимания не только к собственно научной, но и к философской стороне проблемы. Ведь лысенковцы оперировали в основном идеологическими аргументами. Участники конференции решили обратиться в Министерство высшего образования с тем, чтобы увеличить удельный вес естественнонаучных дисциплин в программах философских факультетов университета.

В принятом 8 февраля 1948 г. постановлении по итогам конференции говорилось: «Игнорирование или отрицание роли внутривидовой борьбы за существование является несостоятельным в фактическом и методологическом отношении и неизбежно должно привести к антидарвинизму». Был избран оргкомитет для

* Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997. С. 319–320.

проведения второй конференции, но ей уже не суждено было состояться.

Сразу же после августовской сессии ВАСХНИЛ Юдинцев был снят с должности декана. Его изгнание было существенной утратой как для студентов, так и для факультета в целом.

12 августа 1948 г. в Большой зоологической аудитории биофака МГУ состоялось общее собрание коллектива факультета. Открывая собрание, ректор МГУ А. Н. Несмеянов сказал, что Т. Д. Лысенко поддерживают партия и правительство, что, поскольку декан С. Д. Юдинцев совершил в прошлом ряд ошибок, он отстранен от занимаемой должности, и представил нового декана И. И. Презента. Как вспоминает Ю. Л. Цельникер: «Вслед за ректором выступил Юдинцев, который монотонным голосом зачитал по бумажке, что он совершил ошибку, собрав совещание по внутривидовой борьбе, поддержав противников Лысенко, и считает, что увольнение его было справедливым». За этим последовало драматическое выступление Сабинина, сказавшего, что ни при каких условиях не отречется от истины. Эти слова Сабинин вскоре подтвердил своей гибелью.

Юдинцев очень переживал вынужденный уход из МГУ. В ноябре 1948 г. он по приглашению академика АМН СССР Г. Ф. Гаузе поступил старшим научным сотрудником в Лабораторию антибиотиков АМН СССР, а с января 1953 г. работал в секторе антибиотиков Института фармакологии, химиотерапии и химиопрофилактики АМН СССР. Им были проведены исследования по всасыванию, циркуляции и выделению антибиотиков из организма. Им был установлен ряд новых научных фактов относительно влияния физиологического состояния макроорганизма на циркуляцию антибиотических веществ. Он показал, что уровень концентрации антибиотиков в крови, а следовательно, и их лечебный эффект в организме зависят от состояния нервно-гуморальных факторов макроорганизма. Итогом стала защищенная в 1954 г. докторская диссертация «Некоторые закономерности циркуляции антибиотиков в зависимости от физиологического состояния организма». Тогда же он получил звание профессора.

В декабре 1953 г. Сергея Дмитриевича назначили директором вновь созданного Института по изысканию новых антибиотиков

АМН СССР. Небольшую лабораторию, в которую пришел работать в 1948 г., он сумел превратить в институт и получить для него прекрасное здание. Юдинцев оставался в должности директора до конца жизни. При его участии в 1956 г. был основан журнал «Антибиотики», в котором опубликован ряд его научных статей. Под его редакцией в 1958 г. вышли труды симпозиума «Пути и методы изыскания противораковых антибиотиков».

Умер Сергей Дмитриевич Юдинцев 26 января 1960 г. в Москве.

Запрещение преподавания дарвинизма в Америке

«Огонек», 1926, № 33

В настоящее время в шести штатах Соединенных штатов Северной Америки запрещено преподавание эволюционной теории. При запрещении преподавания дарвинизма в штате Теннесси был издан специальный закон (билль), в котором заявлялось, что «должно считаться незаконным преподавать теорию, которая отрицает теорию божественного сотворения человека, как она изображается в Библии, и учит вместо этого, что человек происходит от животных низшего порядка».

В Америке, в особенности в Южной, где именно находятся те шесть штатов, запретивших преподавание дарвинизма, особенно сильна расовая ненависть белых по отношению к неграм. По словам «Nature», некоторые американцы заявляют, что негры не могли произойти от Адама и что негры вообще не люди.

Брайн, кандидат в президенты, (на днях умерший) в течение 20 лет являлся виднейшим борцом против эволюционной теории дарвинизма в Америке. Брайн установил следующие семь смертных грехов дарвинистов: 1) они смеют считать, что Библия не непогрешима, 2) что человек не сотворен по образу и подобию Божию, 3) они не признают чудес, 4) не признают девственного зачатия, 5) не признают Бога, 6) отпущение грехов, 7) не признают воскресения из мертвых. Но больше всего

Брайн оскорблен тем, что дарвинисты смеют утверждать, что человек произошел не от американской обезьяны, а от африканской. Это оскорбление перенести Брайн не может.

В заключение пятилетней кампании в Америке против дарвинизма некий доктор Джон Скопс был удален с кафедры менчирокского университета за преподавание дарвинизма. Причем во время следствия было установлено, что сам Скопс – «человек высоко христианского характера, что д-р Скопс никогда не учил, что “эволюция есть факт”, а что это только теория и т.д.».

Эдисон пожелал выступить на процессе доктора Скопса в качестве свидетеля со стороны защиты, но защита Эдисона не помогла д-ру Скопсу, который присужден к штрафу в 100 долларов.

Так, выжимая из научных работников добавочную сверхприбыль, американская буржуазия не позволяет им вносить в сознание широких масс итоги своих научных исследований, ибо это повело бы к вскрытию основных пружин грабительского буржуазного строя.

М. И. Алексеева

В поисках утраченного времени

Удивительные шестидесятые... Достопамятные встречи, вдохновенное общение, неожиданные откровения... Отдельные эпизоды, штрихи, детали возвращают прошлое, оставляют надежду на то, что не распалась связь времен.

Профессор Московского университета Александр Васильевич Западов – мой учитель. Как самое драгоценное и сокровенное храню в своей памяти его уроки.

...Как-то встретила Александра Васильевича в узеньком, темном коридорчике старого здания факультета на Моховой. После бессонной ночи чувствовала себя отрешенной от мира сего, ничего вокруг не замечала. Ночью читала «Доктора Живаго». Западава увидела сразу. Поздоровалась. Открываю книгу, показываю название.

– Александр Васильевич! Что Вы думаете об этом?

Быстрый взгляд и мгновенный ответ:

– Гениальная вещь!

И он уже в движении, в полете... И не утнаться за ним.

Именно тогда Александр Васильевич окончательно завоевал мое доверие, оценив роман по достоинству, сказав об этом вслух.

Вскоре я стала счастливой обладательницей «Доктора Живаго» (с дипломатической почтой доставили из Штатов), о чем могла только мечтать. В течение многих лет это было мое любимое чтение. И всякий раз, открывая книгу, я вспоминала Западава.

В 60-е годы я всерьез увлекалась поэтическим творчеством. Писала много, по всякому поводу. Решила отобрать, на мой взгляд, лучшие из стихов и показать Александру Васильевичу. Но однажды попала на встречу А. В. Западава с редколлегией факультетской газеты, которую он иначе, как «подметным листом», в тот день не называл. Это был не разбор, а разгром. Помню, как он уже не с юмором, а с сарказмом говорил:

– А рифму «ногу» – «не могу» всю жизнь помнить буду.

Стихи Александру Васильевичу я так и не решила показать, а вскоре и писать перестала.

И другое воспоминание...

Как-то звоню Александру Васильевичу по телефону:

– Держу в руках машинописный текст сборника стихов Мандельштама под редакцией Оцуца (самиздат это был, конечно).

В ответ коротко:

– Приезжайте. У меня Анна Андреевна. Как ехала (ехала или бежала?) – не помню. С Арбата до Западовых – рукой подать. В считанные минуты я у цели... Александр Васильевич помогает мне раздеться, провожает в столовую. Через несколько минут в комнату величественно вливается Анна Андреевна. Неизменное лиловое платье и желтая шаль. Нет, не шаль, а легкий газовый шарф. Уже знакомая мне седина. Строгий профиль. А глаза?

*Я придумал это, глядя на твои
Косы-кольца огневещущей змеи,
На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза...*

В первое мгновение меня поразили бесцветные, прозрачные глаза Ахматовой, но очень скоро я поняла, что глаза живые, взгляд острый, всевидящий. Анна Андреевна приветливо поздоровалась и сразу за стихи. Я мало знала тогда о скрещении судеб Ахматовой и Мандельштама. Потом, прочитав воспоминания Надежды Мандельштам, многое поняла.

Анна Андреевна листала страницы, комментируя стихи. Мне казалось, она помнит каждую строчку.

– Нет, здесь не так! Это первый его вариант, окончательный звучит иначе.

Почему-то мы тогда все трое стояли. Всем своим видом Александр Васильевич являл глубокое благоговение и трогательную, робкую нежность. Анна Андреевна вспоминала, по какому случаю написано стихотворение, сравнивала редакции. Мне кажется, я слушала тогда очень внимательно, но не помню сейчас ни одной подробности. В то время я много раз собиралась сделать записи, но все откладывала. Теперь многое забылось, и я ищу в своей памяти следы былого...

И. Я. Новицкая

Урок поэтического мастерства: Астрид Линдгрэн дает профессиональные рекомендации

Астрид была не только талантливым писателем и журналистом, ярким общественным деятелем, но и мудрым добрым человеком, всегда готовым помочь. Ее профессиональные и дружеские советы оказывались подчас неожиданными, но в высшей степени своевременными и необходимыми. Помню, как она обучала меня поэтическому мастерству. Однажды при встрече Астрид спросила, не пишу ли я стихи. Я призналась ей, что в юности, еще учась в университете, писала. А потом, как и многие мои однокурсники, показывала их нашему преподавателю русской литературы Эдуарду Григорьевичу Бабаеву. Эдуард Григорьевич хоть был человеком добрым и гуманным, совершенно честно и безапелляционно отмечал в наших «творениях» то, что считал настоящей поэзией, и то, что являлось, по его мнению, простым рифмоплетством. Возвратившись из университета домой, мы в одиночестве подсчитывали свои жемчужины в навозе. Увы, моих «перлов» было прискорбно мало. Их не хватило бы даже на одно весьма скромное ожерелье. Об этом я и рассказала Астрид. Тогда она попросила меня прочитать что-нибудь из моих юношеских стихотворений.

– По-русски? – спросила я.

– По-русски, – ответила Астрид.

Я прочитала.

– Звучит недурно, – сказала Астрид. – С рифмой у тебя, мне кажется, все в порядке.

– Вот и Эдуард Григорьевич говорил, что в рифмоплетстве я сильна. И ничего более, – завершила ее я.

– А теперь переведи свои стихотворения.

Я перевела.

Некоторое время Астрид сидела молча, а потом сказала:

– Знаешь, я согласна с твоим учителем.

– Он говорил, что в поэзии должна быть недосказанность, тайна, а у меня этого нет. У меня все просто, как дважды два.

– Да нет. Дело даже не в тайне... Но в твоих стихах чего-то явно не хватает...

– Таланта! – завершила я Астрид.

– Таланта, говоришь?.. – задумчиво произнесла она. – А мне кажется, в твоих стихах нет тебя, твоей души. Вместо того, чтобы выплеснуть в стихотворении душу, ты словно прячешь ее за изошренной рифмой. Вот и не получается настоящей поэзии. Мне кажется, ты потому и стала переводчиком художественной литературы, а не писателем, что боишься выразить свое сокровенное... И вообще, как ты садишься писать стихи? – помолчав, спросила она.

– Как? – удивилась я. – Обыкновенно. Пятой точкой на стул.

– Да нет, Ирина! – рассмеялась Астрид. – Я совсем не то имела в виду. Как ты садишься писать стихи? В каком настроении? С радостью или грустью? В какое время дня? Утром или вечером?

– Ну-у-у, не знаю, – протянула я. – Когда как... Бывает, утром, а бывает, и вечером.

– Например, утром, – сказала Астрид. – Вот ты проснулась. А потом?

– Умылась, оделась, села, поела...

– И взялась за стихи?

– Ну да.

– Сытая?

– Угу.

– Довольная?

– Угу.

– Спокойная?

– Ну, утром, в общем – да. Никто еще не успел испортить настроение.

– Та-а-ак, – подытожила Астрид. – Значит, ты садишься писать стихи сытая, довольная, спокойная и холодная, как собачий нос! И при этом еще рассчитываешь создать шедевр?!!

– ..?

– Ты только вспомни, как писал Гамсун! Его книгу «Голод»! – загорелась Астрид и вдруг спросила: – А что ты делаешь, когда, например, разозлишься? Бывают же у тебя, наверное, такие минуты?

– Бывают, – честно призналась я.

– И что ты тогда делаешь?

– Злюсь.

– Вот так просто сидишь и злишься?

– Ну почему обязательно надо сидеть? Я могу злиться и стоя, и даже лежа.

– Потрясающе! – сказала Астрид. – И это все?

– Ну...нет... – растерянно пробормотала я. – Иногда начинаю стирать и драить полы...

– Вот!!! – воскликнула Астрид. – Вот! А ты попробуй вместо тряпки или швабры взять в руки перо!

– И что?

– А ты попробуй, и сама узнаешь – что!

Случай не заставил себя долго ждать. В конце зимы в Москве выдался ужасный день. Ненастный. Дождь со снегом. Под ногами хлопала грязная жижа. В метро ругались и толкались. На улице водитель-лихач облил меня с ног до головы грязью из лужи, испортив мое белое пальто. Дело было на заре перестройки. Продуктов не хватало. Зато во всех овощных магазинах появились свежие огурцы. Длинные, парниковые. Назавтра я ждала гостей. Одним таким огурцом можно было украсить все блюда моего не слишком обильного стола. И я, усталая и голодная, поплелась в овощной магазин. В магазине тоже ругались. Овощи отпускал пьяный вдрызг продавец, постоянно падая в стоявшую у него под ногами корзину с картошкой. Выстояв огромную очередь, я попросила у продавца один огурец. Еле держась на ногах, он выудил из-под прилавка нечто ядовито-зеленое, закрученное тугой спиралью. Я попросила продавца дать мне нормальный огурец, а не эту загогулину, которую и нарезать-то невозможно. Но тот, дыша на меня перегаром, упорно совал в мой целлофановый пакет огуречного монстра.

– Да не нужен мне этот кривой огурец! – возмутилась я.

– Фусь! – заорал на меня пьяница, являя наш великий и могучий русский язык во всей его первозданной красе. – Фусь, до чаво ж ты привередлива! Огурец ей, видишь ли, кривой! Ну-у, може, и впрямь кривоват маненько... Дык тябе чаво? Тябе ж ня замуж за няго иттить!

Подобно вдове Грицацуевой, я медленно, но верно «закипала как большой монастырский самовар». Домой я вернулась без огур-

ца, в грязном пальто и «в состоянии духа», как говорил чеховский Епиходов. В почтовом ящике лежала газета. В газете на первой полосе подводились итоги поэтического конкурса, объявленного компаниями «СВ» и «SAMSUNG». Согласно условиям конкурса, надо было придумать в стихах рекламу продукции «SAMSUNG». Здесь же, на первой полосе, публиковались шедевры поэтического творчества наших трудящихся. Первую премию получил автор следующего стихотворения:

*SAMSUNGa эллипс нам давно известен,
И куб СВ мы сразу узнаем.
Изящество и прочность ценим вместе,
И в магазины ТЕХНОСИЛА всей семьей идем.*

Скомкав газету, я в самом паршивом настроении понеслась к лифту. Лифт не работал. Пришлось «цокать» на тринадцатый этаж своим ходом. Хорошо еще, что ключи не забыла. Тем не менее, многочисленные «радостные» события этого дня вкупе с переизбытком эстетического вкуса наших трудящихся подействовали на меня, мягко говоря, удручающе. Поэтому, едва войдя к себе, я сердито схватила за швабру. И тут какой-то внутренний голос сказал мне: «Других критиковать легко! А самой написать рекламу в стихах – слабо!» Моя рука сильнее сжала швабру. И вдруг я услышала голос Астрид: «А ты попробуй вместо тряпки или швабры взять в руки перо!» «Так и быть – попробую», – решила я и, схватив ручку, написала первое, что пришло на ум:

РЕКЛАМА ХОЛОДИЛЬНИКОВ ФИРМЫ «SAMSUNG»

*Холодильники «SAMSUNGa» –
Техночудо и краса!
Холодильники «SAMSUNGa»
Вытворяют чудеса!
К нам недавно в холодильник
Вместо масла и котлет,
В наш любимый холодильник
Угодил наш старый дед.
Трое суток отсидел –
Посвежел, помолодел,
А потом, схватив в охапку,
Молодеть задвинул бабку!*

Злости сразу же заметно поубавилось. И я снова застрочила пером по бумаге. Я долго еще в тот вечер писала в стихах разную рекламу и веселилась от души! Нет, я, конечно же, ни на йоту не приблизилась ни к Ахматовой, ни к Цветаевой (чего от природы не дано – того не дано!). Зато Астрид Линдгрэн помогла мне открыть для себя удивительную, потрясающую возможность энергетической трансформации. Ученые, психологи и медики до сих пор спорят между собой о том, нужно ли давить в себе негативные эмоции, что может приводить к различным заболеваниям. Однако и выплескивать свой негатив на окружающих – не годится. Астрид научила меня преобразовывать негативную энергетику злости, страдания, отчаяния – в энергию позитивную, светлую, творческую.

– Злость – это огромная сила, – говорила мне Астрид. – Если ты чувствуешь злость, отчаяние, боль, не дави их в себе. Отдайся во власть этому потоку! Пиши все, что рождается в этот момент в твоей душе! Не думай, не рассуждай, не оценивай, не пытайся подправить слова или рифмы! Ты успеешь сделать это потом, когда будешь редактировать свои стихи или рассказы. А пока просто пиши! Злость может стать великой созидательной силой, если найти ей достойное применение!

В. С. Виноградский

Аудитория

Они глядят, так пристально глядят
На кафедру, с которой ты вещаешь,
За мыслью страстной преданно

следят,
За всем, что громогласно
утверждаешь.

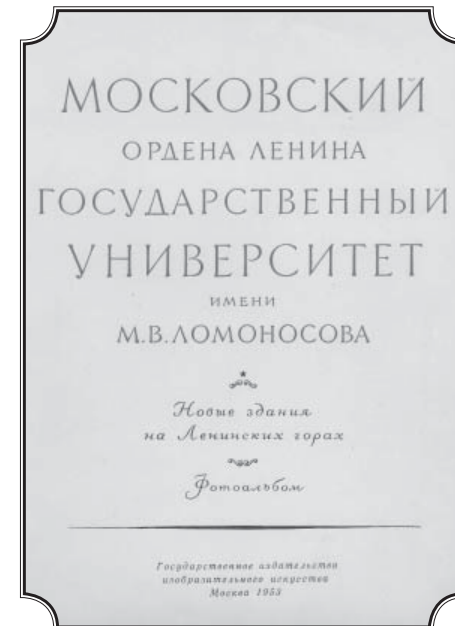
Псевдоученой не учи строке!
Теории не зря выходят боком,
Коль их несешь на «птичьем»
языке,

Забыв язык Есенина и Блока.
Неискреннего слова не щадят
Студентов нестареющие перья.
Глаза глядят...
Доверчиво глядят...
Не обмани, оратор, их доверья!

Наш дом. Строительство и архитектура

Фотоальбом. Новое здание

Выпускники МГУ 1954 года стали обладателями уникального фотоальбома. Здание на Ленинских горах только открыло свои двери, и фотограф запечатлел на снимках детали жизни и быта студентов, архитектурные «подробности», которые при общем взгляде на здание невозможно рассмотреть. Мы предлагаем вниманию читателей отдельные фото из альбома, любезно предоставленного нам выпускником 1954 года Н.Ф. Усом

Памятник М.В. Ломоносову, установленный перед зданием университета

Фрагмент главной аллеи со скульптурами выдающихся русских ученых

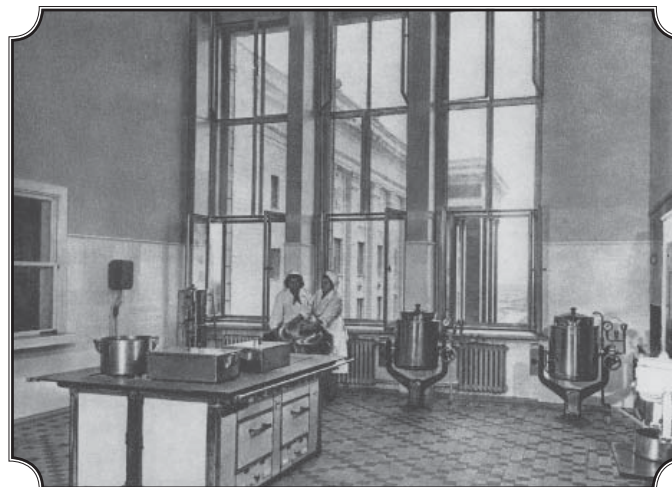
Главное здание. Фасад со стороны Москвы-реки. В центре - 32-этажная центральная часть здания

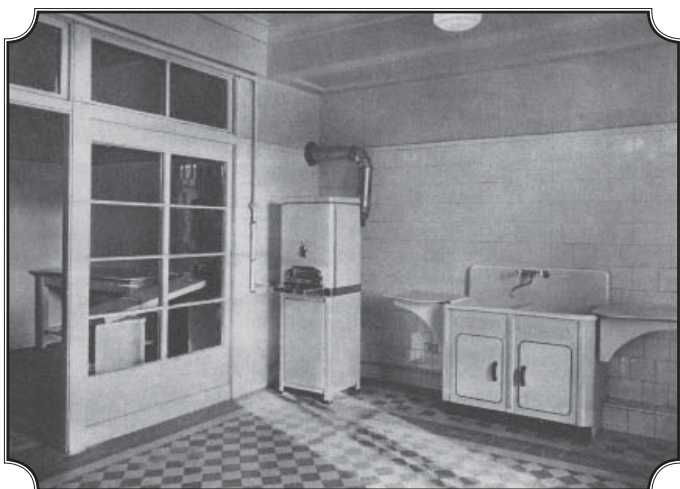
Альпинарий агроботанического сада

В кухне студенческого общежития

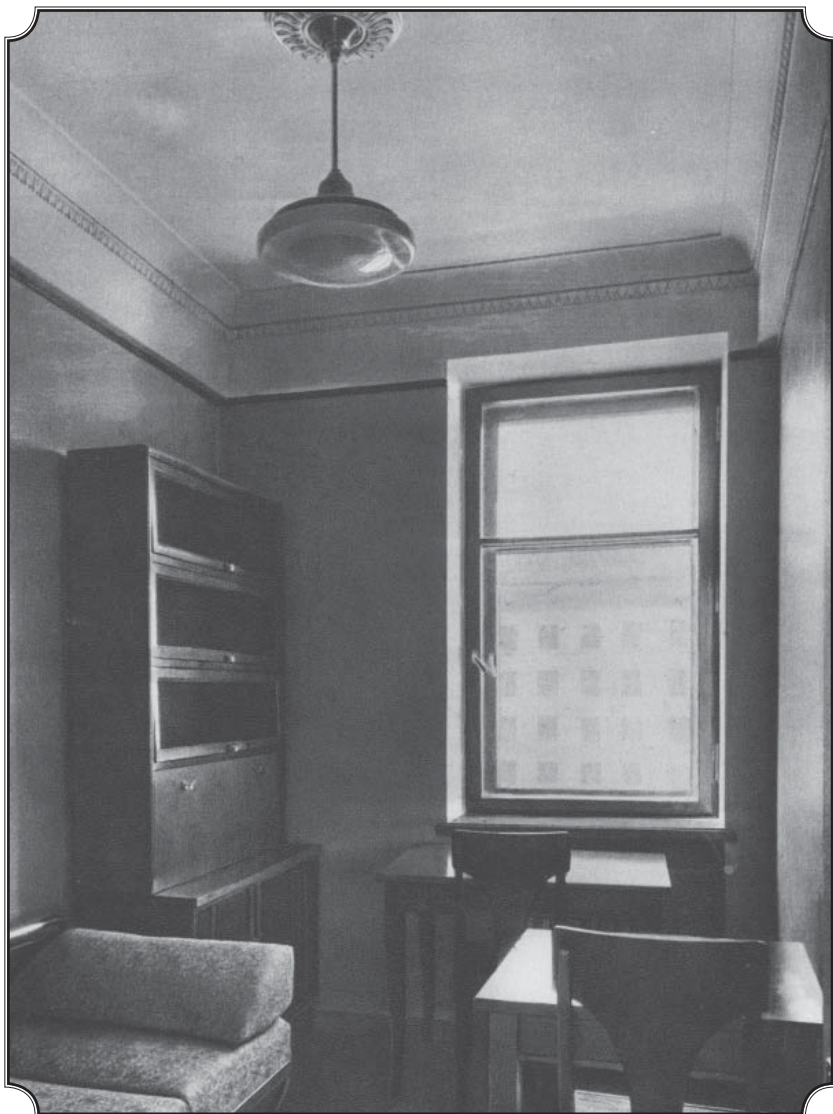
Кухня диетической столовой

Вспомогательная кухня в студенческом общежитии

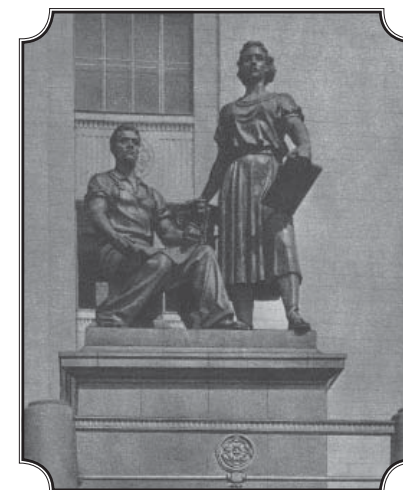
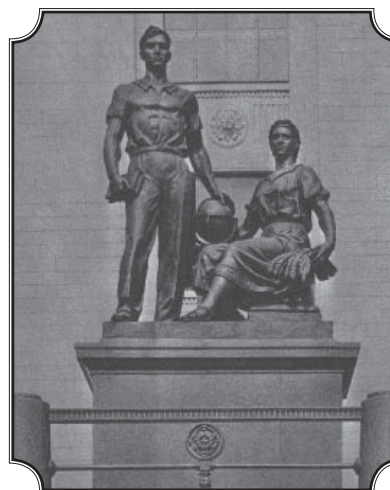
Гостиная в студенческом общежитии

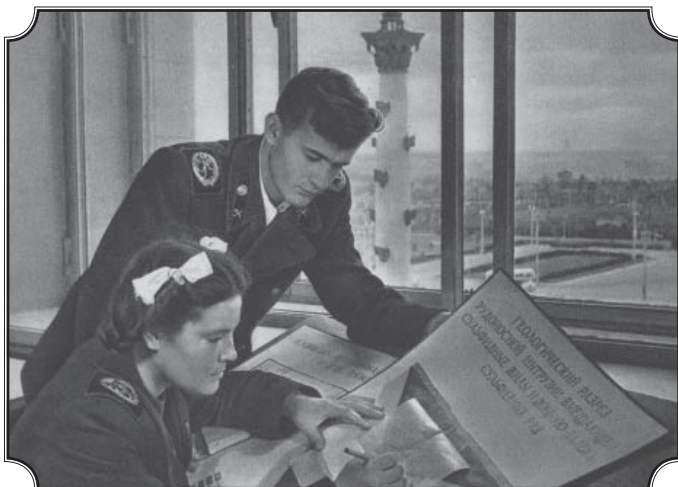
Жилая комната студента

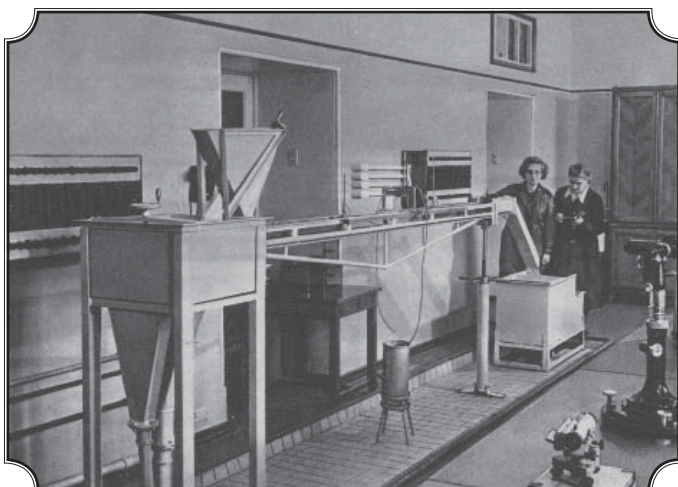
Двухсветный читальный зал географического факультета

Скульптурные группы у главного входа с южной стороны
Авторы С. Орлов, А. Антонов, Н. Штамм

Студенты геологического факультета на занятиях
в одной из лабораторий

Одна из лабораторий физического факультета

Арочные проезды главного здания

В диетической столовой

Левая часть барельефа «Народ созидатель»
Скульптор Г.И. Мотовилов

Скульптурный аттик над главным входом

Правая часть барельефа «Народ созидатель»
Скульптор Г.И. Мотовилов

Фигуры знаменосцев на портике главного входа

М. И. Алексеева

Старое здание МГУ. Аудиторный корпус

В XVI веке территорию, на которой сейчас располагаются научная библиотека и учебно-полиграфическая лаборатория факультета журналистики, занимал Опричный двор Ивана Грозного. В XVII веке земля принадлежала князю Черкасскому, затем адмиралу Апраксину, далее – князю Долгорукову. Наконец, участок земли был передан Медицинской коллегии, которая разместила здесь главную аптеку.

В конце XVIII века земля перешла к Пашковым. Здесь был построен дом для балов. В 1832 году Николай I купил дом для Московского университета. Архитектор Е. Д. Тюрин начал его переоборудование. На перестройку ушло 3 года. В 1835 году Аудиторный корпус начал функционировать. Во флигеле, где помещался театр, в 1837 году была устроена Татьянинская церковь.

В 1901-1904 годах Аудиторный корпус вновь подвергся перестройке, на сей раз под руководством архитектора К. М. Быковского. Над зданием был возведен трехъярусный стеклянный купол. Пять входных арок заменены одной большой дверью. Здание было переоборудовано внутри. Тогда появились две большие лекционные аудитории (ныне 232 и 201).

Первый памятник М. В. Ломоносову (первый в Москве) воздвигнут перед зданием в 1876 году. Он был выполнен скульптором С. И. Ивановым. В 1941 году постамент памятника был разрушен во время воздушного налета. В 1945 году перед корпусом установили временный памятник работы С. Д. Меркурова, а в 1957 году – бронзовый памятник, который стоит и сейчас. Авторы его – скульптор И. И. Козловский и архитектор Г. Г. Лебедев.

12 мая 1963 года – день открытых дверей на гуманитарных факультетах. На первой полосе газеты «Журналист», выпущенной по этому случаю. – стихи Игоря Волгина, студента исторического факультета, участника всесоюзного совещания молодых писателей. Сейчас Игорь Волгин – профессор факультета журналистики МГУ.

О, дворик на проспекте Маркса
(Или на бывшей Моховой),
Моя решительная муза –
Студенточка перед тобой!
Здесь у прославленной читальни,
Вкусив премудрости ее.
Сидят на лавочках титаны,
Что знают абсолютно все, –
С международной обстановки
До часа запуска ракет.
И что в студенческой столовке
Сегодня будет на обед.
Какие мысли у деканов,
Что ел на завтрак Мопассан,
И содержание романов,
Которых он не написал.
Все факультетские светила
Дымят «Дукатом» в небеса.
И, как судьба, неотвратимы
Их молодые голоса.
Небрит, решителен и стоек,
Пять раз срезавший диамат.
Несет стипендию историк,
Как героизма дубликат.
И первокурсница-девчонка
С провинциальнейшей косой
За три минуты до зачета
Листает Гёте со слезой.

Бегут доценты торопливо,
 Кипят идеи нарасхват.
 И пух слетает тополиный
 На жарко дышащий асфальт
 И я вздыхаю неженато,
 Когда ты с лекции идешь,
 Смеясь на шуточки журфака,
 Под оком бдительных вахтерш.
 Идешь по солнечным ступенькам,
 Так непохожа на других –
 Угроза для моих стипендий,
 И если б только для моих!
 Мне так легко и окрыленно
 С тобою, университет!
 Гранитно Герцен с Огоревым
 Глядят, как ректоры, мне вслед.
 Отсюда грозно и весоמו,
 Взметнув кубинские флажки,
 Мы шли к надменному посольству,
 Свинцово стиснув кулаки.
 Наш дворик, ты на всех широтах!
 Ты ставишь, как свою печать,
 На наших шумных эшелонах
 Целинный лозунг: «Не пицать!»
 Наш дворик, радуйся и майся,
 Цвети гвоздикой на заре!
 Откуда мы? С проспекта Маркса –
 Он самый главный на земле.

Юлия Анненкова,
 студентка факультета журналистики

Моховая, 9

У входа на факультет почти в любое время суток кипит жизнь: сонные «дневники», приехавшие к первым парам, пьют кофе из бумажных стаканчиков и закуривают первые за день сигареты, любясь сонной еще Москвой, чуть позже на ступеньках начинается оживление, обсуждаются мировые, факультетские, личные новости, вечером, собранные и сдержанные, кратко переговариваются и дышат воздухом «вечерники». Журфак – факультет общения.

Внутри по-журфаковски демократично и пестро: аудитории с высокими потолками, яркие, уверенные в себе студенты, тетради с конспектами, легкие столики под большими телевизорами, транслирующими новости, запах кофе и скрип половиц, величественная мраморная лестница, ведущая к портрету Ломоносова, словно напоминающая – вот ориентир, вот образец для подражания. Журфак – факультет контрастов.

Особенно зачаровывает то, что, даже проучившись в здании несколько лет, можно не побывать во всех его уголках и закоулках. Кто был в аудиториях, которые находятся на минус 2-м этаже? Кто знает, что за дверь в стене почти под куполом? Кто сидел в маленькой аудитории на 3,5 этаже? Журфак – факультет загадка.

Не раз свою alma mater воспели знаменитые птенцы журфака, за годы учебы проникшиеся атмосферой факультета. Неудивительно: история и новейшие технологии, консерватизм и либерализм, нравственные границы и беспроводной Интернет – все это в совокупности навсегда покоряет сердце человека, решившего связать свою жизнь с журналистикой.

Страница памяти

Не дожившие до Победы, но дошедшие до Берлина

Прошли десятилетия со дня окончания Великой Отечественной войны, и те страшные годы уже не воспринимаются столь же трагически и отчетливо современной молодежью, да и всеми людьми, не столкнувшимися с тяготами и потерями военных лет, как теми, кто прошел войну. Более того, знаменитые слова: «Никто не забыт, ничто не забыто» исполнены глубокого смысла, но, к сожалению, утверждение это не до конца соответствует истине. Ведь имена многих героев Великой Отечественной преданы забвению.

*От героев былых времен
Не осталось порой имен...
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей, травой...*

И все-таки память поколений жива. Иначе как объяснить существование многочисленных патриотических досуговых клубов для молодежи, Вахт Памяти, ежегодно организуемых управами и префектурами городов для ветеранов и школьников, которым небезразлично, где и за что отдали жизни их деды и прадеды? Все это есть, и далеко не всегда интерес людей к Великой Отечественной войне и ветеранам является поверхностным, формальным.

Рядом с моим домом находится 83 школа, где была сформирована 8-ая Краснопресненская дивизия народного ополчения. В этой дивизии были люди самых мирных профессий: врачи, учителя, литераторы, музыканты. Знаменитая Писательская рота тоже была в составе 8-й Краснопресненской, и известные всему СССР писатели Виктор Розов, Сергей Островой, Рувим Фраерман были на фронте в составе этой дивизии, хотя имели освобождение от армии.

Так получилось, что с детства я езжу на Вахты Памяти с ветеранами этой дивизии, слушаю их рассказы, вижу в их глазах слезы, когда мы оказываемся в местах боев – под Ельней, Можайском, Москвой, где и полегла большая часть дивизии. На одной из Вахт Памяти ветеран произнес такую фразу: «Каждый из нас хотел защитить свою семью, своих детей, свою Родину и делал для этого все, в каком бы месте он ни воевал, поэтому с уверенностью можно сказать: каждый солдат, принимавший участие в Великой Отечественной и воевавший против фашистов, брал Берлин».

Когда я услышала эти слова, не могла сдержать слез. Вспомнила о двенадцати братьях моей прабабушки и о прадеде, погибших в ополчении и не доживших до Победы. Они тоже воевали за нашу семью, за то, чтобы я могла появиться на свет. Все чаще я думаю о том, что могу жить только благодаря им, единицам из огромного количества обычных солдат, не доживших до Победы, но дошедших до Берлина.

*Маргарита Баронова
студентка факультета журналистики*

Владимир Виноградский

Памяти ректора МГУ Р. В. Хохлова

Он любил высоту...
Там, где фирн голубой,
Где лишайник лиловый обтерт облаками,
Он почти достигал неземную мечту,
На которую мы лишь покажем руками.
Он любил высоту...
В звездах лазерных трасс,
В перекрестиях молний
В сиянье кристаллов,
Шел он первым, дорогу освоив для нас,
Крепость слова ценя понадежней металла.
Академик и ректор,
Веселый мудрец,
Загорелый от яркого горного снега,
До конца он не верил в печальный конец,
Как бегун в середине рекордного бега.
Над рассветным Памиром
Молчанье камней.
Он любил высоту.
Он остался на ней

Университеты мира

Н. А. Шилов*

Письмо из Манчестера 25 мая 1914 года

Лаборатория Резерфорда** в Манчестере – один из самых главных центров исследования радиоактивности. Отсюда выходит в последнее время целый ряд работ о строении атома. Самому Резерфорду принадлежит теория распада атомов радиоактивных элементов, она теперь принята без возражений и заслужила автору Нобелевскую премию. Все это дает мне право поделиться с читателями о научной жизни в лаборатории Резерфорда.

Предварительно несколько слов о самом Манчестере, его Университете и студенческой жизни вообще. Манчестер – крупный фабричный центр, типичный промышленный город Англии, черный от копоти и смрада, скучный, грязный и шумный в деловом квартале и только несколько более уютный на окраинах <...> Жилые кварталы отделены от центра города более или менее обширными парками с чахлыми, закопченными деревьями. Это, впрочем, мало помогает – и здесь чувствуется близость Манчестера. С непривычки трудно дышать, постоянно першит в горле, и в воздухе висит черный дым, заслоняющий солнце

* Профессор Николай Александрович Шилов (1872–1930), ученик Николая Дмитриевича Зелинского, был известным физико-химиком, одним из основоположников теории сопряженных реакций, современной теории сорбции газов. Публикуемое ниже письмо направлено Н. А. Шиловым в редакцию журнала «Природа» в мае 1914 года во время поездки к Эрнесту Резерфорду в Манчестер. Написано оно под впечатлением тамошней университетской жизни и общения с Резерфордом. Письмо печатается в сокращении. Полный текст его опубликован в журнале «Природа» (№ 7, 2009).

** В тексте везде Резерфорд (– Примеч. ред.).

Шилов с семьей

даже в те редкие дни, когда оно выглядывает из-за сплошных тяжелых туч.

Манчестерский университет, т[ак] наз[ываемый] Owen's College, был основан в 1845 г. на средства, пожертвованные Оуэнсом, и считался сначала отделением Victoria University (два других отделения – в Ливерпуле и Лидсе). С 1903 г. он признан самостоятельным научным центром, имеет хорошую библиотеку, естественноисторический музей и ряд лабораторий. Все это помещается в красивом здании, строго выдержанном в специфически английском, условно готическом стиле.

Жизнь английского студента и характер преподавания резко отличаются от университетской жизни на континенте. В Англии к студенту относятся немного по-школьному, лекции походят на уроки, занятия поставлены мало самостоятельно, существуют репетиции. Сообразно с этим и общий уклад жизни носит характер некоторой патриархальности и строгости. Даже внешние формы студенческой жизни очень характерны. Так, например, в определенный час (между часом и двумя) в университетской столовой собираются на обед не только студенты, но и большинство профессоров и преподавателей, которые потом за чашкой чая и трубкой дебатировать самые разнообразные вопросы политики, науки и жизни.

Распорядок занятий строго регламентирован по часам. Рано начинается академическая жизнь, но зато в 6 часов заканчиваются лекции и работы во всех аудиториях и лабораториях, и студенческая жизнь замирает, запирается даже калитка в университетской решетке.

Среди студентов много женщин, и нельзя не отметить, по крайней мере по беглому внешнему впечатлению, очень простого и спокойного, чисто товарищеского отношения между студентами и студентками. Нет и тени того недружелюбного отношения, которое можно было так часто наблюдать в Германии. То же надо сказать и об отношении к иностранцам, которых, впрочем, здесь немного.

Несмотря на строгий режим, здесь нет, однако, никакой канцелярской волокиты. Если вы хотите заниматься по специальному вопросу, то, не требуя никакого диплома, вас записывают в каче-

Э. Резерфорд

стве студента-исследователя, в течение семестра, продолжающегося 4 месяца, вы платите около 40 рублей и без всяких формальностей тотчас приступаете к делу. В жизни простого студента много условных внешних форм, пережитков старых традиций. Но это не стесняет студента, точно так же как вообще в английской жизни уживается величайшая свобода личности с чисто средневековыми формами и традициями. Чтобы наблюдать такой контраст жизни у студенчества, надо видеть здешний университетский акт, когда провозглашают вновь достигнутые степени и приветствуют лиц, их получивших.

Торжественная обстановка строгого актового зала, выдержанного в стиле капеллы, с органом и стрельчатыми расписными окнами. Под звуки органа важно движутся кандидаты в черных тогах, отороченных разноцветным шелком и опущенных горностаем, в средневековых беретах и шапочках. Еще более важно выступают за ними профессора в ярких, цветных шелковых тогах. Потом несут какие-то золоченые жезлы и величественно шествует проректор (ректором числится кто-нибудь из сильных мира и обыкновенно не появляется) в мантии, с цепью. Он занимает трон в середине эстрады, приветствует собрание и произносит несколько высокопарных слов, затем следуют приветствия некоторых профессоров и рукопожатия поочередно всем кандидатам.

Торжественно и театрально, в зале приподнятое настроение. А на хорах университетская молодежь. Она любит свой университет и своих профессоров. Гордится ими, пожалуй, не менее, чем своим футбольным чемпионом. Любит своих товарищей, которых собралась приветствовать. Любит самую эту церемонию и заранее с бою берет места, но ведет себя, как самая отчаянная галерка. Каждое неудачное слово, каждый промах, нескладное движение или просто неуклюжая манера или фигура лица, выходящего на эстраду, тотчас отмечается и подчеркивается градом громких шуток, остроумий или метким звукоподражанием. Галерка подсвистывает, улюлюкает и гогочет, как блаженной памяти бурса.

Невольно вспоминается шекспировская шутка: грубоватая и тяжеловатая, большей частью чисто внешняя и потому в сущности безобидная и незлобивая. Когда с невольной улыбкой наблюдаешь эту студенческую галерку, из которой выходят Томсо-

ны, Резерфорды и Круксы, то вспоминается, что в одной голове зародился тип Лира и Фальстафа, что одна страна дала культуре Ньютона и футбол и создала понятие «джентльмен и хулиган».

Лаборатория Резерфорда помещается в отдельном здании внутри двора. Ни снаружи, ни внутри она не отличается роскошью. Приборы – самые простые. Много приходится налаживать или мастерить самому – в этом, конечно, большая польза. Все дается работающим бесплатно.

Единственное материальное богатство лаборатории – это раствор полуграмма радиевой соли (для получения эманации) и значительный запас мезотория, радиотория и актиния.

Занятия ведутся в двух направлениях: чисто научные специальные темы разрабатываются под руководством самого Резерфорда, который принимает в них самое деятельное участие. Приятно видеть, как он увлекается и ничего не видит и не слышит вокруг себя, когда поглощен какой-нибудь научной мыслью или научной беседой с учеником.

Кроме чисто научных работ, в лаборатории поставлены практические занятия для изучения главнейших методов и вопросов радиологии. Этот практикум ведется под руководством энергичного, неутомимого Марсдена – ассистента Резерфорда.

Практикум задуман и поставлен образцово. Постепенно в течение 5–6 недель изучаются: 1) методы радиологических измерений (электроскопы для α -, β - и γ -лучей, эманационный электроскоп, электрометр, счет сцинтилляций на люминесцирующем экране); 2) свойства α -, β - и γ -лучей (поглощение их в веществе, пробег α -частиц, вторичные лучи); 3) методы отделения радиоактивных веществ (электрохимический метод, чисто химические способы, радиоактивная «отдача»); 4) характеристика отдельных радиоактивных элементов, их распада и новообразования. Эта последняя группа работ особенно интересна.

Много раз приходится, конечно, читать о различных радиоактивных продуктах и о более или менее мимолетном их существовании. Но надо самому промерить и проделать опыты, чтобы получить реальное представление об эфемерных элементах, то, что иногда казалось чуть ли не научной мечтой, становится живым образом. Для примера приведу получение ThD (тория D) –

эфемерного элемента из третьей группы Периодической системы (дальнего родича алюминия), это последний радиоактивный член в семье элементов ряда тория. Природа не наделила его долговечностью, все его существование длится около десятка минут, но за это время его легко удастся отделить и следить в электроскопе за его жизнью и смертью до последнего вздоха последнего атома. Как легкая мечта, зарождается и исчезает он на глазах наблюдателя. Нельзя не испытывать научного волнения от красоты самого явления и красоты опыта. Не менее, впрочем, интересны и другие опыты изучения жизни целого ряда радиоактивных элементов из ряда тория и актиния – этого мира вечной смены и вечных превращений. И чем особенно приходится поражаться на каждом шагу – это простотой и изяществом методов исследования и получения.

Как бы ни были увлекательны практические занятия, но они являются, конечно, повторением известных фактов. Гораздо важнее научные работы, которые ведутся специалистами и ассистентами Резерфорда под его личным руководством. Всего специально работающих в лаборатории около 12 человек (из них трое русских), и темы большей частью очень интересны. Резерфорд в настоящее время поглощен мыслями о внутреннем строении атома и подходит к этому вопросу с разных сторон. <...>

Интересно было слышать от Резерфорда на одной из его лекций о том, как впервые зародилась у него мысль о существовании атомного ядра, когда он наблюдал, что некоторые α -частицы вместо того, чтобы пронизывать тонкий металлический листок, возвращаются обратно. «Это поразило меня так же, – говорит Резерфорд, – как если бы, стреляя в картонный круг, я наблюдал бы, что некоторые пули отскакивают от него и возвращаются обратно» <...>

...Вот самый беглый очерк научной жизни в лаборатории Резерфорда. Я не касаюсь, конечно, многих весьма интересных работ, имеющих эпизодический характер. Не касаюсь также тех манипуляций, которые здесь вошли в обиход. Таково, например, собирание эманации радия и продуктов ее дальнейшего распада. Собираение это производится в знаменитых «трубочках α -лучей», при помощи которых Резерфорд и Гейгер впервые доказали образование гелия из α -частиц. Это тончайшие стеклянные полые нити, стенки которых пропускают α -лучи. Когда в них заключена

эманация радия, они светятся сами и заставляют экран сернистого цинка блестеть, как перо жар-птицы, ярким голубым сиянием неопишуемой красоты.

В лаборатории Резерфорда есть еще один хороший обычай, который я хочу отметить. Не стану говорить о «коллоквиумах», на которых от времени до времени докладываются новые работы сотрудников Резерфорда или кого-нибудь из посторонних, такого рода коллоквиумы обыкновенно устраиваются во всех крупных лабораториях. Но, кроме этого, ежедневно часа в 4,5 вся лабораторная публика собирается на чай (five o'clock tea) в специальную комнату, приходит обыкновенно и профессор. Беседа вращается исключительно вокруг научных вопросов, делятся свежими впечатлениями о своих успехах и неудачах, никто не думает скрытничать о своей работе и ее результатах, советуются друг с другом, обсуждают сообща. Приятно наблюдать, как Резерфорд, чуть-чуть заикаясь, ясно и точно формулирует вопрос и умеет быстро разбраться в чужой работе и наметить план дальнейших действий. Я уверен, что в этой обстановке товарищеской научной беседы, полной взаимного доверия и общего интереса, нередко зарождались мысли, которые послужили ядром позднейших работ.

В заключение моего письма без преувеличения можно сказать, что когда живешь жизнью здешней лаборатории, то почти каждый день несет с собою новую и большую научную радость.

В. С. Виноградский

Как давно на улицах Европы
Песенки студенчества звучат...

«Альма-матер!» – повторяют
кротко.

«Альма-матер»! – радостно
кричат.

В Страсбурге осеннем и в Берлине,
В Кракове и в Риме голубом
«Гаудеамус!» – молвят по-латыни,
Прославляя свой ученый дом.

Н. Катакам

Молодая Япония

Статья профессора Н. Катакама, написанная в 1925 г. специально для «Огонька», свидетельствует о том, как распространялись милитаристские и фашистские идеи в молодежной среде Японии начала 30-х годов прошлого века и как революционно настроенные студенты пытались противостоять этому. Кроме того, публикация содержит интересные сведения об университетском образовании в Японии.

Знакомство с движением студенческих масс служит введением в общественную и политическую жизнь. Поставляя для государства разнообразных общественных деятелей и чиновников, студенчество в большинстве стран является вместе с тем среди интеллигенции единственным элементом имеющим непосредственную связь с рабочим движением.

Система народного образования в Японии такова: начальное обучение обязательно для детей обою пола от 7 до 13 лет. Средние школы 2-х типов: 4-летние и 5-летние. Для поступления в университет лицам, кончившим 4-летнюю школу необходимо кончить еще 3-годичные высшие подготовительные курсы, и кончившим 5-летнюю – 2-годичные.

Высшее образование длится три года (на медицинском – 4 года). Государственных университетов в Японии – 11. Частных университетов – 16. Однофакультетных медицинских, содержащихся на губернские средства, – 4. Во всех крупных центрах есть, кроме того, институты: политехнические, технические, коммерческие, горные и др. Крупнейшие университеты принимают и выпускают ежегодно до тысячи студентов, мелкие – от двухсот и выше. Количество желающих учиться, однако, так велико, что мест в высших учебных заведениях не хватает. Это является первым большим вопросом студенчества. На этой почве среди не попавшей в университеты молодежи развивается неудовлетворенность, толкая нередко на самоубийства.

Каждый университет имеет свои характерные особенности. Так, например, Токийский Государственный университет славится как питомник высших чиновников. Современное японское чиновничество вышло почти целиком из этого университета.

Лица, кончившие другие университеты, назначаются обычно на более низшие должности. Из частных университетов один из самых крупных – Токийский университет Кейо, существующий уже 60 лет. Из него выходят фабриканты, купцы и т. д. Наиболее пролетарским по составу столичным частным университетом является «Васеда». В нем учатся студенты более бедных классов, из него выходят публицисты, писатели, литераторы и общественные деятели. Характерная особенность частных университетов – вечерние занятия для людей, занятых днем на работе. Между студентами этого рода университетов встречается немало рабочих, так что некоторые ученики, работая днем как рикши, вечером слушают лекции. Окончившие университеты, сдают государственные экзамены при министерствах.

Вторым большим вопросом японского студенчества является перепроизводство интеллигентных рабочих сил. Найти работу кончившему высшее учебное заведение в Японии не легко. При университетах имеются специальные бюро труда, занимающиеся приисканием службы для своих выпускных. Члены бюро ежегодно ездят по Японии, посещая фабрики и различные учреждения и убеждая принимать на службу кончивших их университет.

Острота этого большого вопроса увеличивается тем, что в нынешнем 25-м году предполагается большое сокращение среди чиновников – под него подойдут приблизительно до 40 тысяч человек. Согласно циркуляру министерства финансов, сокращение постановлено произвести к концу марта, т. е. как раз ко времени выпуска из высших учебных заведений новых кадров работников. Так создается сильная конкуренция между стариками и молодежью и уже идет усиленная агитация с той и другой стороны.

Надо, однако, сказать, что большинство современного японского студенчества выходит из буржуазной или мелкобуржуазной среды. Это объясняется тем, что учиться и в то же время зарабатывать на существование в Японии очень трудно. Хотя мы указали на студентов – рабочих и рикш, из которых вышли довольно известные ученые, но количество этих студентов весьма ограничено. Большинство студенчества живет на получаемые ими от богатых

родителей средства, увлекаются, помимо наук, спортивными состязаниями, фехтованием и т. п. Даже в таком университете, как «Васеда», настроение студенческих масс не одинаково и между отдельными студенческими группировками и кружками происходит борьба. Студенческих кружков очень много: кружки по изучению марксизма, философии, России, военных дел и т. д. Правительство смотрит на эти кружки довольно косо, поддерживая только те, в которых национально-шовинистическое движение выражено особенно ярко, как, например, кружки изучения военных дел, членами которых являются современные японские фашисты. Каждый студенческий кружок должен иметь одного или двух ответственных руководителей, приглашаемых обычно из профессуры. Чтобы избежать давления академической профессуры, кружки, настроенные революционно, иногда ухищряются приглашать руководителями наименее активных профессоров, имея их в качестве ширм и действуя за их спинами. По последним сообщениям русских газет японское министерство народного просвещения запретило студенческие кружки социальных наук совершенно. В 1923 году в мае в университете «Васеда», профессором которого я имел честь состоять, произошло крупное столкновение между кружком изучения военного дела и студентами антимилитаристами. Кружок военного дела устроил в день своего открытия большое торжественное заседание, пригласив на него виднейших военных вождей. Генералы приехали верхом и на автомобилях, с киноаппаратом для съемки, рассчитывая на любезную встречу, но студенты-антимилитаристы устроили против них такую шумную демонстрацию, что в результате получился скандал. Ораторам не давали высказываться, кричали, стучали стульями и топтали ногами. Через день студенты антимилитаристы выступили с речью перед памятником основателю университета, протестуя против милитаризма. Милитаристы стали прерывать речи шумом и криками, бросали в ораторов камнями и некоторых из них даже жестоко избивали.

Но в конце концов кружок этот вынужден был ликвидироваться. Правда, отдельные студенты продолжали занятия под руководством офицеров, ездили верхом, учились стрелять, но официального кружка изучения военного дела уже не существовало.

Судя по газетам, после моего отъезда из Японии, министерство народного просвещения решило произвести милитаризацию школ, введя обязательное военное обучение для всех учащихся. Всеяпонский студенческий союз на заседании 22 ноября постановил протестовать против милитаризации школ.

К полудню студенты устроили демонстрацию, выбрали общую делегацию от всех университетов и отправились в министерство народного просвещения просить свидания с министром. Министр принять делегацию отказался, сказав, что подробности проекта милитаризации школ можно узнать у начальника всеобщего обучения. «Нам подробности не нужны, ответила делегация, – мы протестуем против основного духа проекта». Они продолжали настаивать на свидании с министром, но, не добившись никаких результатов, оставили резолюцию у секретаря и поехали к представителям всех видных общественно-политических партий: Кенсенкай, Сеюкай, Сеюхонто и др. Лидеры партий обещали содействовать.

Студенческое движение в Японии еще очень молодо. Участие студентов в общественной жизни страны началось лишь со времени мировой войны, но развитие его идет быстрым темпом. Студенты начинают интересоваться рабочим движением на Западе, политической экономией, марксизмом. Руководители современного японского рабочего движения почти все бывшие или настоящие воспитанники высшей школы.

Студенты читают лекции для рабочих, издают художественные и общественно-политические журналы, как, например «Шакай Сиео» (Общественная мысль) с определенно выраженным марксистским направлением, «Мусанкай Киу» (Пролетариат), «Сеятели» и др. Под моей редакцией выходил ежемесячный журнал «Изучение России». Когда однажды там появилась статья о символах государственного флага СССР, цензура эту статью не пропустила. Я, как ответственный редактор, был вызван в полицию, и мне предложили статью изъять. Этот маленький факт ярко свидетельствует, насколько строга в Японии цензура.

Во время последнего землетрясения, когда десятки тысяч людей остались без крова, дети потеряли родителей, сестер, братьев, жен, мужей, в этот жуткий период студенчество, по инициативе

профессора Суехиро, организовало бюро информации для всех пострадавших от землетрясения и оказало населению этим громадную помощь.

Когда на северо-востоке Японии в Асио горнорабочие устроили забастовку, часть революционно настроенного студенчества организовало им помощь, поддержало их на все время забастовки.

А. В. Раскин

Университетские кафедры ЮНЕСКО

ЮНЕСКО считает, что существует необходимость международного сотрудничества и международной помощи для того, чтобы повернуть вспять процесс спада и разрушений учреждений высшего образования в развивающихся странах, в особенности наименее развитых. В связи с этим еще на 26-й сессии Генеральной Конференции ЮНЕСКО в 1991 году было принято решение начать Кафедральную программу UNITWIN/UNESCO в качестве международного плана действий, направленных на укрепление высшего образования в развивающихся странах при помощи соответствующих механизмов стимулирования межвузовского сотрудничества.

Кафедральная программа UNITWIN/UNESCO предназначена для развития университетской сети и налаживания других форм сотрудничества высших учебных заведений на межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях. Кафедральная программа UNITWIN/UNESCO представляет собой основной механизм ЮНЕСКО, с помощью которого оказывается всесторонняя поддержка международному сотрудничеству в области высшего образования. Использование технологии и методики дистанционного обучения поощряется данной программой в качестве инструмента, который способствует активному межвузовскому сотрудничеству. В этом процессе ЮНЕСКО играет роль катализатора для заинтересованных учреждений, ассоциаций и организаций.

Прочные и стабильные сети, а также другие формы объединения и сотрудничества доказали на практике их значение в качестве эффективного средства поддержки институционального развития, совместного использования ресурсов и обмена техническими знаниями и опытом, а также персоналом и студентами. Программа построена в духе академической солидарности, которая необходима для того, чтобы привести в движение процесс, направленный на крепкие и продолжительные связи между научно-исследовательскими учреждениями, а также учреждениями высшего образования во всем мире. Особое значение придается созданию таких связей среди высших учебных заведений в раз-

вивающихся странах (сотрудничество юг-юг), важность которых в прошлом недооценивалась.

Хотя программа задумана как общая поддержка высшего образования в развивающихся странах и странах Центральной и Восточной Европы, она, тем не менее, акцентирует свое внимание и на исследовательской работе. Именно на данном уровне больше всего необходимы международные связи, поскольку различия в системах образования и в образовательных учреждениях промышленных и развивающихся стран велики. Поэтому программа уделяет особое внимание разработке стратегий и механизмов, необходимых для быстрой и эффективной передачи знаний, а также для их эффективного применения в специфических условиях. Это необходимо как для удовлетворения потребностей самих развивающихся стран, так и их систем высшего образования. Одной из основных целей также является смягчение последствий «утечки мозгов» из развивающихся стран.

Кафедральная программа UNITWIN/UNESCO базируется на огромном опыте, накопленном в области международного сотрудничества в сфере высшего образования и академической мобильности, и в качестве таковой направляет межвузовское сотрудничество на удовлетворение потребностей развивающихся стран. Она старается объединить как можно больше партнеров для осуществления поставленных целей, а также устанавливает связи с другими существующими программами и деятельностью, преследующими те же самые цели. В этом плане ЮНЕСКО, будучи специальным агентством Организации Объединенных Наций по образованию, науке, культуре и коммуникации, желало бы выступать, в основном, в качестве катализатора, работающего в тесном сотрудничестве с другими агентствами ООН, с другими межправительственными организациями, активно работающими в области высшего образования, с академическими и научными неправительственными организациями и, прежде всего, с финансовой поддержкой этих программ со стороны правительств, межправительственных организаций, различных донорских агентств и организаций развития, а также государственных и частных учреждений экономического сектора.

Кафедральная программа UNITWIN/UNESCO предполагает большой круг действий, начиная от организационных усилий и развития персонала, до обучения и подготовки специалистов по

различным дисциплинам, а также поддержки библиотек и лабораторий. Это требует очень гибкого стиля работы. Такая гибкость позволяет высшим учебным заведениям обсуждать, приходить к соглашению и определять мероприятия и необходимые виды деятельности для различных проектов в данной Программе. Основополагающим принципом Программы является истинное, равноправное партнерство высших учебных заведений, которые выступают с инициативами различных проектов в ее рамках, уважая при этом автономию и академическую свободу университетов.

В кафедральной программе UNITWIN/UNESCO могут принимать участие университеты и другие вузы, признанные как добросовестные учебные заведения компетентными и авторитетными государственными специалистами соответствующих стран.

Кафедра ЮНЕСКО образуется как новый учебный и исследовательский отдел университета. Данный отдел включает: заведующего кафедрой в качестве главы отдела; определенное количество преподавателей (исследователей) из вузов данной страны и зарубежных стран, связанных с проектом; определенное количество молодых студентов и исследователей, поступающих в аспирантуру или собирающихся пройти обучение и проводить исследования на данной кафедре.

Подобная кафедра была создана на факультете журналистики МГУ в 1993 году и функционирует под руководством президента факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, профессора Я. Н. Засурского, удостоенного ЮНЕСКО золотой медали имени Махатмы Ганди.

Основные функции кафедры состоят в изучении состояния средств массовой информации России, стран бывшего СССР, Восточной Европы в контексте глобальных информационных процессов. Кафедра видит свою основную задачу в популяризации наиболее интересного опыта ведущих исследовательских и учебных центров зарубежных стран, внедрении передовых знаний и технологий в процесс обучения журналистике и смежным дисциплинам. Кафедра ЮНЕСКО выступает в качестве координатора деятельности зарубежных центров и научно-исследовательских лабораторий факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ежегодно кафедра организует и проводит научно-практические конференции, семинары, приглашая для участия в них веду-

щих исследователей средств массовой информации, журналистов, общественных деятелей, ведущих отечественных и зарубежных ученых в области гуманитарных и естественных наук, политиков, дипломатов, общественных деятелей, проводит курсы переподготовки журналистов.

Деятельность кафедры связана с очень широкой проблематикой: это и свобода печати, и журналистика, и право, этика СМИ, освещение выборов в России и за рубежом, политическая реклама, новые информационные и коммуникационные технологии, средства массовой информации и культура, женщины и журналистика, информационные агентства и рынок новостей, дистанционное образование, средства массовой информации и права человека, СМИ в условиях перехода к информационному обществу, медиаобразование, международное гуманитарное право и журналистика, паблик рилейшнз, дизайн и верстка периодических печатных изданий, телевидение и радиовещание, Интернет и сетевая коммуникация, телекоммуникация, международная журналистика в многополярном мире, гендерные проблемы в СМИ, медиапсихология.

Публикации

В. Я. Брюсов

Университет

отрывок из цикла «Злые рассказы»

Отношение В. Я. Брюсова к Московскому университету было непростым. Об этом позаботились и судьба, и эпоха. Университетский опыт Брюсова связан с двумя факультетами. Несмотря на большой интерес к математике, первоначально он поступил на филологический факультет, где проучился 2 года. Затем по болезни, пропустив начало учебного года, поступил на исторический факультет.

Впечатления об университете были самые противоречивые. Только два преподавателя – академик Федор Евгеньевич Корш^{*} и профессор Василий Осипович Ключевский^{**} – удостоились высокой оценки студента Брюсова. Все остальные профессора и преподаватели, и даже такой признанный авторитет в университетском мире, как В. И. Герье^{***}, по-

лучили весьма «посредственную» оценку Брюсова-студента. Правда, Герье был им впоследствии «реабилитирован». Однако пользу университета Брюсов не отрицал. Будучи прагматиком, он понимал, что все его литературные замыслы должны опираться на выверенные научные факты. Привлекала его и исследовательская работа. Был задуман труд по истории лирики, над которым он активно работал с 1896 по 1897 годы. Труд этот, впрочем, остался незаконченным.

Репутация Брюсова-студента среди товарищей была неоднозначной. Так, на филологическом факультете после выхода в свет в августе 1895 г. третьего сборника «Русские символисты», автором которого был Брюсов, он получил прозвище «Декадент» и был подвергнут общественному ostracismu. Сам он в записях тех лет пишет о том, что «в университете он лишний». Но были среди студентов и немногие сочувствующие. Вследствие этого на историческом факультете, по его собственному свидетельству, Брюсов держался весьма надменно. Непривлекательный портрет Брюсова того времени дает в своих воспоминаниях и Андрей Белый[†].

Через несколько лет после окончания университета^{**} на лекции Мережковского «Русская литература и религия», которую тот прочел в Московском психологическом обществе при Московском университете, Брюсов встретил некоторых из своих университетских профессоров и отметил, что впечатление от этой встречи по-прежнему безотрадное. По его мнению, лекции Мережковского не понял никто^{***}. В этом ключе становится понятен смысл рассказа «В университете» из цикла «Злые рассказы»^{****}. Однако, это только на первый взгляд. На самом деле, замысел автора, судя по всему, очень «многослоен». Контраст между «верхом и низом», изображенными в рассказе, оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, автор иронизирует над

* А. Белый. Начало века. М., 1990. С. 164.

** Он закончил университетский курс по историческому отделению в 1899 г.

*** Н. А. Богомолов. Университетские годы Валерия Брюсова студенческие годы (1893–1899). М., ВК. 2005. С. 70.

**** Этот рассказ был опубликован первый и единственный раз в журнале «Огонек» в 1925 году уже после смерти Брюсова. По мнению многих видных исследователей жизни и творчества В. Я. Брюсова, и в частности, Н. А. Богомолова, этот рассказ, вероятно, был передан в редакцию журнала вдовой писателя после посмертной разборки архива, в «Огоньке» он значится «неопубликованным».

замкнутостью университетского мира, его оторванностью от реального повседневного быта простых людей, для которых все, что происходит в университете, чуждо, далеко и бесполезно. Брюсов «увеличивает» эту пропасть, делая проводником этого впечатления маленькую девочку, чей мир основывается на самых простых, почти животных побуждениях. А с другой, – человек, причастный так или иначе и к общемировой, и к университетской культуре, не может остаться равнодушным к тем социальным изменениям, которые произошли на его глазах. Распад, расщепление мира, приход апокалиптического зверя, о котором так много писали символисты, ощущается Брюсовым вне зависимости от его отношения к университету. Два параллельных мира, каждый из которых неприемлем для автора, очень четко проступают в ткани произведения. В момент публикации этот рассказ воспринимался как критика «мертвого прошлого». Но сейчас он звучит пророческим прогнозом для тех, кто всемерно упрощает бытие, старательно «запикивая» человечество в «подвал».

Н. В. Фролова

В большом городе на видной улице стояло здание университета. Здание было старинное, построенное в начале XIX века, в красивом александровском стиле, с колоннами. Средний этаж его вмещал обширные залы и аудитории, и потому в нем были высокие и широкие окна. А внизу были подвалы, и окна их, едва возвышающиеся над землей, были маленькие, темные и забраны железной решеткой.

Тот день, о котором я говорю, был день воскресный. Лекций в университете не было, и большая часть аудиторий была закрыта. Открыта была только одна, самая большая, потому что в ней происходила защита докторской диссертации. Аудитория была переполнена, потому что будущий доктор был любимцем студентов и вообще всей молодежи города. В залу набились слушатели с раннего утра, заняли все стулья, стояли в проходах, задыхались от жажды и духоты, но не хотели уходить, чтоб непременно насладиться торжеством любимого профессора.

Магистр, защищавший диссертацию, добивался звания доктора всеобщей истории. Диссертация его была написана на тему

о зависимости библейских сказаний от сказаний вавилонских. Хотя вопрос был не нов, но автор диссертации, самостоятельно изучивший клинопись и много работавший в новом Берлинском музее Передней Азии, сумел найти множество новых доказательств в пользу той мысли, что евреи были лишь бледными копиями своих восточных соседей. Если верить диссертации, то оказывалось, что не только такие общие сказания, как рассказ о грехопадении, об убийстве Каином Авеля, о всемирном потопе, о непочтительности сына – Хама к отцу были сколками с вавилонских рассказов, но даже все подробности библейских повествований, как названия урочищ, как слова, которые вложены в уста патриархов, как самые обороты речи – все это лишь повторение чужеземных рассказов. Выходило почти так, что евреи – был народ до изумительности лишенный фантазии и неспособный к самому скромному творчеству, что даже для того, чтобы сказать «Взглянул Иаков и увидел вот идет Исав», надо было им вспомнить такой-то кирпич из библиотеки Асур-Бани-Пала.

Так ли все это было или не так, но во всяком случае была признана диссертация факультетом за «ценный вклад в науку». Да и как было не признать ее таковым, если были в ней впервые прочитаны тексты, вырубленные на кирпичках много тысяч лет тому назад, много тысячелетий лежавшие погребенными в песках сирийских пустынь и много десятилетий испытывавшие терпение и остроумие европейских ученых. Как было не признать диссертанта достойным искомой степени, если обнаружилось, что жизнь, нравы, законы и религию древних вавилонян знает он лучше, нежели мы знаем обычаи и верования народов, населяющих Россию, что клинописью может он выражать свои мысли не с большим трудом, чем бедные студенты, по латыни, на языке, которому целые годы учились они в классах гимназии. Как было, наконец, не признать профессора доктором всеобщей истории, если все знали, что он неустанно учился уже почти сорок лет своей жизни, прочел несколько библиотек, написал сам чуть ли не целую библиотеку, и еще будет учиться, и еще будет прочитывать библиотеки, и еще напишет целую библиотеку.

Постановление факультета принято было долго не смолкавшими аплодисментами. Студенты подняли любимого профессора

на руки и долго качали его в исступлении. И в ту минуту каждый студент думал о том, что когда-нибудь и он, прочтя несколько библиотек, напишет такую же ученую книгу, будет так же признан доктором какой-нибудь науки, и также удостоится такой же чести: будет качаться и подпрыгивать на руках своих восторженных слушателей, стучаясь ногой в пол, чтобы не упасть.

Из университета новый доктор должен был ехать в первоклассный ресторан, где его почитатели давали ему обед в честь удачной его диссертации. Он знал, что на обеде будут говорить речи, прославляющие его ученость, и сам он тоже будет говорить в ответ речи, в которых сумеет еще раз показать, какими разнообразными познаниями он обладает.

А пока все что происходило в среднем этаже университета, где были большие залы, просторные аудитории и высокие окна, – в нижнем полуподвальном этаже, в квартире одного из сторожей, где были тесные и маленькие окошки, забранные железной решеткой, в углу под образом, сидели Машка и Мишка. Машка и Мишка были детьми сторожа, первой было десять лет, а второму – восемь, и они одни были в квартире (если только можно назвать квартирой две полутемные сводчатые комнаты), потому что отец был в это воскресенье свободен и на весь день ушел к куме, а мать уже два года как умерла. Отец, уходя, запер дверь и строго наказал Машке смотреть за Мишкой, и нянька, перепробовав все средства, съев кусок хлеба, оставленный им вместо обеда, раза два отодрала брата за вихры, столько же раз обругав его нехорошими словами, заключила теперь с ним мир и рассматривала вместе с ним уже сто раз пересмотренные лубочные картинки, висевшие под образами.

Была здесь, во-первых, русско-турецкая война, с таким Скобелевым, который вдвое превышал ростом бедных турок, которых всех рвало гранатами пополам, было изображение торжественного коронавания их императорских величеств, и была, конечно, особенно соблазняящая детей картинка, изображающая искушение Адама и Евы. Ева, вся запутанная волосами, так что походила больше на обезьяну из породы хахма, чем на прародительницу, выходила из-за дерева и подавала Адаму, сидевшему за кустом слева, яблоко; с ветки свешивался змей с человеческим лицом и высовывал раздвоенный язык, в знак коварства.

Давно уже эта картина, раскрашенная в цвета красок фиолетовой, оранжевой и зеленой, с небом такого же цвета, как залежавшийся апельсин, привлекала внимание детей. Спрашивали они ее объяснение и у отца, и у тетки Офросиньи, и даже у унтера Спиридона, заходившего иногда раздавить сотку, – но ни от кого не могли добиться толкового ответа. Отец в ответ только крикнет: «не твое дело, пострел сопливый», тетка Офросинья толковала, что это святая великомученица Антония, которая спасалась в лесах и обросла волосами, и только унтер Спиридон обстоятельнее других мог сообщить, что это пресвятые праотцы, которые после потопа жили со всеми зверями, чистыми и нечистыми, как мы теперь с кошками и всякой домашней птицей. Большого дети ни от кого не могли добиться.

И вот теперь, стоя под образами и снова вперив глаза в загадочную картинку, старались они оба, и десятилетняя нянька, и восьмилетний ее брат, равно вникнуть в смысл нарисованных фигур. Толкование тетки и дяди спутались у них в памяти, и никак не могли разобраться они, где тут святая Антония, и где нечистые звери, и что такое потоп, и как он изображен на картинке. Машка важно поясняла все это Мишке, но тот видел, что его нянька сама плохо знает, что говорит, и, не стесняясь, поправлял ее. Между тем, в подвале быстро темнело и уже становилось трудно отличить лицо краснощекой Евы от не менее красного яблока, которое протягивала она столь же румяному Адаму...

Новый доктор спускался с лестницы, окруженный восторженными почитателями. Он ехал на обед, который давался в честь его ума и познания. Дети в подвале все старались вникнуть в странное изъяснение тетки Офросиньи и унтера Спиридона. Непонятным казалось им, почему у нечистого зверя темное человеческое лицо.

Стихотворение Эдуарда Багрицкого «Ломоносов»

Публикация А. В. Бакунцева

*Покинувший очаг и закоптелый кров,
Чтоб сердце напоить неведомую болью,
О рыбарь, невод твой изъеден тусклой солью*
И легкая ладья бежит от берегов.*

*Но крик тюленьих стай, и мертвая вода
В твоём глухом мозгу не будут позабыты,
Недаром ты узрел рожденье Афродиты
Из черной проруби средь голубого льда.*

<Одесса, 1918>

Стихотворение Эдуарда Багрицкого «Ломоносов» было опубликовано 23 июня (6 июля) 1918 г. в № 5 одесского еженедельного журнала «Фигаро», который сам себя определял как «еженедельник театра, искусства и общественной мысли». На первый взгляд, оно может показаться нетипичным для поэтики Багрицкого. Но такое впечатление не совсем верно. Дореволюционные стихи «пролетарского поэта» написаны абсолютно в той же манере, что и «Ломоносов». Они так же отвлечены, стилизованы и откровенно подражательны (в ранний период своего творчества Багрицкий находился под сильным влиянием поэзии символизма, акмеизма и футуризма). Но, в отличие от юношеской лирики, «Ломоносов» не вошел ни в один из прижизненных и посмертных сборников произведений Багрицкого. Впрочем, та же участь постигла и целый ряд других стихотворных текстов поэта, напечатанных в одесской периодике 1918 – начала 1919 гг.

Причина «выпадения» этих стихов из поэтического наследия Багрицкого, как нам представляется, носила по преимуществу политический, а не литературный характер. Далеко не все произведения поэта 1918 – начала 1919 гг. были так же аполитичны, «бес-

* В первоисточнике вместо этого слова – вероятно, из-за ошибки наборщика – напечатано слово «сталью».

М. В. Ломоносов

партийны», а потому «безвредны» для советской власти, как «Ломоносов». В дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной есть запись от 8 (21) апреля 1919 г.: «К обеду пришел Волошин. Как всегда, много рассказывал, весело и живо:

– Поэт Багрицкий уехал в Харьков, поступив в какой-то отряд. Я попросил у него стихотворение для 1 мая, он заявил, смеясь: “У меня свободных только два, но оба монархические”»^{*}.

Не правда ли, довольно занятное заявление, особенно в свете творчества «зрелого» Багрицкого. Впрочем, нечто подобное могли сказать о себе и некоторые другие будущие «делатели» советской литературы: В. П. Катаев, Ю. К. Олеша, В. М. Инбер, Т. Л. Щепкина-Куперник... Такие уж тогда были нравы. При советской власти «перекрасились», приспособились к новым условиям многие. Вот еще одна цитата из дневника В.Н. Муромцевой-Буниной, запись сделана 5 (18) апреля 1919 г., через две недели после первого захвата Одессы большевиками: «Идет сильное “перекрашивание”. Уже острят: “Что ты делаешь?” – “Сохну, только что перекрасился”»^{**}.

Багрицкий «перекрасился» одним из первых. Впрочем, в его случае одним «перекрашиванием» дело не обошлось – правильное было бы говорить о *перерождении*. Таившиеся доселе страсти и, возможно, пристрастия вырвались наружу. Прежний Эдуард Багрицкий, добропорядочный еврейский юноша, романтик-эстет, прележный подражатель Брюсова, Гумилева и Северянина, перестал существовать. Вместо него появился романтик-бунтарь, буйный скандалист^{***}, «пламенный борец с контрреволюцией». Уже в апреле 1919 г. он добровольно вступил в Красную Армию, в качестве инструктора политотдела в «Особом партизанском отряде имени ВЦИК» участвовал в разгроме банд Махно и атамана Григорьева,

* Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы. М., 2005. Т. 1. С. 196.

** Там же. С. 195.

*** О скандале, учиненном Багрицким на первом, учредительном собрании Профессионального союза литераторов 29 марта (11 апреля) 1919 г., писали И.А. Бунин, В.Н. Муромцева-Бунина, А.А. Биск. См.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 391; Устами Буниных. Т. 1. С. 190; Биск А. Одесская Литературка (Одесское Литературно-артистическое общество) / Публ. Е.Л. Яворской // Дом князя Гагарина. Одесса, 1997. Вып. 1. С. 150.

а после войны, как истинно «пролетарский поэт», писал уже только «правильные», идеологически выверенные, «красные» стихи. К чему же было «ворошить прошлое»? Тем более что издания, печатавшие его «монархические» и прочие «несознательные» стихи 1918 – начала 1919 гг., новой властью были определены как «вражеские».

Помимо упомянутого уже еженедельника «Фигаро», к числу таких изданий относились газеты «Одесский листок» и «Одесские новости», еженедельные литературно-художественные и политические журналы «Жизнь» и «Огоньки». Все они, несмотря на принадлежность к разным партиям («Одесский листок» и «Жизнь» издавались кадетами, «Одесские новости» и «Огоньки» – правыми меньшевиками, а «Фигаро» тяготел к социалистам), «были солидарны в своей ненависти к власти пролетариата»^{*}. Это позволило большевикам еще во время Гражданской войны считать их частью «белой» печати^{**}, которая в последующие, мирные годы была засекречена и сдана в спецхран (в том числе Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького), где и пребывала в течение многих десятилетий^{***}.

* Известия Одесского совета рабочих депутатов. 1919. 8 апр. № 7. С. 1.

** По данным одесских библиографов, количество несоветских и антисоветских периодических изданий, выходивших в Одессе в годы революции и Гражданской войны, было весьма значительным. Правда, оно менялось в зависимости от военной и политической ситуации на фронтах и в городе (с декабря 1917 по февраль 1920 гг. в Одессе сменилось несколько властей, город буквально переходил из рук в руки). Больше всего таких изданий выпускалось в первый «переходный» период (с 7 декабря 1917 по 27 января 1918 г.): 72 газеты, 45 журналов; меньше всего – при власти Рады (с 13 марта по 30 апреля 1918 г.): 28 газет, 12 журналов. Во время австро-германской оккупации (с 30 апреля по 26 ноября 1918 г.) издавалось 68 газет, 48 журналов; при французских интервентах (с 18 декабря 1918 г. по 4 апреля 1919 г.) – 48 газет, 36 журналов; при власти Добровольческой армии (с 23 августа 1919 г. по 8 февраля 1920 г.) – 52 газеты, 28 журналов (см.: Одесская периодическая печать в годы революции и гражданской войны. 1917–1921 / Под ред. проф. С.Л. Рубинштейна. Одесса, 1929. С. I-LV). При советской власти (с 4 апреля по 23 февраля 1919 г. и затем начиная с 8 февраля 1920 г.) все «белогвардейские» и «буржуазные» издания за «ненависть к власти пролетариата» подверглись репрессиям и были закрыты.

*** Примечательно, что и в биографических работах о Багрицком период с начала 1918 по апрель 1919 гг. вообще никак не отображен. Биографы поэта неизменно обходят его молчанием – то ли соблюдая некое табу, то ли пытаясь скрыть свою

...Чекистская кожанка, плотно сжатый рот, колючий взгляд исподлобья... Таким Багрицкий изображен на одной из фотографий 1920–30-х гг. Видно, что для этого человека время «Ломоносова» и стихов «иже с ним» навсегда ушло в небытие.

неосведомленность. Отрывочные сведения о том, как жил и чем занимался Багрицкий в тот год с небольшим, можно почерпнуть из воспоминаний В.П. Катаева, Ю.К. Олеши, А.А. Биска, из дневников И.А. и В.Н. Буниных и т.п.

Е.В. Скударь

В дополнение к опубликованной заметке

В первом выпуске «Татьянинного дня» была опубликована моя заметка об Аполлоне Аполлоновиче Грушке «Профессор Московского университета А. А. Грушка, его учителя и ученики», в которой приводится как неатрибутированное письмо к профессору одного из его учеников: подпись казалась неразборчивой.

За прошедшее время удалось прочитать подпись и точно установить, что это письмо принадлежит Сергею Михайловичу Соловьёву. Знакомство с другими его автографами позволяет с полной очевидностью утверждать, что почерк и подпись принадлежат Соловьёву.

Кроме того, факты биографии, о которых идёт речь в письме, совпадают с известными из других источников обстоятельствами жизни С. М. Соловьёва.

Сергей Соловьёв (1885–1942) – племянник философа и поэта Владимира Соловьёва и внук знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьёва, друг детства и юности (жили в одном доме на Арбате) и свояк (были женаты на сестрах Тургеневых) Андрея Белого, родственник по материнской линии (троюродный брат) и друг Александра Блока – был талантливым поэтом, переводчиком и литературным критиком.

В 1911 г. Соловьёв окончил классическое отделение историко-филологического факультета Московского университета, профессором, заведующим кафедрой классической филологии и деканом (именно с 1911 г.) которого был А. А. Грушка, прививший юноше любовь к латинской культуре и латинскому языку.

В 1915 г. Сергей Соловьёв принял сан священника и поступил в Московскую духовную академию, в 1918 – окончил её и тогда же стал кандидатом богословия. В 1920 г. Соловьёвым предпринята первая попытка перехода в католическое вероисповедание, однако в 1921 г. он вернулся к православной вере. После мучительных сомнений и колебаний окончательно переходит в католичество в 1924 г. Как раз о первых шагах на этом пути пишет Соловьёв своему профессору в письме от 16 ноября 1915 г. Местонахождение

адресанта обозначено так: Дача. Это может быть одно из трёх мест под Москвой, где неоднократно бывал Соловьёв, – Дедово, Надовражное или Шахматово. Пока не удалось точно установить, где он находился осенью 15-го года.

Глубокая внутренняя связь существовала между А. А. Грушкой и С. М. Соловьёвым; подтверждается это и тем, что у них были общие друзья, общий круг знакомств, в который входили Е. Я. Архиппов*, С. Н. Дурьлин**, князь А. В. Звенигородский***, Д. С. Усов****, С. В. Шервинский***** и др. Некоторые из них тоже были учениками А. А. Грушки. Например, Архиппов, Усов и Шервинский – выпускники историко-филологического факультета. В письмах и мемуарах некоторых из них есть отдельные замечания, касающиеся Грушки и Соловьёва.

Уважение и привязанность к А. А. Грушке Соловьёв сохранил на всю жизнь, оставаясь другом дома до самой кончины профессора.

* Архиппов, Евгений Яковлевич (1882–1950) – библиограф, поэт, переводчик, литературный критик, исследователь творчества Черубины де Габриак (Е.И. Дмитриевой), педагог.

** Дурьлин, Сергей Николаевич (1877–1954) – этнограф, литературовед и искусствовед, поэт, педагог. Доктор филологических наук, профессор. Учёный-богослов, принял сан священника весной 1920 г.

*** Князь Андрей Звенигородский (1878–1961) – поэт, литературовед и историк литературы, исследователь жизни и творчества П. Я. Чаадаева.

**** Усов, Дмитрий Сергеевич (1896–1943) – поэт, переводчик, литературовед. С 1907 по 1913 г. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Жил на Арбате, в Староконюшенном переулке. Отчим его был приват-доцентом Университета.

***** Шервинский, Сергей Васильевич (1892–1991) – поэт, известный переводчик.

Студенческая жизнь. Традиции и обычаи

«...в пользу Пятигорского студенческого санатория»

Письмо редакции «Общестуденческого литературного сборника» в Правление Императорского Новороссийского университета (Одесса)

Публикация А.В. Бакунцева

Публикуемое ниже письмо хранится в Государственном архиве Одесской области, в фонде Правления Императорского Новороссийского университета (ф. 45, оп. 9, ед. хр. 17, л. 384). Наше внимание этот документ привлек, главным образом, как еще одно свидетельство того, что в России во все времена понятие студенческого братства было не пустым звуком, что студенческая благотворительность, примеры которой мы можем наблюдать и сегодня, имеет давние благородные традиции. Причем, что для нас особенно важно, в данном случае благотворительная инициатива исходила от студентов Московского университета.

Любопытна предыстория этого письма*. Поводом для его написания стал выход в Москве, в 1910 г., первого (и, по всей видимости, единственного) «Общестуденческого литературного сборника», издание которого было предпринято для того, чтобы собрать средства в пользу первого в России студенческого санатория, основанного в Пятигорске в 1906 г. местным Обществом пособия бедным. Инициаторами этого, как сейчас бы сказали, «проекта», выступили студенты Московского университета, обратившиеся «путем печати и особых объявлений к слушателям всех высших учебных заведений России с предложением о до-

* Впрочем, можно не сомневаться, что подобных писем было несколько, и все они были разсланы по разным высшим учебным заведениям Российской империи.

ставлении оригинальных литературных произведений»^{*}. Отбор и редактирование литературного материала взяли на себя писатели И. А. Бунин, Н. Д. Телешов и юрист, мемуарист, близкий знакомый Л. Н. Толстого Н. В. Давыдов. В предисловии к сборнику они так определили его «двойную» цель: «некоторое ознакомление общества с направлением и приемами литературного творчества современной учащейся в высшей школе молодежи и оказание материального содействия Пятигорскому студенческому санаторию»^{**}.

По итогам конкурса для опубликования в сборнике были выбраны произведения 33 авторов, представлявших целый ряд высших учебных заведений Российской империи, а именно Московский, Петербургский, Казанский, Киевский, Харьковский, Томский, Новороссийский университеты; Московский коммерческий, Московский сельскохозяйственный, Киевский политехнический и Харьковский технический институты; Московские высшие женские курсы; Московскую духовную академию (в Сергиевом Посаде). Весь отобранный литературный материал был распределен между четырьмя разделами: I. Стихотворения; II. Проза; III. Критика; IV. О Пятигорском студенческом санатории. Больше всего оказалось поэтов – 22 человека; вдвое меньше – прозаиков (10 человек), причем студент Киевского политехнического института В. Бутов выступил сразу в двух ипостасях; критик оказался только один. Очерк, давший заглавие четвертому разделу, стал также послесловием ко всему сборнику и был написан секретарем редакции и одновременно студентом Московского университета А. С. Чапковским. Перу этого человека принадлежит и публикуемое здесь письмо.

Письмо написано от руки, каллиграфическим почерком, на бланке редакции «Общестуденческого литературного сборника», в названии которого тогда еще фигурировало слово «первый», однако впоследствии издатели от него почему-то отказались (ни на переплете сборника, ни на титульном листе этого слова нет). Ос-

* Общестуденческий литературный сборник / Под ред. И. Бунина, Н. Давыдова, Н. Телешова. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1910. С. 5.

** Там же.

новной цвет чернил – черный, и только слова «В Правление» – в начале и «Секретарь» – в конце письма оттиснуты синими чернилами явно при посредстве канцелярского штампа. Примечательно, что автор избегает употребления буквы «ер» (ъ) на конце слов с согласными: например, не «въ», «поступить», «сборникъ» как писалось по нормам тогдашней грамматики, а как это стало принято после 1918 г.: «в», «поступит», «сборник» и т. д. Также обращает на себя внимание адрес редакции: Б. Грузинская ул., дом Университета. Установить точное местоположение этого дома и его предназначение, к сожалению, не удалось. Предположительно это было общежитие Московского университета. Однако согласно справочнику «Вся Москва» за 1910 г. на Большой Грузинской помещались I и II студенческие общежития имени Императора Николая II, а собственно университетское общежитие находилось в Филипповском переулке.

Какова была реакция Правления Новороссийского университета на это письмо, в точности неизвестно. В крупнейших библиотеках Одессы, в том числе в Одесской государственной публичной библиотеке им. М. Горького и в Научной библиотеке Одесского национального университета им. И. И. Мечникова «Общестуденческий литературный сборник» обнаружен не был, но это вовсе не значит, что просьба редакции была проигнорирована. Тем более что тогдашний председатель Правления и одновременно ректор Новороссийского университета – С. В. Левашов – по основной профессии был врач^{*}. Не исключено, что все до единого экземпляры книги (если, конечно, их присылали из Москвы) были раскуплены одесскими студентами.

Письмо печатается в современной орфографии. В квадратных скобках восстановлены сокращения и опущенные автором фрагменты текста.

* Выпускник Петербургского университета, иностранный член-корреспондент Парижского терапевтического общества, ординарный профессор, действительный статский советник Сергей Васильевич Левашов, возглавлявший Новороссийский университет в 1907–1912 гг., немало сделал для развития этого учебного заведения: при Левашове в университет были приглашены новые лекторы, новые профессора, открыты новые учебные аудитории. Судьба С. В. Левашова трагична. В конце июля или начале августа 1919 г. он без суда и следствия был расстрелян одесской ЧК.

11 дек[абря] 1909

Редакция
«Первого общестуденческого
литературного] сборника»

В Правление [Императорского Новороссийского университета].

Ваше превосходительство!

В ближайшем будущем выйдет в Москве под редакцией Ив. Бунина и Н.Д. Телешова «Первый общестуденческий литературный сборник», доход от издания которого поступит на расширение Пятигорского студенческого санатория.

Будучи вполне уверены в Вашем сочувствии как попытке нашей объединить молодые творческие силы нашего студенчества, так и желании оказать материальную поддержку единственному студенческому санаторию, позволяем себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой разрешить продажу студенческого сборника в стенах Императорского Новороссийского университета, а также указать те из организаций студенчества, которым мы могли бы предложить взять на себя таковую продажу.

Наиболее для нас подходящими являются организации, имеющие книжные склады или занимающиеся изданием лекций и пособий для студентов.

Прилагая при сем 2 семикопеечные марки, покорнейше просим ответить в возможно непродолжительном времени по адресу: Москва, Б. Грузинская, д. Университета. Секретарю редакции студенческого сборника А.С. Чапковскому.

С глубоким уважением
Секретарь Ал. Чапковский

Э. В. Степченко

Мой университет

Я поступила на филологический факультет МГУ летом 1952 года, на общих основаниях. По слухам, конкурс был 20 человек на место, так как поступало много абитуриентов из союзных республик (с золотой медалью), из стран народной демократии (Польши, ГДР, Албании и других). Отдавали предпочтение и тем, кто окончил сельскую школу. Москвичей было очень мало. Наши шансы равнялись почти нулю. Я заранее решила, чем буду заниматься, если не пройду по конкурсу. Но кто-то высоко оценил мое сочинение по Некрасову, мои ответы по русскому языку и, как ни странно, по географии. И я прошла. Меня зачислили на классическое отделение (античная литература, древнегреческий язык, латынь). Спустя какое-то время я перешла на русское отделение. Лекции по древнерусской литературе нам читал Н. К. Гудзий – очень остроумно и весело, по зарубежной литературе – Р. М. Самарин, по введению в языкознание – Р. А. Будагов. Я записалась к нему в семинар. Слушали лекции в Большой коммунистической аудитории. Они были такие интересные, что к нам приходили студенты других факультетов, особенно с механико-математического.

Я бы сказала, что атмосфера в аудитории была даже праздничной, почти концертной. Что-то вдохновляло и лектора, и нас – вчерашних школьников (?!). Может быть, сцена и зал в виде амфитеатра. 200 человек слушали лекции – весь курс... Может быть, ораторское мастерство и юмор почтенных преподавателей или эйфория послевоенного времени (ведь прошло всего 7 лет после войны).

Надо учесть и то, что мы учились в отдельных школах, как в гимназиях, с 1943 года – отдельно мальчики и девочки. А здесь – демократично все вместе.

На курсе были участники войны – много старше нас, кто-то даже в шинелях и гимнастерках или в морской форме. Ходили на занятия и те, кто пропустили учебный год в 1941-м. Одна студентка – бывшая узница Освенцима. И студенты – немцы из ГДР (мы

долго не могли к ним привыкнуть). Учились чехи, поляки, болгары, албанцы. И мы – вчерашние школьники и школьницы – были как дети-подростки на фоне остальных. Девочки с косичками, в школьной форме – коричневые платья, только без фартуков.

Взрослели медленно. Здоровье у многих было плохое: малокровие, головокружение, слабость... Но хотелось учиться, и, по мере сил, терпели. Многих подводили нервы, кое-кто отсеян был после 1-го курса – по болезни или из-за неуспеваемости.

В будущем стали известны многие мои однокурсники – Андрей Зализняк – академик, полиглот; Станислав Куняев – поэт, главный редактор журнала «Наш современник»; Нинэль Шахова – спецкорреспондент, телеведущая программы «Время»; Ольга Доброхотова – телеведущая программы «Музыкальный киоск»; Валентин Непомнящий – известный пушкинист и другие. Многие работали в издательствах «Художественная литература», «Детская литература», в журнале «Дружба народов», в «Литературной газете», «Труде», в журнале «Детская литература».

По случаю 20-летия выпуска (в 1977 году) мы встречались на Ленинских горах. Но ностальгия тянула на Моховую, в старое здание.

Первый раз я шла на факультет журналистики (в конце восьмидесятых посчастливилось работать со студентами) с радостью и замиранием сердца. Непередаваемое ощущение – почти через 30 лет... Те, кто учатся сейчас, вряд ли понимают и ценят свое счастье. Пройдут годы, и они испытают, я предполагаю, нечто похожее. Все по Пушкину: «что пройдет, то будет мило...»

Справка о профессиональной карьере

Э. В. Степенко – старший редактор издательства «Малыш», член Союза журналистов с 1964 года, главный редактор издательств «Кристина», «Кристина и Ольга». В течение 20 лет была заместителем председателя секции детской и педагогической печати Союза журналистов Москвы.

Жизнь одного студента

Меня зовут Ус Николай Федорович, и я выпускник МГУ. Вот моя история.

Детство

Я родился в 1932 году в городе Миргороде на Полтавщине в Украине. Почти весь городской народ трудился на полях, промышленности не было. Основой города был санаторий с целебной минеральной водой – «Вода Миргородская».

Мой отец был офицером Красной армии, он пропал без вести в первые дни войны. Мы с матерью пару лет ездили от одних родственников к другим, от одних добрых людей к другим. Когда война закончилась, смогли вернуться в Полтаву. Город был разрушен: стояли одни остовы домов. Нас никто не ждал...

Школа

Наконец, мы смогли найти маленькое полуподвальное помещение. Я пошел в русскую школу для мальчиков (ведь тогда было раздельное обучение). Я учился хорошо, особенно по душе мне была математика, ну, и другие естественные науки. Учебников тогда не было. Я ходил в читальный зал городской библиотеки, где и готовил уроки, писал сочинения, а домой брал книги и журналы на абонемент, будто бы для матери.

К выпускным экзаменам я готовился серьезно. Были опубликованы экзаменационные билеты по всем предметам. Так вот еще летом перед выпускным 10-м классом я взялся писать краткие ответы на все билеты всех предметов – было 13 экзаменов, причем некоторые, например, история, за несколько лет изучения: история древнего мира, средних веков и история СССР. Кроме того, были русский язык и литература, украинский язык и литература, алгебра, геометрия, тригонометрия, экономическая география и другие. По окончании школы я получил золотую медаль.

Поступление

И вот закончена школа. Теперь куда? В Харьков, Киев, Москву? Мама рассудила – так как учиться дома я не буду, то все равно куда ехать. И решили, что надо ехать в Москву, в Университет, раз у меня золотая медаль – меня примут обязательно.

Вот я и в Москве. Только вышел на площадь Курского вокзала, встречаю десятиклассника нашей школы из параллельного класса. Узнав, что я только приехал, взялся показать мне город. Мы поехали на Красную площадь, встали в очередь в Мавзолей Ленина. Но в голову приходит мысль, что это не главное, надо сдать документы, получить место в общежитии, а то ночевать негде, а завтра выходной день. Я спросил, где МГУ, и скоренько отправился в приемную комиссию, которая работала в овальном зале на втором этаже на Моховой, 11 (здание ректората).

В полукруглом зале вдоль стенки стояли столики всех факультетов. Я подошел к столику физфака, взял проспект, читаю, чувствую – не осилю я здесь, да и большого интереса не вызвало напечатанное. Вот столик мехмата. Прочитал проспект. Какое отделение выбрать? Математика, механика, астрономия?.. Механика показалась более занятой наукой, я подал документы. И вовремя, потому что проректор по общежитию уже собрался уходить, а без него меня не взяли бы на постой. Но я успел, подписал направление и поехал на Стромьнку в общежитие, в котором мне было суждено прожить 4 года. Тогда это было четырехэтажное здание бывшего монастыря. Оно имело форму квадрата в центре которого был изолированный дворик с церквушкой. Два верхних этажа были надстроены позднее и представляли круговой замкнутый коридор с комнатами студентов по обе стороны. Комнаты обычно были на 6 человек, хотя одна из них была очень большая – на 16 человек. Здесь по традиции размещали девчат-первокурсниц. Совместная жизнь быстро воспитывала их. Индивидуализму тут не было места, и скоро их коллектив превращался в коммуны с общим хозяйством. Да и ребята быстро отказывались от замочков на сундучках или чемоданах.

Вот я сижу на кровати, на другой сидит парень, поступающий на физтех, и наизусть шпарит правила русской грамматики. Я умел писать правильно почти без ошибок, но так знать все правила правописания... Вызвал восхищение!

Через день мне было назначено собеседование, которое проходили все медалисты. Я представлял себе его как знакомство с поступающим. Захожу в аудиторию, сидит очень маленький человек, похожий на японца, – профессор небесной механики Дубошин. Рядом молодой парень из факультетского бюро комсомола. Мне задали обычные вопросы: где учился, впервые ли в Москве, что успел увидеть, какие архитектурные формы я знаю, заметил ли их в городе, что читаю. Потом профессор дает мне пример на тригонометрическое уравнение. Я с ходу нахожу решение. Еще задачу, еще. Я решаю быстро, но теряю знаки «плюс» и «минус», и ответ не всегда верный. Дубошин удовлетворился тем, что я быстро нахожу верное и короткое решение. Через день я получил извещение, что я принят и до сентября свободен.

Начало

Первое сентября, первая лекция по высшей алгебре. Профессор Курош предлагает нам построить в уме пространство, содержащее 2 галоши, левую и правую, и договориться о правилах их сложения и умножения: $P+L=A$; $P-L=P$; $P*L=L$; $P*P=P$. Таким вот оказалось наше знакомство с высшей математикой.

Я был прилежным студентом, старался все конспектировать. Другие ребята больше слушали, а не писали. Они сразу понимали лектора и не теряли разные тонкости изложения. Я же, пытаюсь все записать, часть терял: нюансы, рассуждения. Они оставались непонятными. На первой же зимней сессии я получил 5 по высшей алгебре, в которой по книжке разобрался, а потом 2 и 3. Так бы я остался без стипендии, но она мне и не полагалась: я получал пенсию за погибшего отца. Зимой меня вызвали в военкомат на медкомиссию. Если бы я ее прошел, то должен был бы на военной кафедре штудировать военные дисциплины, в частности, – устройство и принципы работы ПУАЗО (прибор управление артиллерийским зенитным огнем) – очень трудный курс. Однако окулист обнаружил у меня большую близорукость, велел носить очки, не снимая, и в результате мне выдали «белый билет» об освобождении от воинской повинности. Я получил право не ходить на военную подготовку.

Студенты

Среди наших студентов-математиков было много чудаков, «не от мира сего». Их мысли витали где-то в облаках математики. Например, Генрих Маркушевич, сын президента академии педагогических наук, тоже математика. Его никак не могли заставить или научить ходить в строю в ногу со всеми. Он не мог отличить кипящего чайника на плите от еще не закипевшего. Но математиком он стал сильным. У нас учился Анатолий Витушкин. В школьные года он возился со взрывчаткой, при взрыве ему оторвало несколько пальцев, и он совсем ослеп. Он был отличником на курсе. Были у нас и два слепых преподавателя. Один из них, Пархоменко, был доцентом у профессора Куроша, я ему однажды сдавал экзамен. Хорошо учились Андрей Горчар – будущий член Президиума АН, Андрей Ершов – будущее светило в области вычислительной математики и ряд других.

Быт

У меня были проблемы с одеждой и обувью. Тогда я купил себе лыжный костюм и спокойно ходил в нем на занятия всю зиму (без пальто). Обедал в столовой днем. Обед стоил 35 копеек. Хлеб и горчица, иногда кислая капуста стояли бесплатно на столах. Если совсем не было денег, можно было поесть хотя бы это. В булочной на улице Горького (около театра Ермоловой) часто были пирожки с ливером по 7 копеек. Они пользовались популярностью. Утром и особенно вечером я готовил еду в общежитии на кухне. Поскольку я не позволял себе покупку лишнего (белого хлеба, колбасы), то мне моей пенсии хватало. Большинство студентов имели больше возможностей – помогали родители деньгами и посылками.

От общежития до метро мы ездили на трамвае, как правило, без билетов.

*Зимой и летом мы ездим без билетов,
Кондуктора нас знают, штрафуют, ругают,
А мы им ответим студенческим билетом,
Что хочешь тут кричи – а мы не богачи!*

Однажды пристал ко мне контролер, потребовал документ. Студбилет я давать не стал, а дал читательский в Ленинку. Тогда

контролер решил, что я работаю в Ленинке, обещал написать туда письмо.

Общежитие

В общежитии в основном была деловая атмосфера. Перед сессией в коридорах выставлялись столы, где можно было заниматься, не мешая товарищам по комнате спать. Был твердый порядок – после 23 часов любой из нас мог выключить свет в комнате и включать его уже было нельзя.

Были элементы взаимовыручки: кто пришел поздно и хотел перекусить, мог в любой тумбочке взять еду, но не больше половины имеющегося. Кипяток на кухне был круглосуточно.

Студенческий досуг

В зимние каникулы студенты ездили домой, а у кого не было на то денег, как у меня, пребывали в общежитии или ходили на лыжах в походы по Подмосковию. Тогда в селах Подмосковья не было радио, газет, нередко света, и нашему появлению колхозники были рады. Мы рассказывали им международные новости, делились сахаром, маслом сливочным, консервами, устраивали концерты самодеятельности. Спали в шубах на полу, вповалку на сене или на каких-то подстилках – что было у хозяев. На 2–3 курсах стали ходить в походы выходного дня: уходим вечером в субботу, возвращаемся в воскресенье вечером. Такие походы давали нам многое, воспитывали чувство товарищества, взаимопомощи, любви к родному краю. Ярким проявлением этого был туристский фольклор.

Очень богатым был и студенческий фольклор. На мехмате ходили списки поэмы «Евгений Негранкин», песни про погибшего на экзамене студента:

(поется на мотив песни «Раскинулось море широко»)

*Раскинулось поле по модулю пять,
На нем полиномы стояли.
Товарищ не смог производную взять.
Ему с укоризной сказали:*

«Анализ нельзя на аране сдавать,
Тумаркин тобой не доволен.
Изволь теорему Коши доказать,
Иль будешь с мехмата уволен».

Хотел доказать, но сознания уж нет...
В глазах у него помутилось.
Увидел на миг он зачетку свою,
Упал... Сердце больше не билось.

Напрасно билет предлагали другой,
Пытаясь привести его в чувство...
Тумаркин сказал, покачав головой:
«Вот кара тебе за беспутство».

Всю ночь в деканате покойник лежал
В одежду студента одетый.
В руках он зачетную книжку держал
И синус, на вектор надетый.

Чуть утро настало, звонок прозвенел,
Друзья с ним проститься решили.
Из векторов крест, из циклоид венки
На тело его возложили.

К ногам привязали двойной интеграл
И в матрицу труп обернули.
Прощальную речь Колмогоров сказал
И тело с мехмата спихнули.

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут, она зарыдает...
А синуса график волна за волной
По оси абсцисс убеждает.

Большую роль в жизни студентов занимали студенческие вечера с обязательным «капустником», частушками на местные темы. Большим событием всегда был выпуск факультетской стенгазеты. Размером до 5 метров она вся была проникнута юмором, пестрела карикатурами, разыми шаржами. Газета выходила обязательно к праздникам – 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 8 марта – и не только к ним.

Параллельно с этим были лекции, семинары, сессии.

Студент был весел
От сессии до сессии,
А сессия всего два раза в год.
Студенты – гении, пора бы знать:
Любую сессию сумеем сдать!
А коль не знаешь ты билет,
То не забудь про шпаргалет!

Практика

На четвертом курсе у нас была практика. Мы впервые приехали в Подлипки. Нам показали аэродинамические установки, предприятия дали задания по обработке результатов эксперимента. Расчеты вели на механических арифмометрах «Феликс». С 13 августа 1954 года – я сотрудник-инженер в 11 отделе предприятия 989. Попал я в группу Герасимова, где разрабатывалась идея создания установки с электродуговым нагревом поступающего воздуха. Это было сложной задачей. Надо было добиться устойчивого горения электрической дуги в замкнутом маленьком объеме так, чтобы стенки его не прогорели. Для этого создавалось мощное магнитное поле, вращающее дугу.

Была создана модельная установка, но устойчивой ее работы добиться долго не удавалось. Мне и моей однокурснице были поручены расчеты контура (профиля) сверхзвуковой части сопла электродуговой установки. Мы не отрываясь от работы, считали на арифмометрах. Однажды к нам подошел наш лектор профессор Рахматуллин. Он послушал нас и сказал, что эту работу мы сможем завершить примерно за полгода.

Затем к нам подошел начальник нашей лаборатории, лауреат Сталинской премии Игорь Чубанов. Услышав прогноз, выданный Рахматуллиным, он сердито заявил, что работу нужно завершить через две недели, ибо ему нужно выдать техзадание на проектирование контура. Не через 2 недели, несколько позже, но мы дали результат с выводом, что этот способ построения сопла не годится – поток газа получается сильно неоднородным.

Через пару месяцев меня перевели в другую лабораторию, где создавали большую ударную трубу длиной около 200 м и диаметром 50 см. До этого у нас в стране были трубы только длиной 5–10 м и диаметром 5 см.

Параллельно с этим велись работы по созданию теплозащиты летающих со сверхзвуковой скоростью ракет. Такая скорость ведет к сильному нагреву поверхности ракеты за счет ее трения и ее повреждению. У нас изучалось поведение и эффективность различных рецептур композитных материалов, американцы в это время подбирали тугоплавкие сплавы. Наш путь создания теплозащиты оказался удачным, мы обогнали американцев.

Потом я занялся изучением свойств потока, обтекающего ракету: оказывается, что в условиях сильного нагрева молекулы кислорода и азота, из которых состоит воздух, распадаются на атомы и ионы. В общем, работы было много и все впервые в мире. Раньше этого никто не изучал и не делал...

Справка о профессиональной карьере

Николай Федорович Ус учился на механико-математическом факультете МГУ в 1949–1954 годах. Всю свою жизнь проработал конструктором ракетно-космической техники в ЦНИИМАШе (Центральный научно-исследовательский институт машиностроения), имеет около 10 запатентованных секретных изобретений.

Б. М. Болотовский

Вспоминая «наши годы молодые»

Выдающийся отечественный физик, профессор, доктор физико-математических наук Борис Михайлович Болотовский, чьи работы по исследованию релятивистских эффектов и теории электромагнитного излучения получили заслуженное признание, родился в Москве, его родители школьные педагоги, отец преподавал историю, мать – литературу. В 1945 г. Б. М. Болотовский поступил на физический факультет МГУ, который окончил в 1950 г., и вот уже более полувека работает в теоретическом отделе (ныне Отделение теоретической физики им. И. Е. Тамма) Физического института им. П. Н. Лебедева Академии Наук. Б. М. Болотовский защитил кандидатскую диссертацию в 1954 г, докторскую в 1965 г., в 1978 г. ему присвоено звание профессора.

Б. М. Болотовский внес и продолжает вносить важный вклад в неформальное творчество под рубрикой «физики шутят». Он является одним из составителей известного одноименного сборника, в свое время много сотрудничал с коллективом авторов знаменитой оперы «Архимед». А в декабре 1946 года студент второго курса физфака МГУ Борис Болотовский сочинил знаменитую «Дубинушку» – «гимн студентов-физиков всех времен и народов» (так его называют сегодня в интернете).

Сейчас трудно вспомнить в деталях происходившее сорок пять лет назад, тем более что тогда я мало придавал значения тому, о чем собираюсь рассказать, а никаких письменных материалов, архивных документов и других бумаг с того времени не осталось, да и не могло остаться. Тем не менее, попытаюсь восстановить в памяти события тех далеких лет.

В 1946 г. я учился на втором курсе физического факультета Московского государственного университета. Курс у нас был большой – триста человек. За полтора года мы успели перезнакомиться друг с другом и, как говорится, сдружиться по интересам, которые, конечно, не ограничивались чисто учебными делами, хотя учеба, постижение нового нас тоже очень увлекали. Свободное время мы проводили в дружеском общении, в разговорах по душам (иногда – не без этого – с предварительной выпивкой),

в походах по окрестностям Москвы. Все мы тогда много читали, не пропускали литературных новинок, обсуждали прочитанное и много спорили.

Вспоминаю, как каждый месяц в день выдачи стипендии мы выстаивали длинную шумную очередь к окошку под лестницей, где медлительный и невозмутимый старик отслушивал наши двести сорок рублей. Несмотря на свою невозмутимость, время от времени он выглядывал из окошка и просил: «Тише! Мешаете работать». Мы ненадолго замолкали, но потом шум возобновлялся. Старый кассир считал так медленно, что казалось, будто он брал студентов на измор. Возникло желание, не дожидаясь, пока он выдаст все положенное, взять то, что уже он отсчитал, и уйти.

День выдачи стипендии связан у меня еще с одним воспоминанием. В этот день у нас сколачивалась компания из одних и тех же студентов: Вити Белого, Миши Белоусова и меня. Получив деньги, мы втроем шли в магазин «Вина Азербайджана», который находился недалеко от университета, в самом начале улицы Горького. Там мы брали бутылку муската. Это было недорого, и на каждого приходилось по двести пятьдесят грамм великолепного ароматного вина. Купленную бутылку мы распивали тут же, в магазинчике, это не запрещалось, желающим беспрепятственно давали стаканы и откупоривали бутылку. Пили мы мускат сосредоточенно, молча, смакуя каждый глоток, и вино того стоило. Осушив бутылку, мы шли обратно в университет. Наше настроение улучшалось, нам казалось, что день стал светлее, а встречные люди — добрее и дружелюбнее, все девушки превращались в красавиц, а Москва поворачивалась к нам самыми прекрасными фасадами.

Эта наша традиция — бутылка муската в день стипендии — продержалась пару лет и закончилась, если не ошибаюсь, закрытием магазина «Вина Азербайджана». Никто из нас не стал алкоголиком, так что твердокаменные члены общества борьбы за трезвость не должны нас сурово осуждать, тем более что я и сам теперь состою членом этого общества.

Мы шли на лекцию по линейной алгебре, которую читал прекрасный лектор, великолепный математик и хороший человек Сергей Васильевич Фомин. Мы как раз успевали к началу. Звенел звонок, мы рассаживались по местам, и в аудиторию (Ленинскую)

входил Сергей Васильевич, молодой, неторопливый, в офицерском кителе без погон. Он был участником Отечественной войны, вернулся в университет после Победы и несколько лет потом проходил в своей офицерской форме, не имея возможности купить штатский костюм — недоставало денег.

Сергей Васильевич читал замечательно: интересно, ясно и так, что мы успевали все записать. Но выпитый стакан муската все же иногда давал о себе знать. Я задумывался о чем-то постороннем, переставал записывать за Фоминым и, глядя на склоненные над конспектами головы моих товарищей и ничего не видя, уносился мыслями неведомо куда.

В один из таких моментов у меня возникла мысль, что хорошо бы сочинить такую песню, которую бы пели студенты-физики и которая бы их всех объединяла. Я немного подумал, а потом увидел, что отстал, и бросился быстро списывать формулы с доски, чтобы наверстать упущенное. Про песню для студентов-физиков я тогда уже больше не вспоминал. Но ровно через месяц при тех же обстоятельствах эта мысль пришла ко мне снова и снова пропала. И так было несколько раз.

В конце декабря наш курс устраивал новогодний вечер. И вот тут, когда я узнал о нем, мысль написать такую песню опять захватила меня и уже больше не отпускала. Я решил, хорошо ли, плохо ли, а попробовать. Хотелось придумать веселую песню, которая могла бы поднять настроение. Конечно, никакого опыта у меня не было, а была только самонадеянность, присущая юности.

Я решил написать песню на мотив «Дубинушки». Я часто слышал по радио, как эту песню поет Шаляпин, она мне очень нравилась в его исполнении. Его могучий бас удивительно соответствовал смыслу этой песни.

За работу я засел в день перед новогодним вечером. Мне хотелось, чтобы «Дубинушка» была не бурлацкая, а студенческая. Написал я ее за несколько часов. Вот что получилось:

*Тот, кто физиком стал,
Тот грустить перестал,
На физфаке не жизнь, а малина,
Только физика — соль,*

*Остальное все – ноль,
А филолог и медик – дубина.*

Припев:

*Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем, да ухнем!
Котелок не варит,
И бедняга зубрит,
Над конспектами гнет свою спину.
Сто экзаменов сдал,
Сто зачетов страдал,
А закончил – дубиной дубина.*

Припев.

*Мы зачеты сдаем,
Интегралы берем,
Мы квантуем моменты и спины,
А как станет невмочь,
Все учебники прочь
И затайнем родную «Дубину».
Припев.*

Листочек со словами я сунул в карман и пошел на новогодний вечер.

Мы собрались на Моховой, в здании, где располагались механико-математический и исторический факультеты. Выпили, закусили, потанцевали, а потом я сказал, что у меня есть новая песня студентов-физиков. Заинтересовались этой песней немногие – всего человек пятнадцать из более двухсот присутствовавших (курс был, как я уже сказал, большой – триста человек). Мы нашли пустую аудиторию, и там я влез на стол и спел песню. Слушали меня одни ребята, ни одной девушки не было: им было неинтересно. Припев спели хором. Песня понравилась, и слушатели потребовали повторить. Я не упирался. Затем меня стали качать – несколько

ко раз подбросили и, слава Богу, столько же раз поймали. Потом я кому-то отдал листочек со словами...

Я смутно помню, что в последующие три года учебы мы раз или два пели эту песню всем курсом – были какие-то праздничные сборища. А на пятом курсе я узнал, что «Дубинушку» поют студенты-физики еще в одном университете – Саратовском. Один мой приятель начал учебу на физическом факультете МГУ, но затем по семейным обстоятельствам перевелся в Саратовский университет. Мы не виделись с ним года два, а потом, когда он приехал в Москву, встретились. Поговорили обо всем, и вдруг он произносит: «Ты извини, я там, в Саратове, сказал ребятам, что это я написал “Гимн физиков”. Не обижайся». Я не обиделся. Мне было приятно, что эту песню поют студенты-физики и в Саратове и что она называется «Гимн физиков».

С тех пор прошло более сорока лет. Студенческая «Дубинушка» не умерла – она жива, ее поют физики по разным случаям, и я несколько раз видел, как ее поют стоя. За эти годы «Дубинушка» изменилась, теперь ее слова существенно отличаются от тех, которые я привел здесь, добавился даже целый куплет, но я не знаю, кому принадлежат внесенные изменения. Тем не менее у меня есть все основания радоваться тому, что приложил к этому делу свою руку.

Дубинушка

(гимн студентов-физиков всех времен и народов)

Классический текст:

*Тот, кто физиком стал,
Тот грустить перестал.
На физфаке не жизнь, а малина.
Только физика – соль,
Остальное все – ноль,
А филолог и химик – дубина.*

*Эх, дубинушка, ухнем!
Может, физика сама пойдет!*

Подучим, подучим да бросим...

На физфаке живем,
Интегралы жуем.
Мы квантуем моменты и спины,
А как станет невмочь,
Все учебники прочь,
И затаянем родную «Дубину».

Эх, дубинушка, ухнем!
Может, физика сама пойдет!
Подучим, подучим да бросим...

Котелок не варит,
А студент все сидит.
Над конспектами гнет свою спину.
Сто экзаменов сдал,
Реферат написал,
Но остался дубина дубиной.

Эх, дубинушка, ухнем!
Может, физика сама пойдет!
Подучим, подучим да бросим...

Деканат весь кипит,
Сам декан говорит:
«Неприглядна ученья картина».
Мы на это плюем,
Мы уверены в том,
Что и сам он - большая дубина.

Эх, дубинушка, ухнем!
Может, физика сама пойдет!
Подучим, подучим да бросим...

Варианты

Вариант МФТИ

Как я физиком стал, так грустить перестал –
На физтехе не жизнь, а малина.
Только в физике соль, остальное все - ноль.
А филолог, биолог дубина.

Эх, дубинушка, ухнем. Может, физика сама пойдет.
Подучим, подучим, да бросим.

Вот филолог сидит, он три ночи не спит,
Над конспектами гнет свою спину.
Сто экзаменов сдал, сто зачетов столкал,
А остался дубина-дубиной.

Эх, дубинушка, ухнем. Может, физика сама пойдет.
Подучим, подучим, да бросим.

На физтехе живем, интегралы жуем,
И квантуем моменты и спины.
А как станет невмочь - все учебники прочь,
И затаянем родную «Дубину».

Эх, дубинушка, ухнем. Может, физика сама пойдет.
Подучим, подучим, да бросим.

Деканат наш не спит, сам декан говорит,
Неприглядна учебы картина.
Мы на это плюем, мы уверены в том,
Что и сам он большая дубина.

Эх, дубинушка, ухнем. Может, физика сама пойдет.
Подучим, подучим, да бросим.

Вариант ЛГУ

На физфак кто попал –
Тот грустить перестал,
На физфаке - не жизнь, а малина.
Только физика - соль,
Остальное все - ноль!!!
А юрист и филолог - дубина.

Припев:

Эй, дубинушка, ухнем.
Может, физика сама пойдет,
Подучим, подучим,
Да скинем.

На физфаке живем,
Интегралы жуем
И квантуем моменты и спины.
А как станет невмочь –
Все учебники - прочь,
И затаянем родную дубину.

Припев.

Месяц в окна глядит,
А студент все не спит,
Над конспектом согнул свою спину.
Сто экзаменов сдал,
Сто зачетов толкал,
А остался дубина-дубиной!

Припев.

Деканат нам грозит,
Сам декан говорит, -
Неприглядна ученья картина!
Но при этом при всем
Забывает о том,
Что и сам он - большая ...!!!

Припев:

Эй, дубинушка, ухнем.
Может, физика сама пойдет,
Подучим, подучим,
Да скинем.

Студенты журфака шутят...**Роли исполняют:**

Зевс – Я. Н. Засурский
Гера – Е. Л. Вартанова
Афина – Е. Н. Корнилова
Афродита – Е. В. Ситникова
Купидон – С. И. Галкин
Посейдон – Н.А.Богомолов
Аид – В. М. Хруль (на его лекциях строжайше запрещено
пить и есть, как и в царстве Аида)

/ Артемида – О. В. Липич.
/ Аполлон – В. Е. Красовский (читают лекции по истории
русской литературы и являются сестрой и братом по духу)

В. А. Свешиников

Татьянин день на биофаке

«Татьянин день на биофаке МГУ проходил очень шумно и весело, а порой даже бурно. После короткой торжественной речи декана факультета, профессора Сергея Дмитриевича Юдинцева, которого студенты между собой называли Кудрявым, потому что на его блестящей голове не было даже следов волос, следовали поздравительные тосты и обильные возлияния, в которых на равных принимали участие и профессора, и студенты. Темп застолья быстро нарастал и заканчивался хоровой студенческой песней «Крамбамбули» со словами «За то монахи в рай пошли, что пили все Крамбамбули...» Непременно пели также старинный гимн древних латинских университетов «Гаудеамус». После завершения песенного репертуара начиналось самое главное ритуальное действие. Сергей Дмитриевич Юдинцев под хихиканье студентов торжественно обращался к директору Зоологического музея профессору Сергею Сергеевичу Турову за разрешением выдвинуть на середину вестибюля чучело гишпопотама, которое в наше время стояло в углу вестибюля, примерно там, где теперь за столиком сидит дежурный вахтер. Сергей Сергеевич объяснял, что гишпопотам – музейный экземпляр и трогать чучело он никому не позволит. Тогда к просьбе декана присоединялись профессора, заведующие кафедрами, а за ними студенты. Вестибюль наполнялся шумом, который усиливался превосходной акустикой. Наконец, директор Зоологического музея уступал настойчивым просьбам и давал разрешение, чтобы бегемота выдвинули на середину. Когда чучело устанавливалось посредине вестибюля, наступала гробовая тишина, которая предвещала недоброе для бегемота и для Сергея Сергеевича Турова. В этот момент декан факультета торжественно предоставлял право первого прыжка через чучело бегемота Сергею Сергеевичу, напоминая ему, что это право принадлежит директору музея по старой традиции. И Сергею Сергеевичу ничего не оставалось, как согласиться на этот рискованный шаг. Комичность положения состояла в том, что Сергей Сергеевич Туров был небольшого роста, толстоват и с короткими ногами и руками. Тог-

да как чучело бегемота было высоким и стояло на подставке. Отказываться было поздно и невозможно. Сергей Сергеевич разбежался и под громовой хохот студентов, преподавателей и профессоров, едва подпрыгнув, всегда оказывался у хвоста гишпопотама. Декан факультета Сергей Дмитриевич Юдинцев был ненамного выше С. С. Турова, и у хвоста бегемота его постигала та же участь. После этого по традиции наступала очередь Георгия Васильевича Никольского, которого студенты между собой называли Длинный за его рост и очень длинные ноги. Рост Г. В. Никольского равнялся 2 м и 20 см. Георгий Васильевич, полный достоинства, медленно подходил к бегемоту и под изумление студентов медленно, шаг за шагом, пропускал бегемота между своими ногами. Из числа студентов лишь немногим директор музея разрешал попытаться прыгнуть через бегемота, опасаясь, что в азарте соревнования студенты оторвут бегемоту уши. После того, как бегемота водворяли на место, а профессора расходились по домам, наступало время царства студентов. К ночи и за полночь устраивали фиктивные свадьбы. Выбирали контрастные пары, например очень высокую невесту и к ней очень маленького жениха. Невесту под белой фатой усаживали рядом с женихом в торце длинного стола, начинался важный ритуал с поздравлениями, пожеланиями, неоднократно прерываемыми криками «горько!».

*Из воспоминаний В. А. Свешиникова о праздновании Татьянинного дня на биофаке МГУ во времена декана С. Д. Юдинцева**

* Цит. по: Корсаков С. Н. Декан Юдинцев // «Природа». 2010. № 3.

День студента-горняка

Святая мученица Татьяна – покровительница студентов Московского университета, да и всего студенчества. У студентов-горняков своя покровительница – святая великомученица Варвара.

В Московском государственном горном университете установилась традиция ежегодно 17 декабря, в день святой великомученицы Варвары – покровительницы горняков, праздновать День студента-горняка.

В 2010 году праздник начался с богослужения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя. И не было ничего удивительного в том, что на богослужении присутствовал начальник Военной академии им. Петра Великого, начальник Военно-технического университета при Федеральном агентстве специального строительства, представитель командующего Ракетными войсками стратегического назначения. К молитвенной помощи святой великомученицы Варвары прибегают не только горняки России и других стран, но и российские воины-ракетчики.

По окончании литургии Предстоятель Русской Православной Церкви поздравил всех с днем памяти святой великомученицы Варвары.

– Совершенно неслучайно, что люди этих сложнейших и тяжелейших профессий избрали своей покровительницей святую Варвару, – потому что она являет нам пример огромной силы духа, силы воли, терпения, выдержки – всего того, что так необходимо людям, работающим в самых тяжелых условиях, – отметил Патриарх Кирилл. – Святая великомученица имеет также особую благодать избавлять людей от внезапной смерти. И для тех, кто трудится глубоко под землей, и для тех, кто несет ответственность за безопасность всей страны и мира, такое покровительство есть, конечно, знак Божией милости.

В слове, посвященном мученическому подвигу святой Варвары, Предстоятель Русской Церкви напомнил, что подвижница стала жертвой собственного отца-язычника.

Святая великомученица Варвара

– Думая об этой катастрофе семейной жизни, невольно задумываешься и о беде, что пришла и в нашу большую семью, в нашу Россию, – продолжил Патриарх. – Совсем недавно в Москве произошли события, которые всех нас глубоко взволновали, – ведь это тоже беда, явившая нам жестокость в нашей большой семье.

По словам Патриарха, такого рода конфликты могут лишь внешне казаться межрелигиозными.

– Когда нам сегодня говорят, что конфликты, которые имеют место среди нашей молодежи, продиктованы разными верами, то это глубочайшее заблуждение и неправда, – подчеркнул Предстоятель. – Только безбожное язычество может сталкивать людей; может вдохновлять приезжих, какими бы верующими они себя ни называли, на жестокость по отношению к местному населению, в результате чего погибают люди; и только безбожное язычество может породить у местного населения реакцию, в результате которой опять-таки страдают и гибнут неповинные люди. То, что с нами происходит, – это не конфликт вер. Происходящее с нами – это некая иллюстрация того, чем становится человек, который утрачивает всякую веру и живет как язычник. Если народ наш не осознает, что невозможно жить по законам языческого мира, то будет все, что захочет человеческая плоть. Будет безрассудство, будут самые страшные преступления, и никакие правоохранительные органы, никакие законы не остановят людей, – человека могут остановить только совесть, только вера, только убеждения. И я обращаю это слово ко всем – и к православным, и к мусульманам, и к людям других вер: только религиозная жизнь может удерживать от подобного рода преступлений. Насилием, злобой невозможно достичь своих целей. Когда в Москву или в другие русские города приезжают наши сограждане, имеющие другую культуру, религию, они должны стремиться жить мирно, входя в духовную, культурную жизнь большинства народа; и расчищать себе дорогу в жизнь не силой, не групповщиной, не этнической солидарностью, не преступностью, а честным взаимодействием с другими, получением образования и работы, устройством семейной жизни, созданием общего Отечества. Так и местные жители должны не насилием, не грубой силой, не жестокостью останавливать безрассудство других, но солидарностью и таким выражением протеста, которое не провоцировало бы все новые и новые всплески насилия, но оказалось бы достаточным,

чтобы вразумить и власть, и правоохранительные органы, и самих подстрекателей межнациональной розни.

Праздничные мероприятия были продолжены в университете, где состоялась церемония награждения лучших студентов, преподавателей и сотрудников вуза.

В формате хроники

Медали Академии наук – студентам

Совет Министров СССР принял постановление об учреждении медалей с премиями для студентов высших учебных заведений и молодых ученых за лучшие научные работы. Вот что говорит об этом вице-президент Академии наук СССР, Герой социалистического труда академик М. Д. Миллионщиков:

– Учреждение медалей для студентов и молодых ученых говорит о признании и высокой оценке студенческого исследовательского творчества. Новые награды – медали АН СССР и премии в размере 200 рублей – будут ежегодно вручаться пяти студентам и трем молодым ученым, выполнившим важные исследования и получившим значительные результаты. Медали и дипломы будут вручаться на годичном общем собрании АН СССР.

(«Комсомольская правда», 25 июня 1971 г.)

Экономико-математическая школа

С осени 1968 года при экономическом факультете МГУ (Ленинские горы) работает экономико-математическая школа для старшеклассников. Вечерние занятия в ней проходят по вузовской системе: дважды в неделю – лекции и семинары, в конце семестров – зачеты и экзамены. Девятиклассники знакомятся в ЭМШ с основами высшей математики и политической экономии, десятиклассникам предлагаются на выбор спецкурсы: «Диалектика капитала», «Кибернетические системы», «Экономические приложения теории игр» и другие.

В мае дипломы получили слушатели третьего выпуска ЭМШ.
(«Вечерняя Москва», 17 мая 1971 г.)

Почетные граждане Кижей

Первый реставрационный отряд создали студенты-физики МГУ в 1967 году для реставрации Соловецкого монастыря. А через четыре года в студенческих реставрационных отрядах университета было уже 950 человек. Если до последнего времени они организовывались почти исключительно силами Общества охраны памятников истории и культуры, то в этом году комитет комсомола МГУ включил реставрационные отряды в план летних работ.

Третье лето подряд в Кижях трудился студенческий строительный отряд химического факультета МГУ. Студенты построили экспериментальный цех для консервации древесины, в котором теперь работают ученые, реставрировали Вознесенскую церковь из села Типиницы, перевезли на остров 200-летнюю часовенку. Этим летом студенты получили наиболее серьезное задание: разобрать и перевезти на Кижь дом Серегина (самый большой в Заонежье) и амбар из деревни Михозеро, построить навесы для обработки и хранения древесины, необходимой при реставрационных работах, перекрыть крышу на музейном доме зажиточного крестьянина Ошевнева, который является одним из ценнейших «экспонатов» историко-архитектурного музея. Дом построен «кошелем» – способом, который считается самым древним в Карелии. Студенты проделали уникальную работу по обновлению асимметричной двухскатной кровли дома.

Все бойцы стройотряда награждены грамотами, в которых зафиксировано, что каждый из них является почетным гражданином Кижей.

(«Комсомольская правда», 16 января 1971 г.;

«Вечерняя Москва», 8 июля 1971 г.;

«Комсомольская правда», 11 августа 1971 г.)

Александровские вторники

Более восьми лет назад первокурсники механико-математического факультета МГУ создали кружок любителей классической музыки. Собирались в общежитии, делились книгами о музыке, приносили скромные личные фонотеки, слушали записи. Об этом

узнал академик П. С. Александров. Известный во всем мире ученый пришел в студенческое общежитие и предложил свою домашнюю фонотеку классической музыки. И на одном из вечеров студенты увидели в академике Александрове не только корифея любимой науки – математики, но и превосходного знатока, тонкого ценителя музыки.

«Александровские вторники» – часть общей работы музыкального клуба «Топаз», созданного на мехмате студкомом и комитетом комсомола факультета. Возглавляет «Топаз» ученик П. С. Александрова А. Т. Фоменко. Музыкальные вечера ведут профессора Г. Е. Шимлов, Ю. М. Смирнов, аспиранты.

– В студентах я вижу не сосуды, изо дня в день наполняющиеся науками, а живых людей, которым нужна общая культура, – говорит Павел Сергеевич Александров.

(«Московская правда», 6 марта 1971 г.)

Находке – 800 миллионов лет

Ценные находки в восточной части Бахчисарайского района сделали ученые и студенты Московского геологоразведочного института имени С. Орджоникидзе (г. Москва, просп. Маркса, 18). Вот что рассказывает о них профессор Г. Немков:

– Особо научную ценность представляют обнаруженные возле села Староселья окаменелые останки древних рептилий – летающего ящера, птеродактиля. Они найдены в Крыму впервые. Древняя рептилия обитала на Земле около 800 миллионов лет назад.

(«Сельская жизнь», 12 августа 1971 г.)

Помогая семьям погибших

Студенты юридического факультета Томского университета (г. Томск, просп. Ленина, 36) ко Дню Победы обратились к студентам города с призывом поддержать их почин в ремонте квартир семей погибших воинов и ветеранов Великой Отечественной войны. Обращение студентов-юристов обсудили областной штаб ССО и общественность вузов города.

В течение трех дней специальные комиссии посетили квартиры семей погибших воинов и ветеранов войны, определили объем ремонтных работ. Студентам помогали строительные организации. Они выделили и развезли по местам ремонта необходимые материалы.

К Дню Победы было отремонтировано более тридцати квартир.

(«Комсомольская правда», 16 мая 1971 г.)

Общество семи муз

Всеобщее признание получило «Общество семи муз» Казахского государственного университета. Перед любителями искусства систематически выступают деятели культуры, литературы, театра. За время существования этого клуба состоялось больше тридцати творческих вечеров и концертов, проводились дискуссии, конференции, музыкальные вечера.

(Казахстанская правда, 3 февраля 1971 г. Алма-Ата)

Актовая речь

Каждый год в день основания Астраханского медицинского института им. А. В. Луначарского (г. Астрахань, ул. Мечникова, 20) собирается торжественное заседание Ученого совета, на котором произносится «Актовая речь», посвященная успехам в области науки, достигнутым в стенах института. Право чтения актовой речи считается высокой честью для каждого ученого. Кандидатура выступающего определяется предварительно на заседании Ученого совета.

Недавно в институте родилась новая традиция – слет студентов-отличников. Эти слеты теперь будут проводиться каждой весной.

(«Волга», 20 апреля 1971 г. Астрахань)

Новая дисциплина

В инженерных вузах Украины введено преподавание эргономики – науки, которая в широком плане изучает взаимодействие человека с окружающей производственной средой. Преподавание

нового курса рекомендовано вести по программе, разработанной Харьковским политехническим институтом (г. Харьков, ул. Фрунзе, 21). Большое внимание уделяется таким вопросам, как взаимоотношения в коллективе, «психологическая совместимость».

Готовится к печати курс лекций по эргономике.

(«Рабочая газета», 10 января 1971 г. Киев)

Аллея дружбы

В Махачкале состоялась неделя студенческой молодежи Кавказа. Она открылась чтением письма В. И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики». Представители студенчества Азербайджана, Кабардино-Балкарии, Южной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана провели теоретическую научную конференцию, посадили Аллею дружбы, встретились с дагестанскими писателями, побывали на всесоюзной ударной комсомольской стройке – Чиркейской ГЭС.

(«Правда», 25 апреля 1971 г.)

«Путь в науку»

В честь 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова проводится совместная экспедиция студентов и сотрудников Московского университета «Путь в науку из Холмогор в Москву». Участники экспедиции проводят встречи с местными жителями, доклады и беседы о жизни и деятельности Ломоносова.

Компьютер «Ломоносов»

При посещении МГУ президенту Российской Федерации Дмитрию Медведеву предложили придумать название для самого мощного компьютера в России. Медведев назвал суперкомпьютер – «Ломоносов». По его словам, это название для компьютера как нельзя лучше подходит. Оно ассоциируется с университетом. Новый мощный компьютер способен осуществлять более 400 триллионов операций в секунду.

25.11.2009

Без экзаменов на географический факультет

6 августа 2010 года московская школьница Ксения Соколова получила золотую медаль на Международной олимпиаде по географии на Тайване. Использование высоких технологий – главная особенность этой Олимпиады. А Тайвань, как известно, – одна из самых технически продвинутых стран мира.

В Олимпиаде принимали участие 120 человек из 27 стран. Ее участники прошли четыре испытания: письменный тест, два этапа полевых испытаний и мультимедийный тест. Официальный язык Олимпиады – английский.

Самым непростым заданием для Ксении были развернутые ответы по итогам обследования незнакомой местности, где участники состязания пробыли всего пару часов.

Она успешно справилась со стоящей перед ней задачей.

Теперь Ксения получила возможность без экзаменов поступить на географический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

*(Из сообщения пресс-службы
Русского географического общества)*

Ботанический сад Московского университета

С 1 декабря 2010 г. Ботанический сад Московского государственного университета открывает первый сезон орнитологических экскурсий.

В саду зимует большое количество птиц, которые находят здесь корм и укрытие.

Сотрудники Ботанического сада приглашают школьников и организованные группы посетителей полюбоваться красотами зимнего сада и послушать увлекательный рассказ о птицах, прилетающих к нам зимовать с севера или обитающих в саду круглый год.

Ботанический сад МГУ «Аптекарский огород»

У нас радостное событие! Впервые за 40 лет произошло пополнение парка садовой техники. Благодаря финансовой помощи ректора МГУ удалось приобрести трактор с комплексом навесного обо-

рудования (щетка, отвал, газонокосилка, фронтальный перегрузчик и измельчитель веток), а также газонокосилки и триммеры.

31 января 2011 года.

Открылся Московский планетарий

Открыл свои двери Московский планетарий, история которого неразрывно связана с историей Московского университета. МГУ сделал все возможное для возрождения планетария. Открытие такого современного центра популяризации естественнонаучных знаний – колоссальный прорыв для нашей страны в образовательной и просветительской деятельности. Ректор Московского университета В. А. Садовничий является председателем Ученого совета Планетария.

Интересные подробности

Прошение в Московский университет

*В Правление Императорского
Московского Университета.
Из дворян Александра Васильева,
сына Сухово – Кобылина*

Прошение.

Родом я Московской губернии, Подольского уезда, отставного полковника Василия Александровича Сухово-Кобылина сын, от роду имею 16 лет, обучался я в доме своих родителей разным наукам и языкам; ныне же, желая продолжать науки в Императорском Московском Университете и прилагая при сем документ о моем рождении и происхождении, покорнейше прошу оное правление по экзамену включить меня в число своекоштных студентов Физико-Математического Отделения.

*К сему прошению
Александр Васильев сын Сухово-Кобылин
руку приложил*

1834 года Августа* ... дня.

* Дата не поставлена. На верхнем поле документа другим почерком помечено: «Авг. 8» Прошение написано писарской рукой и только последние две строки приписаны просителем. В подписи фамилия пишется через «а» (Кабылин), в остальном тексте всюду «о».

Любопытный факт из биографии Л. Н. Толстого

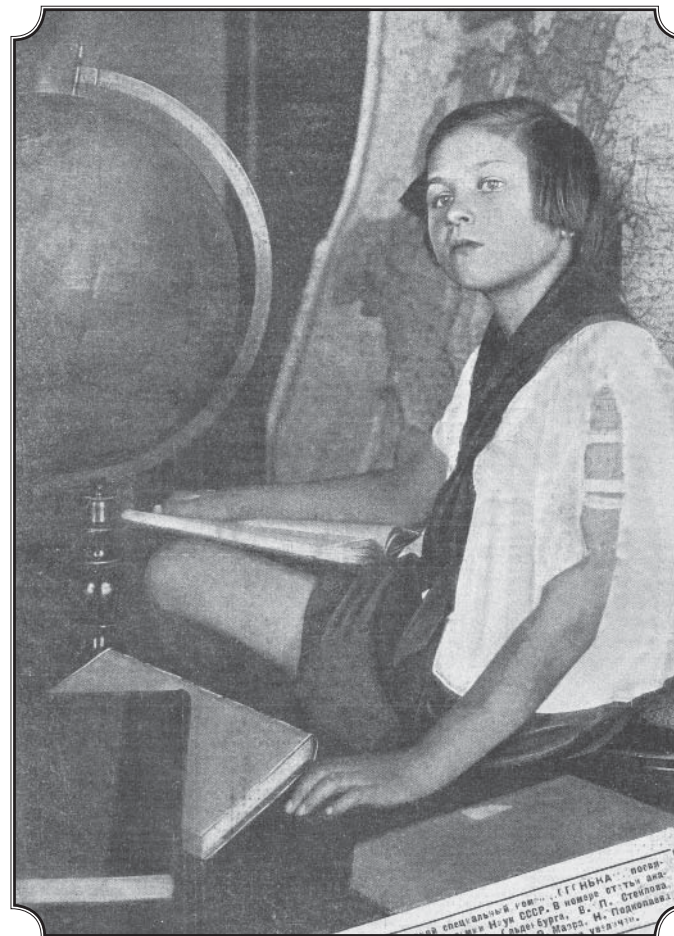
В 1859 г. Толстой был избран членом Общества любителей Российской словесности при Московском университете. По обычаю этого общества каждый вновь принятый должен был произнести речь в открытом заседании. И Толстой произнес речь в защиту «чистого искусства». «Литература народа, – говорил Толстой, – есть полное, всестороннее сознание его, в котором одинаково должны отразиться как народная любовь к добру и правде, так и народное сознание красоты в известную эпоху развития».

Это положение было двойственным. Толстой признавал значение «правды» в искусстве, хотя и рекомендовал себя в качестве «одностороннего любителя изящного» («тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...»). Видно было, что он недоволен многим, в том числе и самим собой.

Председательствовал на заседании А.С. Хомяков. Он с большим интересом и некоторым недоверием слушал речь боевого офицера, который недавно напечатал в «Современнике» свои «Севастопольские рассказы», полные самой горячей «злобы дня» и сатиры, а теперь как бы отрекался от самого себя...

И Хомяков решил отвечать Толстому. Он сказал, что в настоящее время «обличение» становится «священным долгом литературы». «И вы были и будете невольно обличителем», – закончил свою речь Хомяков, обращаясь к Толстому.

Толстой не мог не чувствовать правды сказанного. Отчет о его речи был напечатан в университетской газете «Московские ведомости» (№ 59, 1859).

Нина Михайловна Быкова, праправнучка М.В. Ломоносова, пионерка 3-го Саблинского отряда им. Зиновьева, приглашенная на празднование 200-летия Академии наук СССР.

15/IX-1967 г.

ЭССР, Тарту
Крайцвальди, 14**Дорогой товарищ Павел Барто!**

Благодарю Вас сердечно за присланные мне «Птичьи разговоры», которые в поэтической форме и с хорошими иллюстрациями изображают жизнь птиц с их радостью и горем, выражаемых в их песнях. Я нахожу, что Вы глубоко и верно передали психику наших пернатых друзей, как никто другой. Более тонко продуманной и глубоко волнующей передачи эстетики и эмоциональной жизни птиц я до сих пор в литературе не встречал. Большое Вам за это спасибо.

Если мне удастся найти среди юных эстонских орнитологов талантливого переводчика Ваших вдохновляющих стихов на наш язык, я буду очень счастлив.

Меня, глубокого старика (85 лет), в свое время птицы интересовали и научно, и эстетически.

...Около 50 лет тому назад мне удалось организовать студентам натуралистам нашего университета акустическую орнитологическую практику. Эта практика проводилась ежегодно весной в течение 40 лет, пока я состоял профессором университета. По воскресеньям такую же практику проводили и с учениками и с частными заинтересованными этим делом лицами. Как среди студентов, так и среди орнитологов-любителей практика пользовалась широкой популярностью. Считаю себя счастливым, что возбужденный мною интерес к «Птичьим разговорам» среди эстонских любителей природы живет и поныне.

*С совершенным к Вам почтением
Ваш Иоханнес Пшпер – подпись*

Бывало и такое

Случилось это где-то в середине семидесятых прошлого века. Однажды прибилудилась к факультету голодная, бездомная дворняга. Студенты ее накормили, обогрели. И стала она «наша».

С тревогой ждали, что скажет Ясен Николаевич. А он, глянув на псину в окружении студентов, коротко заметил: «Ошейник надо купить собаке». Ошейник купили. «На Николае Дмитриче» (был к факультету в те времена приписан пикап-развалюха с бесменным водителем Николаем Дмитриевичем) отвезли в ветлечебницу, сделали прививки, справили документы. По паспорту дворняга значилась метисом. Имя ей дали Ксюша. И зажила у нас псина вольготно и привольно. Кормили ее, выгуливали. Даже вахтерша тетя Поля, которую боялись все студенты, привечала Ксюшу. А собака «охраняла» факультет. Днем бродила по коридорам и аудиториям.

Однажды Ксюша присутствовала на заседании Ученого совета. Свернувшись калачиком, она дремала у стола декана, и тот осторожно переступал через собаку, когда нужно было подойти к телефону. Входя в кабинет, никто не удивлялся присутствию на Совете псины. Как будто это так и надо было.

В конце концов забеспокоилась охрана университета. Собаку приказали убрать. Ксюшу определили в хорошие руки и еще долго вспоминали ее.

Приложения*

В ЭТИХ ЗДАНИЯХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОСНОВАННОГО В 1755 г. М. В. ЛОМОНОСОВЫМ, РАБОТАЛИ:

А. И. Абрикосов	И. А. Витвер	С. А. Зернов
В. В. Адоратский	В. П. Волгин	М. С. Зорский
В. В. Алехин	Ю. В. Вульф	С. Г. Зыбелин
А. А. Андронов	Г. Н. Габричевский	Ф. И. Иноземцев
Д. С. Аничков	М. Н. Гернет	В. Ф. Каган
Д. Н. Анучин	П. А. Герпен	И. А. Каблуков
В. К. Аркадьев	В. И. Герье	Г. С. Кара-Мурза
А. Д. Архангельский	Н. А. Глаголева-	В. А. Каргин
М. И. Афонин	Аркадьева	П. М. Керженцев
А. И. Бабухин	М. И. Голенкин	С. Ф. Кечикьян
А. А. Баландин	Б. Б. Голицын	М. Н. Киналев
Н. Н. Баранский	В. А. Городцов	С. В. Киселев
Н. К. Бари	И. Н. Горожанкин	В. О. Ковалевский
С. В. Бахрушин	В. В. Голубев	М. М. Ковалевский
Л. С. Берг	Ю. В. Готье	В. О. Ключевский
С. Н. Блажко	В. Э. Грабарь	А. Я. Кожевников
П. П. Блонский	И. Э. Грабарь	Г. А. Кожевников
А. П. Богданов	Т. Н. Грановский	Н. К. Кольцов
М. М. Богословский	Б. Д. Греков	М. П. Кончаловский
С. А. Богуславский	М. А. Гремяцкий	А. Ф. Кони
О. М. Бодянский	И. В. Грузинов	К. Н. Корнилов
А. В. Болдырев	Н. К. Гудзий	Е. А. Коровин
Я. А. Борзенков	В. С. Гулевич	Ф. Е. Корш
А. А. Борзов	Ю. А. Давидов	С. С. Корсаков
Я. А. Бранденбургский	Н. Ф. Дератани	Е. А. Косминский
Н. Д. Брашман	С. Е. Десницкий	Н. Е. Кочин
Ф. А. Бредихин	Н. К. Дмитриев	Х. С. Коштоянц
Н. Н. Бурденко	П. И. Дьяконов	Ф. Н. Крашенинников
Ф. И. Буслаев	И. Е. Дедьковский	Н. В. Крыленко
В. В. Бунак	Д. Ф. Егоров	П. Н. Кудрявцев
Б. А. Введенский	А. С. Ерусалимский	Н. М. Кулагин
С. И. Вавилов	С. В. Ешевский	Н. С. Курнаков
В. И. Вернадский	Н. Е. Жуковский	Л. И. Курсанов
В. И. Векслер	Г. А. Захарьин	П. П. Лазарев
М. К. Ветошкин	А. А. Захваткин	О. К. Ланге
В. В. Виноградов	Н. Д. Зелинский	Л. Д. Ландау
Р. Ю. Вишпер	Н. Е. Зернов	

* Комментарии, к спискам ученых, профессоров, преподавателей, общественных деятелей, деятелей литературы и искусства, упомянутых в письме И. Г. Петровскому и В.Н. Ягодкину, подготовлены Н.В. Фроловой

П. И. Лебедев-
Полянский
П. Н. Лебедев

Л. Л. Левшин
Л. С. Лейбензон
В. Ф. Лугинин

Н. Н. Лузин
Н. М. Лукин
П. И. Ляшенко*

и другие выдающиеся деятели

А. И. Абрикосов – Алексей Иванович (1875–1955) – профессор Московского государственного университета, председатель Российского общества патологов, акад. (с 1939) и действит. член Академии мед. наук СССР (с 1944). В 1899 окончил Моск. ун-т. С 1920 и до конца жизни – проф. 1-го Моск. мед. ин-та.

В. В. Адоратский – Владимир Викторович (1878–1945) – участник российского революционного движения, советский историк, философ-марксист. Академик АН СССР (1932).

В. В. Алёхин – Василий Васильевич (1882–1946) – русский геоботаник, степевед, флорист. Основатель московской геоботанической школы, организатор и заведующий кафедрой геоботаники МГУ.

А. А. Андронов – Александр Андреевич, (1884–1953), физик, академик АН СССР (с 1946), основатель научной школы по теории нелинейных колебаний.

Д. С. Аничков – Дмитрий Сергеевич (1733–1788), энциклопедист, выпускник семинарии Троицкой лавры и Московского университета. Помимо основной специальности – математики, он занимался проблемами философии, языкознания и военного дела.

Д. Н. Анучин – Дмитрий Николаевич (1843–1923) – виднейший русский учёный, географ, антрополог, этнограф, археолог, музеевед, основоположник научного изучения географии, антропологии и этнографии в МГУ.

В. К. Аркадьев – Владимир Константинович (1884–1953), физик, член-корр. АН СССР (с 1927), один из основателей магнитодинамики.

А. Д. Архангельский – Андрей Дмитриевич (1879 –1940) – российский, геолог, с 1929 года академик АН СССР (член-корреспондент с 1925 года).

М. И. Афонин – Матвей Иванович (1739–1810) – российский ботаник, первый русский профессор натуральной истории.

Н. К. Бари – Нина Карловна (1901–1961) – математик, д-р физико-математических наук, окончила МГУ в 1921 г. С 1930 по 1941 г. работала в МГУ, с 1934 профессор МГУ.

А. И. Бабухин – Александр Иванович (1827(1835?) –1891) – русский гистолог и физиолог, педагог, профессор (с 1865 года), основатель московской гистологической школы. Выпускник (1859 год) медицинского факультета Московского университета. Остался работать при университете, с 1865 по 1869 год заведовал кафедрой физиологии, в 1869 году стал первым заведующим новой кафедры гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии.

А. А. Баландин – Алексей Александрович, (1898–1967), выдающийся российский физико-химик, автор мультиплетной теории катализа (1929) – первой количественной теории гетерогенного катализа, впервые в мире начал подготовку специалистов в области катализа. декан химического факультета МГУ (1948–1949). Чл.-корр. АН СССР (1943), действительный член АН СССР (1946).

* Редакция полагает, что не хватает одной страницы оригинала (список фамилий заканчивается на букве «л»).

Н. Н. Баранский – Николай Николаевич, (1881–1963) – российский экономико-географ, организатор науки, создатель советской районной школы как направления экономической географии. Заслуженный деятель науки РСФСР (1943), член-корреспондент АН СССР (1939).

С. В. Бахрушин – Сергей Владимирович, (1882–1950) – российский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1939 г.).

Л. С. Берг – Лев Семёнович, (1876–1950) – российский зоолог и географ. Член-корреспондент (1928) и действительный член (1946) АН СССР, президент Географического общества СССР (1940–1950).

С. Н. Блажко – Сергей Николаевич, (1870–1956) – российский астроном. Окончил Московский университет в 1892 году, с 1894 работал в обсерватории университета, с 1918 профессор, с 1929 член-корреспондент АН СССР. В 1920–1931 директор обсерватории Московского университета.

П. П. Блонский – Павел Петрович, (1884–1941) – философ, педагог и психолог.

А. П. Богданов – Анатолий Петрович, (1834–1896) – крупнейший русский антрополог XIX в., зоолог и историк зоологии. Один из основателей антропологии в России. Член-корреспондент Петербургской АН, профессор Московского университета (с 1867 г.).

М. М. Богословский – Михаил Михайлович, (1867–1929) – российский историк. Академик Российской академии наук (с 1921).

С. А. Богоулавский – Сергей Анатольевич, (1883–1923), русский физик. С 1919 профессор Московского университета. Работы Б. посвящены электродинамике, кинетической теории кристаллических диэлектриков, пироэлектричеству.

О. М. Бодянский – Осип (Иосиф) Максимович, (1808–1877) – русский и украинский учёный: филолог, историк, археолог, один из первых славистов в России, писатель, переводчик, редактор, издатель древнерусских, древнеславянских литературных и исторических памятников, фольклорист, украинский поэт-романтик.

А. В. Болдырев – Александр Васильевич, (1896–1941) – российский филолог, переводчик. Организатор и член объединения молодых переводчиков АБДЕМ.

Я. А. Борзенков – Яков Андреевич, (1825–1883) – русский анатом и физиолог, дарвинист. В 1855 окончил Московский университет и с 1870 был проф. там же.

А. А. Борзов – Александр Александрович, (1874–1939 гг.) – российский географ-исследователь, педагог высшей школы, один из ближайших учеников Д. Н. Анучина. Был одним из организаторов географических факультетов в Московском университете.

Я. Н. Бранденбургский – Яков Натанович, (Яков Нутович Бранденбургский), (1881–1951) – юрист, российский государственный и партийный деятель.

Н. Д. Брашман – Николай Дмитриевич, (1796–1866), математик и механик. С 1834 г. профессор МГУ, член-корр. Петербургской Акад. Наук (с 1855г.), основатель Московского математического об-ва при МГУ в 1865 г.

Ф. А. Бредихин – Фёдор Александрович, (1831–1904,) – русский астроном; ординарный академик по астрономии Императорской Академии наук (1890), директор Николаевской Главной астрономической обсерватории в Пулково. Деятельность Бредихина долгие годы была связана с Московским университетом.

Н. Н. Бурденко – Николай Нилович, (1876–1946) – российский хирург, организатор здравоохранения, основоположник российской нейрохирургии, академик и первый президент АМН СССР (1944–1946), Почётный член Лондонского королевского общества хирургов и Парижской академии хирургии.

Ф. И. Буслаев – Фёдор Иванович, (1818–1897), русский филолог и искусствовед, академик Петербургской Академии наук (1860).

В. В. Бунак – Виктор Валерианович, (1891–1979) – выдающийся русский антрополог, один из основоположников российской антропологической школы.

Б. А. Введенский – Борис Алексеевич (1893–1969), российский радиофизик, академик АН СССР (с 1943).

С. И. Вавилов – Сергей Иванович, (1891–1951, Москва) – российский физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, академик (1932) и президент Академии наук СССР (с 1945).

В. И. Вернадский – Владимир Иванович, (1863–1945), российский учёный, естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, один из основателей и первый президент Украинской академии наук. Создатель многих научных школ. Один из представителей русского космизма; создатель науки биогеохимии.

В. И. Векслер – Владимир Иосифович, (1907–1966), физик, академик АН СССР (с 1958), основатель научной школы по физике и технике заряженных частиц.

М. К. Ветошкин – (партийные псевдонимы Орлов, Иванов, Кузьмич), Михаил Кузьмич, (1884–1958), советский государственный и партийный деятель, историк.

В. В. Виноградов – Виктор Владимирович, (1894/1895–1969) – русский литературовед и лингвист-русист, академик АН СССР (1946).

Р. Ю. Вишпер – Роберт Юрьевич, (1859–1954), российский историк, академик АН СССР с 1943 года. В 1880 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1897 по 1922 год – профессор Московского университета.

И. А. Витвер – Иван Александрович, (1891–1966), экономико-географ, страновед, доктор географических наук (1938), профессор МГУ имени М. В. Ломоносова (1935) и МГИМО.

В. П. Волгин – Вячеслав Петрович (1879–1962) – российский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1930 г.).

Ю. В. Вульф – Юрий (Георгий) Викторович, (1863–1925) – советский кристаллограф, член-корреспондент РАН (1921).

Г. Н. Габричевский – Георгий Норбертович, (1860–1907), русский микробиолог, эпидемиолог и общественный деятель. Основатель первого Российского бактериологического общества. В 1895 организовал при Московском университете Бактериологический институт.

М. Н. Гернет – Михаил Николаевич, (1874–1953,) – крупный российский юрист, заслуженный деятель науки.

В. В. Герье – Владимир Иванович, (1837–1919), профессор всеобщей истории в Московском университете, основатель (1872) высших женских курсов в Москве.

А. А. Глаголева-Аркадьева – Александра Андреевна, (1884–1945), физик, профессор МГУ (с 1930), создатель массового излучателя.

М. И. Голенкин – Михаил Ильич, (1864–1941) – русский ботаник, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Московского университета по кафедре систематики и морфологии растений, директор Ботанического сада Московского университета.

Б. Б. Голицын – Борис Борисович, (1862–1916) – российский физик. Один из основоположников сейсмологии, геофизик, изобретатель первого электромагнитного сейсмографа (1906). С 1911 года президент Международной сейсмологической ассоциации.

В. В. Голубев – Владимир Васильевич, (1884–1954), математик и механик, член-корр. АН СССР с 1934. С 1930 г. профессор МГУ, труды в области аэромеханики и истории математики.

В. А. Городцов – Василий Алексеевич, (1860–1945). Археолог. В 1903–1929 гг. работал в Российском Историческом музее, сначала хранителем, а с 1906 г. – заведующим отделом археологии. Одному из залов музея в 1923 г. на торжественном заседании, посвященном 35-летию научной деятельности В. А. Городцова, было присвоено его имя. Был инициатором создания Общества друзей Исторического музея (1919–1929), а с 1922 г. его председателем.

И. Н. Горожанкин – Иван Николаевич (1848–1904) – русский ботаник. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1871), доцент (с 1875 года) и профессор (с 1881 года) там же. Заведовал кафедрой ботаники Московского университета (с 1874 года). Его гербарные сборы хранятся в Гербарии Московского университета. С 1873 года по 1902 год – директор Ботанического сада Московского университета

Ю. В. Готье – Юрий Владимирович, (1873–1943) – российский историк, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.).

В. Э. Грабарь – Владимир Эммануилович, (1865–1956) – российский юрист.

И. Э. Грабарь – Игорь Эммануилович, (1871–1960) – российский художник, искусствовед, просветитель, музейный деятель.

Т. Н. Грановский – Тимофей Николаевич, (1813–1855), русский историк и общественный деятель. Профессор всеобщей истории Московского университета (1839–1855).

Б. Д. Греков – Борис Дмитриевич (1882–1953) – российский историк, чл.-корр. АН СССР (с 1935 г.).

М. А. Гремяцкий – Михаил Антонович, (1887–1963) – российский антрополог и анатом, доктор биологических наук (1935). Профессор Московского университета (с 1935).

Н. К. Гудзий – Николай Калининкович, (1887–1965) – литературовед, историк литературы, известный прежде всего своими исследованиями древнерусской литературы, первый декан филфака МГУ. Академик АН УССР с 1945.

В. С. Гулевич – Владимир Сергеевич (1867–1933), российский биохимик, академик АН СССР (1929). Окончил медицинский факультет Московского университета (1890) и работал там же. Доктор медицины (1896). С 1900 профессор Московского университета.

А. Ю. Давидов – Август Юльевич, (1823–1886), окончил МГУ в 1845 г. С 1853 г. профессор МГУ, один из основателей Московского математического общества (1865).

Д. Е. Егоров – Дмитрий Федорович, (1869–1931), математик и механик, окончил МГУ в 1891 г. С 1903 г. профессор МГУ, президент Московского математического общества (1922–1931), член Росс. Академии Наук (1924), почетный член-корр. АН СССР с 1929 г.

Н. Ф. Дератани – Николай Федорович, (1884– 1958). Закончил Московский университет в 1912 г., в том же году в качестве приват-доцента приступил к чтению лекций по античной литературе и античному стихосложению в Московском университете. В 1916 г. Н. Ф. Дератани защитил написанную на латинском языке диссертацию о риторических элементах в раннем творчестве Овидия, опубликовал (также на латинском языке) статью о псевдоквинтилиановых декламациях.

С. Е. Десницкий – Семён Ефимович, (1740–1789) – русский просветитель, учёный правовед, доктор римских и российских прав, публичный ординарный профессор юриспруденции Московского университета, «праотец русской юридической профессуры».

Н. К. Дмитриев – Николай Константинович, (1898–1954) – российский языковед-тюрколог, член-корреспондент АН СССР (1943), член-корреспондент (1944) и академик (1945) Академии педагогических наук РСФСР.

П. И. Дьяконов – Петр Иванович, (1855–1908), профессор Московского университета. В 1888 г. защитил диссертацию и получил звание приват-доцент Московского университета. С 1893 г. профессор – топограф, анатомии и оперативной хирургии Московского университета. С 1901 г. профессор госпитальной хирургической клиники Московского университета.

Н. Д. Иерусалимский – Николай Дмитриевич, (1901–1967), российский микробиолог, академик АН СССР (с 1966) член-корреспондент 1960). С 1954 профессор Московского университета.

В. Е. Ешевский – Степан Васильевич, (1829–1865) – русский историк, специалист по истории раннего Средневековья, профессор истории.

Н. Е. Жуковский – Николай Егорович, (1847–1921 – русский учёный, создатель аэродинамики как науки. Заслуженный профессор Московского университета; член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду математических наук (1894)

Г. А. Захарьин – Григорий Антонович, (1829–1897/1898) – выдающийся русский врач-терапевт, основатель московской клинической школы, почётный член Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук (с 1885).

Н. Д. Зелинский. – Николай Дмитриевич, (1861–1953) – выдающийся русский и советский химик-органик, создатель научной школы, один из основоположников органического катализа и нефтехимии, академик АН СССР (с 1929).

Н. Е. Зернов – Николай Ефимович, (1804–1862) – профессор чистой математики Московского университета.

С. А. Зернов – Сергей Алексеевич, (1871–1945) – российский зоолог-гидробиолог и общественный деятель, академик.

С. Г. Зыбелин – Семен Герасимович, (1735–1802), первый русский профессор медицины Московского университета, действительный член Российской АН (1784). С 1765 преподавал теоретическую и практическую медицину на медицинском факультете Московского университета. Ввёл на лекциях (которые читал на русском

языке, а не на латыни, как было принято) демонстрации опытов. Последователь М. В. Ломоносова.

Ф. И. Иноземцев – Фёдор Иванович, (1802–1869) – русский врач-клиницист, педагог и общественный деятель.

В. Ф. Каган – Вениамин Фёдорович (1869–1953) – российский и советский математик, доктор физико-математических наук, профессор МГУ.

И. А. Каблуков – Иван Алексеевич, (1857–1942) – русский физико-химик.

Г. С. Кара-Мурза – Георгий Сергеевич, (1906–1945), российский историк-китаевед. С 1932 преподаватель, в 1935–1938 профессор Московского института востоковедения; в 1939–41 профессор МГУ.

В. А. Каргин – Валентин Алексеевич, (1907–1969) – выдающийся российский физикохимик, специалист по коллоидной химии и полимерам, основатель российской полимерной школы.

П. М. Керженцев (псевдоним; настоящая фамилия Лебедев) – Платон Михайлович, (1881–1940), российский государственный деятель, историк.

С. Ф. Кечикьян – Степан Фёдорович, (1890–1967), юрист, профессор МГУ. В 1912 г. по окончании юридического факультета Московского университета, в 25 лет он становится приват-доцентом Московского университета, возглавляя с 1953 г. и до последних лет жизни кафедру истории государства и права.

С. В. Киселев – Сергей Владимирович, (1905–1962) – российский археолог, чл.-кор. АН СССР (с 1953 г.).

В. О. Ключевский – Василий Осипович, (1841–1911) – русский историк. С 1879 г. доцент, с 1882 г. профессор русской истории Московского университета, с 1900 г. академик истории и древностей русских, с 1908г. почётный академик по разряду изящной словесности.

В. О. Ковалевский – Владимир Онуфриевич, (1842–1883) – профессор Московского университета, В 1861 г. окончил курс в Училище Правоведения. В. О. Ковалевский занялся специально палеонтологией и собрал богатые материалы. В 1881 г. он был утвержден профессором по кафедре геологии в Московском университете.

М. М. Ковалевский – Максим Максимович, (1851–1916) – русский учёный, историк, юрист, социолог эволюционистского направления и общественный деятель, один из руководителей русского масонства, член I Государственной думы и Государственного совета. Академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук (1914).

А. Я. Кожевников – Александр Яковлевич, (1836–1902). В 1858 году закончил медицинский факультет Московского университета. С 1869 г. доцент Московского университета. Создаёт неврологическую клинику и неврологический музей. Одновременно с 1870 по 1884 заведует кафедрой специальной патологии и терапии МГУ. В 1890 г. организовал Московское общество невропатологов и психиатров. Один из учредителей Пироговского общества врачей (1902).

Г. А. Кожевников – Григорий Александрович, (1866–1933), профессор МГУ, заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных. Кожевников добился строительства нового здания для зоологического музея МГУ и пополнил его коллекции; был одним из создателей Сухумского обезьяньего питомника, первым председателем Всероссийского Общества Охраны Природы (образовано 29 ноября 1924 г.).

Н. К. Кольцов – Николай Константинович (1872–1940) – выдающийся русский биолог, автор идеи матричного синтеза. С 1899 года Кольцов – приват-доцент Московского университета. Работы Кольцова по биофизике клетки и, особенно, по факторам, определяющим форму клетки, стали классическими и входят в учебники. Член-корреспондент АН СССР (1925; Петербургской академии наук – с 1916, Российской академии наук – с 1917), академик ВАСХНИЛ (1935).

А. Ф. Кони – Анатолий Фёдорович, (1844–1927) – крупный судебный деятель. Образование получил на юридическом факультете Московского университета. В эпоху 60-х и 70-х гг. отдался проведению судебных реформ, был одним из первых деятелей нового пореформенного суда.

М. П. Кончаловский – Максим Петрович, (1875–1942) – выдающийся российский и советский врач, крупный клиницист, основатель школы клиники внутренних болезней.

К. Н. Корнилов – Константин Николаевич, (1879–1957) – советский психолог, академик АПН РСФСР (1943), значительное внимание уделявший также взаимоотношению психологии и философии. Был одним из организаторов педагогического факультета Московского университета, превращенного затем в педагогический институт, был его деканом. В 1923–1930 и 1938–1941 – директор Института психологии.

Е. А. Коровин – Евгений Александрович, (1892–1964) – российский юрист, специалист в области международного права, заслуженный деятель науки РСФСР и Узбекистана ССР.

Ф. Е. Корш – Федор Евгеньевич, (1843–1915), с 1868 года являлся приват-доцентом Московского университета, преподавал римскую словесность. В 1877 он стал профессором Московского университета и преподавал там с перерывами до 1905 года.

Е. А. Косминский – Евгений Александрович, (1886–1959) – российский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1959 г.).

С. С. Корсаков – Сергей Сергеевич (1854–1900) – выдающийся русский психиатр, один из основоположников нозологического направления в психиатрии и московской научной школы психиатрии, автор классического «Курса психиатрии» (1893), один из основателей экспериментальной психологической лаборатории в Москве в 1886 году.

Х. С. Коштоянц – Хачатур Седракович, (1900–1961), российский физиолог, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АН Армянской ССР (с 1943).

Н. Е. Кочин – Николай Евграфович, (1901–1944), математик и механик, с 1938 по 1944 г. работал в МГУ. Член-корр. АН СССР (с 1939 г.).

Ф. Н. Крашенинников – Фёдор Николаевич, (1869–1912?) ботаник, читал анатомию и физиологию растений в Московском университете и физиологию растений на московских высших женских курсах.

Н. В. Крыленко – Николай Васильевич, (1885–1938) – российский государственный и партийный деятель.

П. Н. Кудрявцев – Пётр Николаевич, (1816–1858) – российский историк. Профессор Московского университета, ученик, друг и преемник историка Т. Н. Грановского.

Н. М. Кулагин – Николай Михайлович (1860–1940) – русский зоолог.

Н. С. Курнаков – Николай Семёнович, (1860–1941) – выдающийся русский физикохимик, академик Петербургской академии наук (1913) и АН СССР, создатель физико-химического анализа.

Л. И. Курсанов – Лев Иванович, (1877–1954). Его жизнь неразрывно связана с Московским университетом. После окончания этого замечательного ВУЗа (1900 г.) Лев Иванович прошёл путь от лаборанта до заведующего кафедрой. Основные труды связаны с микологией.

Л. Д. Ландау – Лев Давидович, (1908–1968), – физик-теоретик, академик АН СССР (с 1946), основатель научной школы по физике твердого тела.

П. П. Лазарев – Петр Петрович, (1878–1942), физик, био- и геофизик, академик АН СССР (с 1917).

П. И. Лебедев – Петр Николаевич, (1866–1912), физик, один из основателей экспериментальной физики в России, создатель первой русской научной школы физики, профессор (1900–1911) Московского университета.

Л. С. Лейбензон – Леонид Самуилович, (1879–1951), механик, основатель подземной гидравлики, окончил МГУ в 1901 г., с 1923 г. по 19551 г. – профессор МГУ, член-корр. АН СССР с 1943 г.

Н. Н. Лузин – Николай Николаевич (1883–1950), математик, окончил МГУ в 1908 г., с 1917 г. профессор МГУ. Труды в теории метрических функций, член-корр. АН СССР с 1929 г.

В. Ф. Лугинин – Владимир Фёдорович, (1834–1911) – русский физико-химик, основатель первой в России термохимической лаборатории.

Н. М. Лукин (псевдоним Н. Антонов) – Николай Михайлович, (1885–1940) – советский историк-марксист, публицист. Академик АН СССР (с 13.02.1929).

П. И. Ляшенко – Пётр Иванович, (1875–1955) – российский экономист. Член-корреспондент АН СССР (1943), академик АН УССР (12.02.1945).

Александр Сергеевич
ПУШКИН
27 сентября 1832 г.
присутствовал на лекциях
в Московском университете

Здесь в 20–30-х гг. XIX века
были созданы
революционные студенческие кружки
Петра, Василия и Михаила КРИТСКИХ
Николая СУНГУРОВА
Виссариона БЕЛИНСКОГО
Александра ГЕРЦЕНА и Николая ОГАРЕВА

В. и М. Критские – Михаил (родился около 1809 и в конце 30-х гг. убит в бою на Кавказ), Василий (1809–1831), революционеры-разночинцы, организаторы студенческого кружка, намеревались создать большую тайную политическую организацию в целях введения конституции в России; пытались вести революционную пропаганду среди чиновников, солдат и студентов Московского университета.

Сунгуров, Николай Петрович. Род. ок. 1805 г., отставной губернский секретарь, арзамасский помещик; воспитывался в Московском благородном унив. пансионе. В августе 1831 г., по доносу студента Московского университета Ив. Полоника, арестован как основатель тайного политического общества. В 1833 г. военным судом приговорен к лишению чинов и ссылке в каторжные работы в Сибирь; отправленный по этапу в том же году, бежал с остановки под Москвою, но был схвачен. Неудачно покушался на самоубийство, выздоровел и за побег наказан плетьюми. Умер в конце 1830-х г.г.

В. Г. Белинский – Виссарион Григорьевич (1811–1848), лит. критик, философ, публицист.

А. И. Герцен – Александр Иванович, (1812–1870), русский писатель (Искандер), философ, публицист.

Н. П. Огарев – Николай Платонович, (1813–1877), русский революционер, поэт, публицист.

Здесь в 1827, 1901, 1902 и 1905 гг.
произошли революционные выступления
студентов Московского университета.
Их высоко оценил В. И. Ленин

В. И. Ленин
присутствовал в этом зале
на заседаниях секции статистики
IX съезда естествоиспытателей и врачей
8–9 января 1894 г.

В СТАРЫХ ЗДАНИЯХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ОСНОВАННОГО В 1755 г. М. В. ЛОМОНОСОВЫМ, УЧИЛИСЬ:

А. А. Алехин	В. А. Жуковский	В. Ф. Одоевский
Леонид Андреев	П. Г. Заичневский	Н. Н. Озеров
П. Э. Аргиропуло	А. Л. Зубкова	С. Г. Осепян
А. И. Афанасьев	Я. Я. Зутис	А. Н. Островский
Г. А. Атарбеков	К. Н. Игумнов	В. И. Палладин
В. И. Баженов	И. Иоаннесян	В. М. Папазян
П. С. Батурин	К. Ф. Калайдович	М. И. Писарев
Т. С. Бауэр	Любен Каравелов	П. А. Плавильщикова
В. Г. Белинский	П. Г. Каховский	Н. И. Пирогов
А. А. Белопольский	Л. А. Канторович	А. Ф. Писемский
М. П. Бестужев-Рюмин	К. С. Калиновский	А. И. Полежаев
И. Ф. Богданович	Г. Н. Каминский	Я. Н. Полонский
С. П. Боткин	Б. А. Келлер	М. И. Попов
В. Я. Брюсов	Н. М. Кижнер	В. Г. Поржезинский
У. Д. Буйнакский	Р. А. Колли	В. П. Потемкин
В. С. Буткевич	Г. Н. Корганов	П. И. Прозоров
А. Ф. Бычков	Е. И. Костров	В. И. Пудовкин
С. Н. Василенко	В. и М. Критские	В. А. Радус-Зенькович
Е. Б. Вахтангов	Юрий Крымов	И. Резчиков
М. И. Васильев-Южин	В. К. Курнатовский	В. Н. Розанов
В. А. Ватагин	Б. А. Лавренев	Н. Г. Рубинштейн
Н. А. Вельяминов	С. Г. Лазо	Н. А. Руднев
Д. В. Венивитинов	М. Ю. Лермонтов	Е. М. Руднева
В. В. Вересаев	П. И. Лисицын	И. В. Русаков
А. Н. Веселовский	Л. М. Лопатин	Ф. П. Саваренский
С. Б. Веселовский	М. Н. Лядов	А. Н. Савич
В. Н. Виноградов	Н. В. Майевский	Ю. Саламатин
А. Н. Винокуров	Николай Майоров	В. Г. Сахновский
М. Ф. Владимирский	М. А. Максимович	М. А. Светлов
Т. Влайков-Веселин	В. Ф. Малиновский	Н. А. Северцов
П. И. Войнаральский	В. А. Михельсон	Н. А. Семашко
В. В. Воронский	С. И. Мицкевич	С. М. Семенов
Самед Виргун	С. К. Моралев	В. И. Сизов
В. А. Гаприндашвили	Н. М. Муравьев	И. И. Скворцов-Степанов
А. И. Герцен	А. Л. Мясников	В. А. Слепцов
Н. И. Гнедич	А. Ф. Мясников	П. Г. Смидович
И. А. Гончаров	В. Т. Нарезный	Л. В. Собинов
В. П. Горячкин	М. Л. Налбандян	В. З. Соболев
В. В. Готовцев	Н. В. Насонов	Б. М. Соколов
А. С. Грибоедов	В. И. Невский	И. И. Сомов
И. В. Давыдовский	В. И. Немирович-Данчен- ко	С. С. Спандарян
А. Н. Джавахишвили	С. Н. Никитин	С. И. Спасокукоцкий
Мусса Джалиль	Н. М. Никольский	Г. Н. Сперанский
И. И. Дженеладзе	Н. И. Новиков	Н. В. Станкевич
Б. Г. Добронравов	Н. П. Огарев	И. Е. Старов
С. Ф. Жемчужный		В. П. Стасов

М. А. Стахович	Г. И. Успенский	А. Г. Цулукидзе
Б. С. Стечкин	К. Д. Ушинский	П. Я. Чаадаев
Н. Г. Столетов	В. А. Фаворский	П. Л. Чебышев
Н. В. Сунгуров	Н. М. Федоровский	А. П. Чехов
А. В. Сухово-Кобылин	А. П. Федченко	Л. А. Чугаев
Б. М. Сушкевич	Н. Ф. Федоров	М. Д. Чулков
П. П. Сушкин	Е. А. Ферсман	Е. Шамшикова
Т. Ю. Табидзе	В. П. Филатов	А. А. Шахматов
Г. А. Тихов	И. А. Фомин	Н. П. Шмит
И. С. Тургенев	Д. И. Фонвизин	П. К. Штернберг
Н. И. Тургенев	Д. А. Фурманов	Д. Н. Якименко
Ф. И. Тютчев	Ф. И. Хасхачих	Н. Н. Яковлев
И. Д. Удальцов	Г. А. Цаголов	Н. Н. Яковлев
Д. И. Ульянов	Л. С. Цвиллинг	И. Д. Якушкин

и другие деятели науки, культуры революционного движения
и социалистического строительства

А. А. Алехин – Александр Александрович, (1892–1946), выдающийся русский шахматист, чемпион мира по шахматам.

Леонид Андреев – Леонид Николаевич, (1871–1919), русский писатель, основоположник импрессионизма в русской литературе.

П. Э. Аргиропуло – Перикл Эммануилович, (1839–1862), русский революционер, организатор кружка для литографирования революционных сочинений.

А. И. Афанасьев – Александр Николаевич, (1826–1871), историк, литературовед, фольклорист.

Г. А. Атарбеков – Атарбекян Георгий Александрович, (1892–1925), советский государственный партийный деятель, участник борьбы за установление Советской власти на Кавказе.

В. И. Баженов – Василий Иванович, (1738–1799), русский архитектор, один из основоположников русского классицизма.

П. С. Батурин – Пафнутий Сергеевич, (1740–1803), русский просветитель-материалист.

Т. С. Бауэр – (1839–1862) – сведений не имеется.

В. Г. Белинский – Виссарион Григорьевич, (1811–1848), литературный критик, философ, публицист.

А. А. Белопольский – Аристарх Аполлонович, (1854–1834), советский астроном, академик АН СССР.

М. П. Бестужев-Рюмин – Михаил Павлович, (1803–1826), декабрист, член Южного общества, казнен в 1826 г.

И. Ф. Богданович – Ипполит Федорович, (1743/44 –1803), русский поэт.

С. П. Боткин – Сергей Петрович, (1832–1889), русский терапевт, основатель крупнейшей школы русских клиницистов.

В. Я. Брюсов – Валерий Яковлевич, (1873–1924), русский поэт, литературный критик, один из основоположников русского символизма

У. Д. Буйнакский – Уллубий Даниялович, (1890–1919), один из организаторов и руководитель борьбы за Советскую власть в Дагестане.

В. С. Буткевич – Владимир Степанович, (1872–1942), советский физиолог растений, академик АН СССР, биохимик.

А. Ф. Бычков – Афанасий Федорович, (1818–1899), русский историк, археограф, академик Петербургской АН СССР.

С. Н. Василенко – Сергей Никифорович, (1872–1956), доктор искусствоведения, советский композитор, профессор Московской консерватории.

Е. Б. Вахтангов – Евгений Багратионович, (1883–1922), советский режиссер, актер.

М. И. Васильев-Южин – Михаил Иванович (1872–1956), советский государственный и партийный деятель, публицист.

В. А. Ватагин – Василий Алексеевич, (1883/84–1969), советский скульптор и график, анималист.

Н. А. Вельяминов – Николай Александрович, (1855–1920), русский хирург.

Д. В. Веневитинов – Дмитрий Владимирович, (1805–1827), русский поэт, критик.

В. В. Вересаев (Смидович) – Викентий Викентьевич, (1867–1945), русский советский писатель, критик.

А. Н. Веселовский – Александр Николаевич, (1838–1906), литературовед, академик Петерб. АН (с 1880).

С. Б. Веселовский – Степан Борисович, (1876–1952), советский историк, академик АН СССР (с 1946).

В. Н. Виноградов – Владимир Никитич, (1882–1964), советский терапевт, академик АМН (с 1944).

А. Н. Винокуров – Александр Николаевич, (1869–1944), советский государственный партийный деятель, врач.

М. Ф. Владимирский – Михаил Федорович, (1874–1951), советский государственный партийный деятель, врач.

Т. Влайков-Веселин – Влайков Тодор (псевдоним – Веселин) (1865–1943, София), болгарский писатель, общественный деятель.

П. И. Войнаральский – Порфирий Иванович, (1844–1898), русский революционер-народник.

В. В. Воровский – Вацлав Вацлавович, (1871–1923), советский государственный партийный деятель, публицист, один из первых литературных критиков-марксистов.

Самед Вургун – Самед Юсиф оглы Векилов, (1906–1956), азербайджанский советский писатель, общественный деятель.

В. А. Гаприндашвили – Валериан Гаприндашвили, (1888/89–1941), грузинский поэт, переводчик грузинских поэтов на русский язык.

А. И. Герцен – Александр Иванович, (1812–1870), русский писатель (Искандер), философ, публицист.

Н. И. Гнедич – Николай Иванович, (1784–1833), русский поэт, переводчик.

И. А. Гончаров – Иван Александрович, (1812–1891), русский писатель, критик, публицист.

В. П. Горячкин – Василий Прохорович, (1868–1935), русский советский ученый, основоположник науки о сельскохозяйственных машинах.

В. В. Готовцев – Владимир Васильевич, (1885–1976), русский советский актер театра и кино.

А. С. Грибоедов – Александр Сергеевич, (1794/95–1829), русский писатель, литературный критик, дипломат.

И. В. Давыдовский – Ипполит Васильевич, (1887–1968), патолог, основатель научной школы.

А. Н. Джавахишвили – Александр Николаевич, (1875–1973), основатель научной школы по географии Грузии.

Муса Джалиль – Муса Мустафович (Джалилов), (1906–1944), татарский поэт.

И. И. Дженеладзе – сведений не имеется.

Б. Г. Добронравов – Борис Георгиевич, (1896–1949), советский актер, народный артист СССР

С. Ф. Жемчужный – Сергей Федорович (1873–1929), советский химик-неорганик и металлограф.

В. А. Жемчужный – сведений не имеется.

П. Г. Заичневский – Петр Григорьевич, (1842–1896), русский революционер, родоначальник русского якобинства.

А. Л. Зубкова – Антонина Леонтьевна, закончила механико-математический ф-т МГУ. В 1941 г. добровольно ушла на фронт. Звание Героя Советского Союза ей было присвоено 18 августа 1945 года. После войны преподавала в Военно-воздушной инженерной академии. А. Л. Зубкова погибла в авиакатастрофе в 1950 году.

Я. Я. Зутис – сведений не имеется.

К. Н. Игумнов – Константин Николаевич, (1873–1948), пианист, народный артист СССР (с 1946).

И. Иоаннесян – Иоаннес Мкртичевич, (1864–1929), армянский поэт-демократ.

К. Ф. Калайдович – Константин Федорович, (1792–1832), русский историк, археограф.

Любен Каравелов – (около 1834–1879), болгарский общественный деятель, писатель, публицист, философ.

П. Г. Каховский – Петр Григорьевич, (1797–1826), декабрист, член Северного общества, казнен в 1826 г.

Л. В. Канторович – Леонид Витальевич, (1912–1976), математик и экономист, акад. АН СССР (с 1964).

К. С. Калиновский – Константин Семенович, (1838–1864), белорусский революционер-демократ, последователь Н.Г. Чернышевского.

Г. Н. Каминский – Григорий Наумович, (1895–1938), советский государственный партийный деятель.

Б. А. Келлер – Борис Александрович, (1874–1945), ботаник, акад. АН СССР (с 1931).

Н. М. Кижнер – Николай Матвеевич, (1867–1935), химик-органик.

Р. А. Колли – Роберт Андреевич, (1845–1891), физик, Первый экспериментально доказал инертность ионов и предложил опыт для доказательства инертности электронов.

Г. Н. Корганов – Григорий Николаевич, (1886–1918), один из руководителей борьбы за советскую власть на Кавказе.

Е. И. Костров – Ермил Иванович, (1755–1796), поэт, первый русский переводчик «Илиады».

В. и М. Критские – Василий (1809–1831), Михаил (родился около 1809 и в конце 30-х гг. убит в бою на Кавказе), революционеры-разночинцы, организаторы студенческого кружка; пытались вести революционную пропаганду среди чиновников, солдат и студентов Московского университета.

Юрий Крымов – Беклемишев Юрий Соломонович, (1908–1941), русский советский писатель.

В. К. Курнатовский – Виктор Константинович, (1868–1912), деятель российского революционного движения, большевик.

Б. А. Лавренев – Борис Андреевич, (1891–1959), советский писатель.

С. Г. Лазо – Сергей Георгиевич, (1894–1920), один из руководителей борьбы за советскую власть в Сибири и Приморье.

М. Ю. Лермонтов – Михаил Юрьевич, (1814–1841), великий русский поэт.

П. И. Лисицин – Петр Иванович, (1877–1948), советский селекционер.

Л. М. Лопатин – Лев Михайлович, (1855–1920), русский философ идеалист, психолог.

М. Н. Лядов (Мандельштам) – Мартын Николаевич, (1872–1947), деятель российского революционного движения, автор первых работ по истории партии.

Н. В. Майевский – Николай Владимирович, (1823–1892), русский ученый в области артиллерии и баллистики, математики и астрономии. Член-корр. Петерб. АН.

Николай Майоров – Николай Петрович, (1919–1942), русский советский поэт.

М. А. Максимович – Михаил Александрович, (1804–1873), украинский и русский естествоиспытатель, историк, филолог.

В. Ф. Малиновский – Василий Федорович, (1765–1814), русский просветитель, публицист, первый директор Царскосельского лицея.

В. А. Михельсон – Владимир Александрович, (1860–1927), советский физик и геофизик.

С. И. Мицкевич – Сергей Иванович, (1869–1944), советский государственный деятель, публицист.

С. К. Моралев – Сергей Константинович, (1899–1942), советский физик, погиб на фронте в 1942 г.

Н. М. Муравьев – Никита Михайлович (1796–1866), декабрист один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия.

А. Л. Мясников – Александр Леонтьевич (1899–1965), советский терапевт, основоположник кардиологической научной школы.

В. Т. Нарезный – Василий Трофимович, (1780–1825), русский писатель.

В. И. Невский (Кривобоков Федосий) – Владимир Иванович (1876–1937), советский государственный и партийный деятель, историк.

В. И. Немирович-Данченко – Владимир Иванович, (1858–1943), критик, драматург, режиссер, педагог, один из основателей Московского Художественного театра.

С. Н. Никитин – Сергей Николаевич, (1851–1909), русский геолог, один из организаторов гидрологических исследований в России.

Н. М. Никольский – Никита Михайлович, (1877–1959), востоковед, историк религии.

Н. И. Новиков – Николай Иванович, (1744–1818), русский просветитель, писатель, журналист, издатель.

Н. П. Огарев – Николай Платонович, (1813–1877), русский революционер, поэт, публицист.

В. Ф. Одоевский – Владимир Федорович, (1813/1814–1869), русский писатель, музыкальный критик, издатель.

Н. Н. Озеров – Николай Николаевич, (1887–1853), русский певец, профессор Московской консерватории (с 1948), народный артист РСФСР (с 1937).

С. Г. Осепян – сведения обнаружить не удалось.

А. Н. Островский – Александр Николаевич, (1823–1886), русский драматург.

В. И. Палладин – Владимир Иванович, (1859–1922), русский ботаник и биохимик, основатель научной школы по физиологии и биохимии растений.

В. М. Папазян – Варганес Месропович, (1866–1920), армянский писатель.

М. И. Писарев – Модест Иванович, (1844–1905), русский актер, педагог, критик.

П. А. Плавильщиков – Петр Алексеевич, (1760–1812), русский актер и драматург.

Н. И. Пирогов – Николай Иванович, (1810–1881), русский анатом, хирург, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии.

А. Ф. Писемский – Алексей Феофилактович, (1821–1881), русский писатель.

А. И. Полежаев – Александр Иванович, (1804–1838), русский поэт.

Я. Н. Полонский – Яков Петрович, (1819–1898), русский поэт.

М. И. Попов – Михаил Иванович, (1742–1790), русский поэт и переводчик.

В. К. Поржезинский – Виктор Карлович, (1870–1929), русский и польский языковед.

В. П. Потемкин – Владимир Петрович, (1874–1946), советский государственный и партийный деятель.

П. И. Прозоров – филолог, специалист по греческой филологии, других сведений нет.

В. И. Пудовкин – Всеволод Илларионович, (1893–1953), кинорежиссер, теоретик кино, один из основоположников советской кинематографии.

В. А. Радус-Зенькович – Виктор Алексеевич, (1877/78–1867), советский государственный партийный деятель.

- И. Резчиков – сведений обнаружить не удалось.
- В. Н. Розанов – Владимир Николаевич, (1872–1934), профессор медицины, хирург.
- Н. Г. Рубинштейн – Николай Григорьевич, (1835–1881), русский пианист, дирижер, общественный деятель.
- Е. М. Руднева – Евгения Максимовна, (1920–1944), герой Советского союза, училась на механико-математическом факультете МГУ, ушла на фронт в 1941 г.
- И. В. Русаков – Иван Васильевич, (1877–1921), деятель российского революционного движения, врач-педиатр.
- Ф. П. Саваренский – Федор Петрович, (1881–1946), советский гидролог.
- А. Н. Савич – Алексей Николаевич – (1810–1883) известный русский астроном, член Академии наук.
- Ю. Саламатин – сведений обнаружить не удалось.
- В. Г. Сахновский – Василий Григорьевич, (1886–1945), советский театровед, режиссер, народный артист РСФСР (с 1938).
- М. А. Светлов – Михаил Аркадьевич, (1903–1964), русский советский поэт, драматург.
- Н. А. Северцов – Николай Алексеевич (1827–1885), русский зоолог, зоогеограф и путешественник.
- Н. А. Семашко – Николай Александрович, (1874–1949), советский государственный партийный деятель, один из организаторов советского здравоохранения.
- С. М. Семенов – сведений не имеется.
- В. И. Сизов – сведений не имеется.
- И. И. Скворцов-Степанов – Иван Иванович, (1870–1928), советский государственный партийный деятель, публицист.
- В. А. Слепцов – Василий Алексеевич, (1836–1887), русский писатель.
- П. Г. Смилович – Петр Гермогенович, (1874–1935), деятель российского революционного движения, советский государственный деятель.
- Л. В. Собинов – Леонид Витальевич, (1872–1934), русский певец, лирический тенор.
- И. И. Сомов – Иосиф Иванович, (1815–1876), математик, окончил физико-математический ф-т МГУ, профессор Петербургского университета.
- С. С. Спандарян – Сурен Спандарович, (1882–1916), деятель российского революционного движения, литературный критик.
- С. И. Спасокукоцкий – Сергей Иванович, (1870–1943), советский хирург, основатель научной школы, академик АН СССР.
- Г. Н. Сперанский – Георгий Нестерович, (1873–1969), советский педиатр.
- Н. В. Станкевич – Николай Владимирович, (1813–1840), русский общественный деятель, философ, поэт.
- И. Е. Старов – Иван Егорович, (1745–1808, Санкт-Петербург) – русский архитектор. Воспитанник благородного пансиона Московского университета.
- М. А. Стахович – Михаил Александрович, (1818/20–1858) Общественный и музыкальный деятель, известный литератор.

- Б. С. Стечкин – Борис Сергеевич, (1891–1969), советский ученый, академик АН СССР.
- А. Г. Столетов – Александр Григорьевич, (1839–1896), физик-экспериментатор, автор классических исследований магнитных свойств железа, основатель московской научной физической лаборатории Московского университета.
- Н. П. Сунгуров – Николай Сунгуров, создатель рев. кружка, продолжавшего дело декабристов, арестован в 1831 г.
- А. В. Сухово-Кобылин – Александр Васильевич, (1817–1903), русский драматург.
- Б. М. Сушкевич – Борис Михайлович, (1887–1946), советский режиссер, актер, народный артист РСФСР (с 1944).
- П. П. Сушкин – Петр Петрович, (1868–1928), советский зоолог, акад. АН СССР.
- Т. Ю. Табидзе – Тициан Юстинович, (1895–1937), грузинский советский поэт.
- Г. А. Тихов – Гавриил Андрианович, (1875–1960), советский астроном.
- И. С. Тургенев – Иван Сергеевич Тургенев, (1818–1883), русский писатель.
- Н. И. Тургенев – Николай Иванович, (1789–1871), декабрист, один из учредителей «Союза благоденствия».
- Ф. И. Тютчев – Федор Иванович, (1803–1873), русский поэт.
- И. Д. Удальцов – Иван Дмитриевич, (1885–1958), юрист, экономист, ректор Московского государственного университета (1928–1930).
- Д. И. Ульянов – Дмитрий Ильич, (1873–1943), советский государственный партийный деятель, врач.
- Г. И. Успенский – Глеб Иванович, (1843–1902), русский писатель.
- К. Д. Ушинский – Константин Дмитриевич, (1824–1870/71), русский педагог-демократ, основоположник научной педагогики в России.
- В. А. Фаворский – Владимир Андреевич, (1886–1964), советский график и живописец.
- Н. М. Федоровский – Николай Михайлович, (1886–1956), советский минеролог.
- А. П. Федченко – Александр Павлович, (1844–1873), выдающийся русский ученый, биолог, географ и путешественник, исследователь Средней Азии, в первую очередь, Памира.
- Н. Ф. Федоров – Николай Федорович, (1828–1903), русский религиозный мыслитель-утопист.
- А. Е. Ферсман – Александр Евгеньевич, (1883–1945), советский геохимик, и минеролог. Один из основоположников геохимии.
- В. П. Филатов – Владимир Петрович, (1875–1956), советский офтальмолог, хирург.
- Д. П. Филатов – Дмитрий Петрович, (1876–1943), советский эмбриолог.
- И. А. Фомин – Иван Александрович, (1872–1936), советский архитектор.
- Д. И. Фонвизин – Денис Иванович, (1744/5–1792), русский писатель сатирик и драматург, просветитель.

Д. А. Фурманов – Дмитрий Андреевич, (1891–1926), русский советский писатель.

Ф. И. Хасхачих – Федор Игнатьевич, (1907–1942), декан философского ф-та МГУ, доброволец, героически погиб в ВОВ, защищая Отечество.

Г. А. Цаголов – Георгий Александрович, (1897–1919), студент, один из руководителей борьбы за Советскую власть на Кавказе.

А. Г. Цулукидзе – Александр Григорьевич, (1867–1905), деятель революционного движения в Закавказье, партийный публицист.

П. Я. Чаадаев – Петр Яковлевич, (1794–1856), русский религиозный философ и публицист.

П. Л. Чебышев – Пафнутий Львович, (1821–1894), русский математик, создатель научной школы.

А. П. Чехов – Антон Павлович, (1860–1904), русский писатель и драматург.

Л. А. Чугаев – Лев Александрович, (1873–1922), советский химик, создатель отечественной школы по химии комплексных сред.

М. Д. Чулков – Михаил Дмитриевич, (1743/44–1792), русский писатель, историк, этнограф, экономист.

Е. А. Шамшикова – Елизавета Александровна, (1917–1941), выпускница исторического ф-та МГУ, героически погибла в 1941 г. Посмертно награждена Орденом Красного Знамени.

А. А. Шахматов – Алексей Александрович, (1864–1920), русский филолог, академик Петерб. Акад наук (с 1894).

Н. П. Шмит – Николай Павлович, (1883–1907), студент Московского университета, большевик, участник Декабрьского вооруженного восстания, погиб в тюрьме.

П. К. Штернберг – Павел Карлович, (1865–1920), астроном, профессор МГУ, директор Московской обсерватории (1916–1917).

Н. Н. Яковлев – Николай Николаевич, (1870–1966), советский геолог, палеонтолог.

Н. Н. Яковлев – Николай Николаевич, (1886–1918), деятель российского революционного движения.

И. Д. Якушкин – Иван Дмитриевич, декабрист, (1793–1857), участник войны 1812 г., один из кредителers Союза спасения.

АУДИТОРНЫЙ КОРПУС МГУ
архитекторы Е. Д. Тюрин и К. М. Быковский
1835, 1904

Здесь была сосредоточена
преподавательская и исследовательская работа
в области механики и математики,
сложилась московская научная
математическая школа

Здесь работали:

Н. К. БАРИ
Н. Д. БРАШМАН
Б. В. БУЛГАКОВ
Н. Н. БУХГОЛЬЦ
Н. А. ГЛАГОЛЕВ
В. В. ГОЛУБЕВ
Ю. А. ДАВИДОВ
Д. Ф. ЕГОРОВ
И. И. ЖЕГАЛКИН
Н. Е. ЖУКОВСКИЙ

В. Ф. КОГАН
Н. Е. КОЧИН
А. С. ЕРШОВ
Н. Н. ЛУЗИН
Б. К. МЛОДЗЕЕВСКИЙ
Л. С. ЛЕЙБЕНЗОН
А. И. НЕКРАСОВ
К. М. ПЕТЕРСОН
М. Я. СУСЛИН
В. В. СТЕПАНОВ

П. С. УРЫСОН
С. П. ФИНИКОВ
С. А. ЧАПЛЫГИН
А. Я. ХИНЧИН
О. Ю. ШМИТД
Н. Г. ШНИРЕЛЬМАН
А. А. ЭЙХЕНВАЛЬД
С. А. ЯНОВСКАЯ

Н. К. БАРИ – Нина Карловна (1901–1961) – математик, д-р физико-математических наук, окончила МГУ в 1921 г. С 1930 по 1941 г. работала в МГУ, с 1934 профессор МГУ.

Н. Д. БРАШМАН – Николай Дмитриевич (1796–1866), математик и механик. С 1834 г. профессор МГУ, член-корр. Петербургской Акад. Наук (с 1855г.), основатель Московского математического об-ва при МГУ в 1865 г.

Б. В. БУЛГАКОВ – Борис Владимирович (1900–1952), механик, окончил МГУ в 1928 г. С 1930 по 1941 г. работал в МГУ, член-корр. АН СССР с 1946 г.

Н. Н. БУХГОЛЬЦ – Николай Николаевич (1881–1944), специалист по теоретической механике, окончил физико-математический факультет Московского университета (1914). С 1931 года – профессор, а с 1933 года – заведующий кафедрой теории упругости Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Н. А. ГЛАГОЛЕВ – Нил Александрович, (1888–1945), математик, окончил МГУ в 1912 г. В 1913–1934 гг. работал в МГУ, с 1916 г. профессор МГУ; труды по синтетической проективной геометрии.

В. В. ГОЛУБЕВ – Владимир Васильевич (1884–1954), математик и механик, член-корр. АН СССР с 1934. Окончил МГУ в 1908 г. С 1930 г. профессор МГУ, труды в области аэромеханики и истории математики.

Ю. А. ДАВИДОВ – Август Юльевич, (1823–1886), окончил МГУ в 1845 г. С 1853 г. профессор МГУ, один из основателей Московского математического общества (1865).

Д. Ф. ЕГОРОВ – Дмитрий Федорович (1869–1931), математик и механик, окончил МГУ в 1891 г. С 1903 г. профессор МГУ, президент Московского математического общества (1922–1931), член Росс. Академии Наук (1924), почетный член-корр. АН СССР с 1929 г.

И. И. ЖЕГАЛКИН – Иван Иванович (1869–1947), окончил МГУ в 1893 г. С 1911 г. работал в МГУ, труды в области математической логики.

Н. Е. ЖУКОВСКИЙ – Николай Егорович (1847–1921), окончил МГУ в 1868 г. С 1886 г. работал в МГУ. Основатель целого ряда научных школ и направлений. Один из «отцов авиации», основоположник современной аэродинамики, член Петерб. АН (с 1894), организатор и первый руководитель ЦАГИ (1918 г.).

В. Ф. КОГАН – известный геометр (больше сведений нет).

Н. Е. КОЧИН – Николай Евграфович (1901–1944), математик и механик, с 1938 по 1944 г. работал в МГУ, с 1939 г. член-корр. АН СССР, труды в области метеорологии теоретической механики и математики.

А. С. ЕРШОВ – Александр Степанович (1818–1867), механик, окончил МГУ в 1839 г., с 1948 профессор МГУ, труды в теории механизмов.

Н. Н. ЛУЗИН – Николай Николаевич (1883–1950), математик, окончил МГУ в 1908 г., с 1917 г. профессор МГУ, труды в теории метрических функций, член-корр. АН СССР с 1929 г.

Б. К. МЛОДЗЕВСКИЙ – Болеслав Корнелиевич (1958–1923). В 1880 г. окончил курс в Московском университете. С 1885 г. приват-доцент Московского университета, с 1892 г. экстраординарный профессор того же университета по кафедре чистой математики. Один из организаторов Московских высших женских курсов, член Московского математического общества, его председатель с 1921 по 1923 г. Научные труды относятся к дифференциальной и алгебраической геометрии и ее приложениям.

Л. С. ЛЕЙБЕНЗОН – Леонид Самуилович (1879–1951), механик, основатель подземной гидравлики, окончил МГУ в 1901 г., с 1923 по 1951 г. – профессор МГУ, с 1943 г. член-корр. АН СССР.

А. И. НЕКРАСОВ – Александр Иванович (1883–1957), механик, труды в области вязкой жидкости, обтекаемой вязкости жидкости и т.д., с 1946 г. член-корр. АН СССР.

К. М. ПЕТЕРСОН – Карл Михайлович (1828–1881), математик, основатель московской научной школы по геометрии.

М. Я. СУСЛИН – Михаил Яковлевич (1894–1919), математик, в 1917 г. окончил МГУ. С 1917 по 1919 г. работал в МГУ. Один из создателей современной дескриптивной теории множеств.

В. В. СТЕПАНОВ – Вячеслав Васильевич, (1889–1950), математик, труды по теории функций и дифференциальным уравнениям, с 1946 г. член-корр. АН СССР.

П. С. УРЫСОН – Павел Самсонович, (1898–1924), математик, труды по теории функций и топологии.

С. П. ФИНИКОВ – Сергей Павлович (1883–1964). В 1906 г. окончил МГУ. С 1918 г. – профессор МГУ.

С. А. ЧАПЛЫГИН – Сергей Александрович, (1869–1942), труды по теоретической механике и аэродинамике, совместно с Н.А. Жуковским основатель ЦАГИ.

А. Я. ХИНЧИН – Александр Яковлевич, (1894–1959), математик, член-корр. АН СССР с 1939 г., труды по теории функций, теории чисел, теории вероятностей.

О. Ю. ШМИДТ – Отто Юльевич, (1891–1956), ученый и государственный деятель, один из основателей Северного морского пути вице-президент АН СССР (1939–1942), один из основателей БСЭ.

Н. Г. ШНИРЕЛЬМАН – Лев Германович (1905–1938), математик, член-корр. АН СССР с 1933 г., труды по теории чисел, теории вариационных исчислений.

А. А. ЭЙХЕНВАЛЬД – АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1863–1864) – 1944, ученый в области физики, электротехники, закончил физический ф-т Страсбургского ун-та в 1897 г. В 1901–1917 гг. преподавал на Московских высших женских курсах, в Московском университете (1906–1911, 1911–1919 гг., с 1910 – профессор).

С. А. ЯНОВСКАЯ – Софья Александровна (1896–1966), математик, с 1925 г. работала в МГУ, труды по математической логике.

В АУДИТОРНОМ КОРПУСЕ МГУ
в 1919 – 1932 гг.
помещался
открытый 8 октября 1919 года
один из первых рабфаков
РАБФАК МГУ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АУДИТОРИЯ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Здесь выступали:

Николай Асеев	С. Я. Маршак	Алексей Толстой
Демьян Бедный	Н. Д. Мордвинов	Е. Д. Турчанинова
М. М. Блюменталь-Тамарина	И. М. Москвин	Иосиф Уткин
Валерий Брюсов	Алексей Недогонов	Александр Фадеев
Виктор Гусев	А. В. Нежданова	Дмитрий Фурманов
М. Н. Ермолова	Д. Н. Орлов	Назим Хикмет
Сергей Есенин	А. А. Остужев	Н. П. Хмелев
Эммануил Казакевич	Н. А. Обухова	Корней Чуковский
В. И. Качалов	В. Н. Пашенная	Н. К. Черкасов
О. Л. Книшпер-Чехова	А. С. Пирогов	Б. В. Шукин
Михаил Кольцов	В. Н. Рыжова	Илья Эренбург
Владимир Луговской	П. М. Садовский	А. А. Яблочкина
Владимир Маяковский	М. А. Светлов	Владимир Яхонтов
В. Э. Мейерхольд	Илья Сельвинский	
	Л. В. Собинов	

Н.Н. Асеев – Николай Николаевич, (1889–1963), русский поэт.
Демьян Бедный – Ефим Алексеевич Придворов), (1883–1945), русский поэт.
М. М. Блюменталь-Тамарина – Мария Михайловна, (1859–1938), актриса, народная артистка СССР (с 1936).
Валерий Брюсов – Валерий Яковлевич, (1873–1924), русский поэт.
Виктор Гусев – Виктор Михайлович, (1909–1944), русский поэт, драматург.
М. Н. Ермолова – Мария Николаевна, (1853–1928), актриса, народная артистка СССР (с 1920).
Сергей Есенин – Сергей Александрович, (1895–1925), русский поэт.
Эммануил Казакевич – Эммануил Генрихович, (1913–1962), русский писатель.
В. И. Качалов – Василий Иванович Шверубович, (1875–1948), артист, народный артист СССР (с 1936).

О. Л. Книппер-Чехова – Ольга Леонардовна, (1868–1959), актриса, народная артистка СССР (с 1937).

Михаил Кольцов – Михаил Ефимович Фридлянд, (1898–1942), русский писатель, публицист, журналист-международник.

Владимир Луговской – Владимир Александрович, (1901–1957), русский поэт.

Владимир Маяковский – Владимир Владимирович, (1893–1930), русский поэт.

В. Э. Мейерхольд – Всеволод Эмильевич, (1874–1940), советский режиссер, народный артист СССР (с 1923).

С. Я. Маршак – Самуил Яковлевич, (1887–1964), русский поэт, переводчик, классик советской детской литературы.

Н. Д. Мордвинов – Николай Дмитриевич, (1901–1966), артист, народный артист СССР (с 1949).

И. М. Москвин – Иван Михайлович, (1874–1946), артист, народный артист СССР (с 1936).

Алексей Недогонов – Алексей Иванович, (1914–1948), русский поэт.

А. В. Нежданова – Антонина Васильевна, (1873–1950), певица, народная артистка СССР (с 1936).

Д. Н. Орлов – Дмитрий Николаевич, (1892–1955), актер, народный артист СССР (с 1943).

А. А. Остужев (Пожаров) – Александр Алексеевич, (1874–1953), артист, народный артист СССР (с 1937).

Н. А. Обухова – Надежда Андреевна, (1886–1961), певица, народная артистка СССР (с 1937).

В. Н. Пашенная – Вера Николаевна, (1887–1962), актриса, народная артистка СССР (с 1937).

А. С. Пирогов – Александр Степанович, (1899–1964), певец, народный артист СССР (с 1937).

В. Н. Рыжова – Варвара Николаевна, (1871–1963), актриса, народная артистка СССР (с 1937).

П. М. Садовский – Пров Михайлович, (1817–1872), драматический артист, родоначальник актерской школы, связанной с творчеством А.Н. Островского.

М. А. Светлов – Михаил Аркадьевич, (1903–1964), русский поэт и драматург.

Илья Сельвинский – Карл Львович, (1899–1968), русский поэт.

Л. В. Собинов – Леонид Витальевич, (1872–1934), певец, народный артист СССР (с 1923).

Алексей Толстой – Алексей Николаевич, (1882/83–1945), русский писатель.

Е. Д. Турчанинова – Евдокия Дмитриевна, (1870–1963), актриса, народная артистка СССР (с 1943).

Иосиф Уткин – Иосиф Павлович, (1903–1944), русский поэт.

Александр Фадеев – Александр Александрович, (1901–1956), русский писатель.

Дмитрий Фурманов – Дмитрий Андреевич, (1891–1926), русский писатель.

Назым Хикмет – (1902–1963), турецкий писатель и общественный деятель.

Н. П. Хмелев – Николай Павлович, (1901–1945), актер, народный артист СССР (с 1937).

Корней Чуковский – Корней Иванович, (1882–1969), русский писатель и переводчик, классик детской литературы.

Н. К. Черкасов – Николай Константинович, (1903–1966), актер, народный артист СССР (с 1947).

Б. В. Шукин – Борис Васильевич, (1894–1939), актер, народный артист СССР (с 1936).

Илья Эренбург – Илья Григорьевич, (1891–1967), русский писатель и общественный деятель.

А. А. Яблочкина – Александра Александровна, (1886–1964), русская актриса, народная артистка СССР (с 1937).

Владимир Яхонтов – Владимир Николаевич, (1899–1945), артист эстрады, мастер художественного слова, народный артист СССР (с 1936).

ФИЗИЧЕСКИЙ ИСТИТУТ МГУ

построен в 1904 г.

Здесь в 1904 – 1953 гг. было сосредоточено преподавание и научные исследования в области физики.

Здесь работали:

В. К. АРКАДЬЕВ

Н. С. АКУЛОВ

А. А. АНДРОНОВ

С. А. БОГУСЛАВСКИЙ

Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ

В. И. ВЕКСЛЕР

Ю. В. ВУЛЬФ

А. А. ГЛАГОЛЕВА-АРКА-

ДЬЕВА

Л. Д. ЛАНДАУ

П. П. ЛАЗАРЕВ

Г. С. ЛАНДСБЕРГ

П. Н. ЛЕБЕДЕВ

В. Ф. ЛУНГИНИН

Л. И. МАНДЕЛЬШТАМ

Н. Д. ПАПАЛЕКСИ

Е. Ф. САВАРЕНСКИЙ

И. Е. ТАММ

С. И. ВАВИЛОВ

Н. А. УМОВ

О. Ю. ШМИДТ

А. В. ШУБНИКОВ

П. К. ШТЕРНБЕРГ

В. В. ШУЛЕЙКИН

А. А. ЭЙХЕНВАЛЬД

и другие выдающиеся физики

В. К. АРКАДЬЕВ – Владимир Константинович (1884–1953), физик, член-корр. АН СССР (с 1927), один из основателей магнитодинамики.

А. А. АНДРОНОВ – Александр Александрович, (1884–1953), физик, академик АН СССР (с 1946), основатель научной школы по теории нелинейных колебаний.

С. А. БОГУСЛАВСКИЙ Сергей Анатольевич, (1833–1923), физик-теоретик. Профессор Саратовского (с 1918) и Моск. (с 1919) университетов. Труды по статистич. теории кристаллов, гидродинамике, молекулярной физике, термодинамике.

С. И. ВАВИЛОВ – Сергей Иванович, (1891–1951), физик, профессор МГУ (1950–1980), создатель первой русской научной школы оптики, академик АН СССР (с 1932).

Б. А. ВВЕДЕНСКИЙ Борис Алексеевич, (1893–1969), радиопизик, разработал теорию УКВ, академик АН СССР (с 1943).

В. И. ВЕКСЛЕР Владимир Иосифович, (1907–1966), физик, академик АН СССР (с 1958), основатель научной школы по физике и технике заряженных частиц.

Ю. В. ВУЛЬФ – Юрий (Георгий) Викторович, (1863–1925) – советский кристаллограф, член-корреспондент РАН (1921).

А. А. ГЛАГОЛЕВА-АРКАДЬЕВА Александра Андреевна (1884–1945), физик, профессор МГУ (с 1930), создатель массового излучателя.

Л. Д. ЛАНДАУ – Лев Давидович (1908–1968), физик-теоретик, академик АН СССР (с 1946), основатель научной школы по физике твердого тела.

П. П. ЛАЗАРЕВ – Петр Петрович, (1878–1942), физик, био- и геофизик, академик АН СССР (с 1917).

Г. С. ЛАНДСБЕРГ – Григорий Самсонович, (1890–1957), физик, академик АН СССР (с 1946). основатель первой научной школы спектроскопии.

П. Н. ЛЕБЕДЕВ – Петр Николаевич (1866–1912), физик, один из основателей экспериментальной физики в России, создатель первой русской научной школы физики, профессор (1900–1911) Московского университета.

В. Ф. ЛУГИНИН – Владимир Федорович (1834–1911), физико-химик, труды по термехимии. В 1853 окончил Михайловское артиллерийское училище, в Михайловскую военную артиллерийскую академию. Изучает химию в Гейдельберге и Париже. В 1889–1905 гг. работает в Московском университете, где на свои средства организует первую в России термехимическую лабораторию (ныне носит его имя). В 1899 избран почетным профессором Московского университета.

Л. И. МАНДЕЛЬШТАМ – Леон Исакович (1879–1944), физик, один из основателей научной школы по радиофизике в России, академик АН СССР (с 1929).

Н. Д. ПАПАЛЕКСИ – Николай Дмитриевич (1880–1947), физик, один из основателей научной школы по радиофизике в России, академик АН СССР (с 1939).

Е. Ф. САВАРЕНСКИЙ – Евгений Федорович, (1911–1980), физик, профессор МГУ (1950–1980), специалист в области сейсмометрии, член-корр. АН СССР (с 1966).

Н. САКУЛОВ – данных не имеется.

И. Е. ТАММ – Игорь Евгеньевич, (1846–1915), физик-теоретик, создатель научной школы по ядерной физике, академик АН СССР (с 1953).

Н. А. УМОВ – Николай Алексеевич (1846–1915), физик-теоретик, энциклопедист, профессор Московского университета (с 1893).

О. Ю. ШМИДТ – Отто Юльевич, (1891–1956), ученый и государственный деятель, один из основателей Северного морского пути вице-президент АН СССР (1939–1942), один из основателей БСЭ.

П. К. Штернберг – Павел Карлович, (1865–1920), астроном, профессор МГУ, директор Московской обсерватории (1916–1917).

А. В. ШУБНИКОВ – Алексей Васильевич (1887–1970) – физик, специалист по кристаллографии; академик АН СССР (с 1953).

В. В. ШУЛЕЙКИН – Василий Владимирович (1895–1979) – геофизик, специалист по физике моря; академик АН СССР.

А. А. ЭЙХЕНВАЛЬД – АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1863/1864–1944), ученый в области физики, электротехники, закончил физический ф-т Страсбургского ун-та в 1897 г. В 1901–1917 гг. преподавал на Московских высших женских курсах, в Московском университете (1906–1911, 1911–1919, с 1910 – профессором).

Особняк конца XVIII века
Архитектор М. Ф. КАЗАКОВ
В этом доме в 1934–1970 гг. помещался
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ

Здесь работали:

С. В. БАХРУШИН	Н. М. ЛУКИН	А. Л. СИДОРОВ
В. П. ВОЛГИН	Н. А. МАШКИН	Е. В. ТАРЛЕ
Б. Д. ГРЕКОВ	З. Р. НЕЕДЛЫ	М. Н. ТИХОМИРОВ
Ю. В. ГОТЬЕ	А. М. ПАНКРАТОВА	П. Ф. ЮДИН
И. П. ГРАЦИАНСКИЙ	В. И. ПИЧЕТА	В. Г. ЮДОВСКИЙ
С. В. КИСЕЛЕВ	И. М. РЕЙСНЕР	
Е. А. КОСМИНСКИЙ	В. С. СЕРГЕЕВ	

и другие выдающиеся советские историки

С. В. Бахрушин – Сергей Владимирович (1882–1950) – советский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1939 г.).

В. П. Волгин – Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1930 г.).

Б. Д. Греков – Борис Дмитриевич (1882–1953) – советский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1935 г.).

Ю. В. Готье – Юрий Владимирович (1873–1943) – советский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1939 г.).

Н. П. Грацианский – Николай Павлович (1886–1945) – советский историк, профессор (с 1921 г.).

С. В. Киселев – Сергей Владимирович (1905–1962) – советский археолог, чл.-кор. АН СССР (с 1953 г.).

Е. А. Косминский – Евгений Александрович (1886–1959) – советский историк, чл.-кор. –АН СССР (с 1959 г.).

Н. М. Лукин – Николай Михайлович (псевд. Антонов) (1885–1940)– советский историк, чл.-кор. АН СССР (с 1929 г.).

Н. А. Машкин – Николай Александрович (1900–1950) – советский историк античности, профессор (с 1939 г.).

З. Неудлы – Зданек (1878–1962) – чехословацкий ученый и общественный деятель, историк, первый президент чехословацкой Академии Наук СССР (с 1947 г.).

А. М. Панкратова – Анна Михайловна (1897–1957) – советский историк, академик АН СССР (с 1953 г.).

В. И. Пичета – Владимир Иванович (1878–1947) – советский историк, академик АН СССР (с 1946 г.).

И. М. Рейснер – Игнатий Михайлович (1898/99–1958) – советский востоковед, профессор (с 1921 г.).

В. С. Сергеев (1879–1962) – советский историк, сведений не имеется.

А. Л. Сидоров – Аркадий Лаврович (1900–1966) – советский историк, д-р историч. наук, профессор (с 1943 г.).

Е. В. Тарле – Евгений Викторович (1875–1955) – советский историк, академик АН СССР (с 1927 г.).

М. Н. Тихомиров – Михаил Николаевич (1893–1965) – советский историк, академик АН СССР (с 1953 г.).

В. Г. Юдовский – Владимир Григорьевич (1889–1949) – деятель русского революционного движения.

РЕКТОРСКИЙ ДОМ
построен в XVIII в., куплен университетом в 1802 г.

Здесь жили:

В. Г. БЕЛИНСКИЙ
И. А. ДВИГУБСКИЙ
Н. И. НАДЕЖДИН

А. П. и М. В. ПАВЛОВЫ
А. В. БОЛДЫРЕВ
В. В. МАРКОВНИКОВ

Д. М. ПЕРЕВОЩИКОВ
П. И. СТРАХОВ

Здесь находилась в 1872–1903 гг.
Физическая лаборатория университета,
в которой сложилась научная школа
А. Г. СТОЛЕТОВА
и работали его соратники и ученики
Р. А. КОЛЛИ
П. Н. ЛЕБЕДЕВ
В. А. МИХЕЛЬСОН
Н. А. УМОВ

Содержание

К читателю	3
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЕГО ВРЕМЯ И ЛЮДИ	7
Из лекции В. А. Садовниченко на Международном конгрессе «Ломоносов – 94». 19 октября 1994 г.	7
Из Слова о Московском университете, произнесенного В. А. Садовничим на торжественном заседании Совета Ученых советов в Татьянин день 2010 года.....	10
<i>М. И. Алексеева</i>	
Сохранить для потомков.....	18
<i>Я. Н. Засурский</i>	
М. В. Ломоносов и риторика в современной журналистике	24
<i>Г. В. Пруткин</i>	
Живой Ломоносов.....	27
<i>Е. В. Скударь</i>	
Ещё один «взгляд на Вольный Благородный пансион» при Московском университете.....	42
<i>М. И. Алексеева</i>	
Университет и провинция.....	48
Вослед Ломоносову. Письмо ректору МГУ академику И. Г. Петровскому и секретарю парткома МГУ В. Н. Ягодкину ...	51
Федеральный закон Российской Федерации «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете»	57
ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ	61
<i>Н. В. Успенская</i>	
«Природа» и Московский университет: к истории издания журнала	61
<i>С. Н. Корсаков</i>	
Забывтый директор МГУ	70
<i>Алеся Митрохина, Юлия Петропавловская</i>	
Строили, строили.....	78
СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ	84
<i>Д-р Н.Е. Осипов</i>	
Воспоминания о первых профессорах психиатрии Московского университета. Корсаков и Сербский.....	84
<i>Н.В. Фролова</i>	
Федор Плевако и Савва Мамонтов	101
<i>Б.Л. Альтшулер</i>	
Пушкин, стихи, музыка в «Дневниках» Андрея Сахарова.....	122

ВЕЧНО ЖИВЫЕ ИДЕИ.....	134
<i>Л. С. Кустова</i>	
Н. С. Трубецкой.....	134
УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ.....	145
<i>С. Н. Корсаков</i>	
Декан Юдинцев	145
<i>М. И. Алексеева</i>	
В поисках утраченного времени	161
<i>И. Я. Новицкая</i>	
Урок поэтического мастерства: Астрид Линдгрэн дает профессиональные рекомендации	163
<i>В. С. Виноградский</i>	
Аудитория	168
Наш дом. Строительство и архитектура	169
Фотоальбом. Новое здание	169
<i>М. И. Алексеева</i>	
Старое здание МГУ. Аудиторный корпус.....	180
<i>Игорь Волгин</i>	
Дворик на проспекте Маркса.....	181
<i>Юлия Анненкова</i>	
Моховая, 9	183
Страница памяти.....	184
<i>Маргарита Баронова</i>	
Не дожившие до Победы, но дошедшие до Берлина	184
<i>Владимир Виноградский</i>	
Памяти ректора МГУ Р. В. Хохлова	186
Университеты мира.....	187
<i>Н. А. Шилов</i>	
Письмо из Манчестера.....	187
<i>В. С. Виноградский</i>	
Стихи.....	186
<i>Н. Катакам</i>	
Молодая Япония	195
<i>А. В. Раскин</i>	
Университетские кафедры ЮНЕСКО.....	200
Публикации.....	204
<i>В. Я. Брюсов</i>	
Университет. Комментарии <i>Н.В. Фроловой</i>	204
Стихотворение Эдуарда Багрицкого «Ломоносов».	
Публикация <i>А.В. Бакунцева</i>	210
<i>Е.В. Скударь</i>	
В дополнение к опубликованной заметке	215

Студенческая жизнь. Традиции и обычаи	217
«...в пользу Пятигорского студенческого санатория»	
Письмо редакции «Общестуденческого литературного сборника» в Правление Императорского Новороссийского университета (Одесса)	
Публикация <i>А.В. Бакунцева</i>	217
<i>Э. В. Степченко</i>	
Мой университет.....	221
<i>Н. Ф. Ус</i>	
Жизнь одного студента	223
<i>Б. М. Болотовский</i>	
Вспоминая «наши годы молодые»	231
Студенты журфака шутят... ..	239
<i>В. А. Свейников</i>	
Татьянин день на биофаке	240
День студента-горняка	242
В формате хроники.....	246
Медали Академии наук – студентам	246
Экономико-математическая школа.....	246
Почетные граждане Кижей	247
Александровские вторники.....	247
Находке – 800 миллионов лет.....	248
Помогая семьям погибших	248
Общество семи муз	249
Актовая речь.....	249
Новая дисциплина.....	249
Аллея дружбы	250
«Путь в науку»	250
Компьютер «Ломоносов»	250
Без экзаменов на географический факультет	251
Ботанический сад Московского университета	251
Ботанический сад МГУ «Аптекарский огород»	251
Открылся Московский планетарий	252
Интересные подробности	253
Прошение в Московский университет	253
Любопытный факт из биографии Л. Н. Толстого	254
Праправнучка М.В. Ломоносова	255
Дорогой товарищ Павел Барто!.....	256
Бывало и такое	256
Приложения.....	258

Ответственный редактор: *М. И. Алексеева*
Составители: *М. И. Алексеева, Н. В. Фролова*
Компьютерный набор: *Л. М. Лосева*
Корректурa: *студенты-вечерники 404 группы*
редакционно-издательского отделения
Оформление обложки, верстка *Д. Ю. Рожков*